Касслер Клайв, Блэквуд Грант
«Королевство»

Пролог

Забытая земля

«Неужели я последний Хранитель из первоначальных ста сорока одного?» Эта мрачная мысль не шла из головы у Дхакала.

Восемь недель назад главные силы захватчиков стремительно и жестоко вторглись в страну. Кавалерия и пехота обрушивались с холмов и затапливали долины, стирая с лица земли деревни и убивая всех на своем пути.

Вместе с армией шли отборные отряды, у которых была одна задача: найти священный Теуранг и принести королю. Предвидя это, Хранители, чьим единственным долгом было хранить священную реликвию, извлекли ее из почетного хранилища и унесли.

Дхакал пустил лошадь шагом, свернул с тропы через заросли и остановился на маленькой тенистой поляне. Слез с седла, позволяя лошади подойти к ближайшему ручейку, наклонить голову и начать пить. Пройдя за лошадью, проверил кожаные ремни, удерживавшие деревянный кубический ларец под ее крупом. Как всегда, груз держался прочно.

Это ларец — настоящее чудо; такой прочный, что без малейших трещин выдерживает падение с высокой скалы и постоянные удары. У него много замков, они потайные и устроены так изобретательно, что открыть их почти невозможно.

Ни у одного из десяти Хранителей из отряда Дхакала не было ни возможностей, ни способностей открыть этот уникальный ларец, да они и не знали, что в нем: подлинная реликвия или замена. Эта честь, а возможно, проклятие принадлежит исключительно Дхакалу. Ему неизвестно, как он был избран. Он знает только, что в его ларце священный Теуранг. Скоро, если повезет, он найдет ему безопасное укрытие.

Почти девять недель он бежит, покинув столицу со своим отрядом всего за пару недель до ее захвата. Два дня скакали они верхом на юг, и дым горящих домов и полей заполнял небо за их спинами. На третий день

они разделились, каждый Хранитель пустился заранее назначенной дорогой, некоторые прочь от передовой линии захватчиков, но некоторые повернули к ней. Эти храбрецы либо мертвы, либо принимают мучения от рук иноземцев, которые, завладев ларцом с приманкой, теперь пытаются узнать, где подлинник. Но, как и задумано, никто из Хранителей не способен сообщить им это.

Дхакал же получил приказ ехать строго на восток, навстречу восходящему солнцу, и этого направления он придерживался шестьдесят один день. Земля, где он оказался, очень отличается от суровой горной местности, в которой он вырос. Здесь тоже горы, но они поросли густым лесом и разделены глубокими ущельями, дно которых усеяно озерами. Это позволяет без труда скрываться, но сильно замедляет продвижение. Такая местность — обоюдоострый меч: врагам легко подстеречь его в засаде.

До сих пор ему много раз едва удавалось уйти, помогала отличная выучка. Пять раз Дхакал наблюдал из укрытия, как преследователи проезжают в нескольких футах от него, а дважды ему пришлось вести тщательно продуманный бой с конными отрядами врага. Их было много, а он уставший, но всякий раз его враги падали замертво, а их лошади разбегались.

Последние три дня он не видел и не слышал преследователей. Да и местных жителей встречал редко; те, кого встречал, не обращали на него внимания. Лицом и фигурой он такой же, как они. Чутье говорило ему, что надо ехать, пока достаточное расстояние не станет отделять его от…

Ярдах в пятидесяти по течению ручья хрустнула ветка. Другой не обратил бы на это внимания, но Дхакал знал, с какими звуками лошадь пробирается через густой подлесок. Его собственная лошадь перестала пить и подняла голову, прядая ушами.

С тропы донесся новый звук — удар лошадиного копыта о камешки. Дхакал снял со спины лук, достал стрелу из колчана и присел в высокой, по колено, приречной траве. Частично закрытый ногами лошади, он вглядывался из-под брюха, искал следы движения. Ничего. Он повернул голову направо. Сквозь деревья едва виднелась узкая тропа. Дхакал смотрел, ждал.

Снова скрип камней под копытами.

Дхакал наложил стрелу и слегка натянул тетиву.

Несколько мгновений спустя на тропе появилась лошадь и начала осторожно приближаться. Потом остановилась. Дхакал видел только ноги всадника и руку в черной перчатке на луке седла, с пальцев

свободно свисал повод. Рука дернулась, слегка натянув его. Лошадь заржала и топнула.

Намеренное движение, сразу понял Дхакал. Отвлекает.

Они нападут со стороны леса.

Дхакал натянул лук, прицелился и выпустил стрелу. Острие пронзило ногу всадника почти у самого верха. Чутье подсказало Дхакалу, что он поразил цель. Стрела пробила жилу: противник выведен из строя и через несколько минут умрет.

Все еще присевший, Дхакал развернулся на пятках и достал из колчана еще три стрелы; две положил на землю рядом с собой, третью наложил на тетиву. В тридцати футах от него трое, обнажив мечи, подбирались к нему через подлесок. Дхакал прицелился в переднего и выстрелил. Тот упал. Дхакал стремительно выстрелил еще дважды и попал одному в грудь, другому в горло. Четвертый нападающий с боевым кличем кинулся к нему из-за деревьев. Он почти добрался до ручья, когда его сбила стрела Дхакала.

В лесу стало тихо.

«Четверо? — подумал Дхакал. — Раньше они никогда не посылали меньше дюжины».

И словно в ответ на его удивление позади на тропе послышался конский топот. Дхакал обернулся и увидел целую цепь всадников, несшихся к нему по тропе мимо упавшего товарища. Три лошади… четыре… семь… Десять лошадей, и показываются все новые. Слишком много. Дхакал сел верхом, наложил стрелу, повернулся и успел увидеть, как первый всадник показывается на поляне. Дхакал выстрелил. Стрела попала всаднику в правый глаз. Удар отбросил человека, он упал на своего коня и на следующего всадника; лошадь того встала на дыбы, попятилась и перегородила путь остальным. Лошади налетали друг на друга. Нападение потеряло стремительность.

Дхакал уже сидел верхом и ударил пятками бока лошади. Та прыгнула с берега в воду. Дхакал повернул ее, пришпорил и поскакал вниз по ручью.

Он понимал, что это не случайная засада. Преследователи какое-то время скрытно следовали за ним и сумели окружить.

Сквозь плеск мелкой воды под копытами своей лошади он слышал их: по лесу справа от него и по каменистой тропе слева скакали всадники.

Впереди ручей поворачивает направо. Здесь деревья и подлесок чаще, они теснятся на берегу, закрывая солнце, оставляя путника в полутьме. Услышав позади крик, он повернулся. Четверо всадников преследовали его. Посмотрел направо и увидел темные силуэты лошадей, скачущих параллельно ему. Загоняют, понял Дхакал. Но куда?

Ответ стал яснее несколько мгновений спустя, когда деревья неожиданно расступились и впереди показался луг. Ручей оказался здесь вчетверо шире; цвет воды досказал, что увеличилась и глубина. Подчиняясь порыву, он повернул лошадь налево, к песчаному берегу. Прямо впереди из-под деревьев появились пятеро всадников; двое пригнулись, выставив вперед пики, еще трое скакали выпрямившись, натянув луки. Дхакал лег, прижавшись к холке, и дернул повод, поворачивая коня вправо, снова в воду. На другом берегу из-под деревьев показалась еще одна цепь всадников, тоже вооруженных пиками и луками. И, замыкая засадное кольцо, прямо позади к нему скакала по ручью еще одна группа всадников.

Словно по приказу, все всадники перешли на шаг, потом остановились. Держа пики наготове и натянув луки, они смотрели на него.

«Почему они не идут за мной?» — удивился Дхакал.

И тут же услышал оглушительный рев воды.

Водопад.

Я в ловушке. Попался.

Он натянул повод и до поворота реки позволял лошади медленно идти. Там вода была глубже и текла быстрее. В пятидесяти ярдах впереди Дхакал видел облако брызг над поверхностью, видел, как вода низвергается между камней большим водопадом.

Он повернулся в седле.

Его преследователи не двигались, за исключением одного. Одеяние этого человека подсказало Дхакалу, что он предводитель. Человек остановился в двадцати шагах и поднял руки, показывая, что не вооружен.

Он что-то крикнул. Языка Дхакал не знал, но смысл понял: уговаривает. Все кончено, говорит этот человек. Ты славно сражался и выполнил свой долг. Сдавайся, и с тобой поступят по справедливости.

Это ложь. Его будут пытать и со временем убьют. Живой он не позволит проклятым врагам завладеть Теурангом. Не позволит без боя.

Дхакал развернул лошадь, так что встал лицом к преследователям. С подчеркнутой медлительностью он снял со спины лук и бросил в воду. То же самое сделал с колчаном, затем последовали длинный и короткий мечи. Наконец кинжал у пояса.

Предводитель врага кивнул в знак уважения, потом повернулся в седле и что-то сказал своим людям. Медленно, один за другим, всадники подняли пики и убрали луки. Предводитель снова повернулся к Дхакалу и знаком пригласил приблизиться.

Дхакал улыбнулся и покачал головой.

Он резко повернул лошадь направо, ударил ее и сжал ногами бока. Лошадь встала на дыбы, сорвалась с места и понеслась к брызгам, поднимавшимся над водопадом.

Граница пустыни провинции Сицзян

Империя династии Цинь, Китай, 1677 год

Облако пыли на восточном горизонте Джузеппе увидел раньше брата. Шириной в милю, ограниченная склонами узкой долины, коричневая стена пыли и песка двигалась к ним.

Не сводя с нее глаз, Джузеппе потрепал старшего брата по плечу. Франческо де Лана Терци из Брешии, что в Ломбардии, в Италии, повернулся не разгибаясь — он разглядывал чертеж — и посмотрел, куда показывает брат.

Младший де Лана Терци нервно прошептал:

— Это буря?

— Своего рода, — ответил Франческо. — Но не то, что ты думаешь.

Это облако пыли рождено не обычной поднятой ветром пыльной бурей, к которым за последние полгода они привыкли, но сотнями лошадиных копыт. А верхом на этих лошадях скачут сотни отборных смертоносных воинов.

Франческо, успокаивая, похлопал брата по плечу.

— Не волнуйся, брат, я их ожидал — хотя, должен признать, не так скоро.

— Это он? — хрипло спросил Джузеппе. — Он? Ты мне этого не говорил.

— Не хотел пугать. Не волнуйся. Еще есть время.

Франческо ладонью заслонил глаза от солнца и стал изучать приближающееся облако. Он знал, что расстояния здесь обманчивы. Обширная империя Цинь лежит далеко за горизонтом. За два года,

проведенные в этой стране, Франческо и его брат повидали самые разнообразные местности: от джунглей и лесов до болот, но эта территория, это место, которое называют десятками способов и произносят эти названия по-разному, самое проклятое и забытое богом.

Состоящая преимущественно из холмов, частично пологих, частично острых каменных утесов, эта земля — огромное полотно, написанное всего двумя красками: коричневой и серой. Даже вода в реках, текущих по долинам, тускло-серая. Как будто Господь взмахнул своей могучей десницей и проклял это место. В дни, когда облака расходились, поразительная синева неба только подчеркивает пепельный ландшафт.

А еще здесь ветер, с содроганием подумал Франческо. Бесконечный ветер свистит в скалах и гонит тучи пыли; он кажется настолько живым, что местные жители говорят, это призраки приходят за их душами. Полгода назад Франческо, ученый по природе и занятию, смеялся над такими суевериями. Теперь он уже не так уверен. Слишком много необычных звуков слышно здесь по ночам.

Еще несколько дней, утешал он себя, и у него будет все необходимое. Но дело не только во времени. Он заключил договор с дьяволом. То, что он делает, надеялся Франческо, в конечном счете делается во имя добра. И Господь вспомнит об этом в Судный день.

Несколько мгновений он разглядывал приближающееся облако, потом опустил руку и повернулся к Джузеппе.

— Они еще в двадцати милях, — определил он. — У нас не меньше часа. Давай заканчивать.

Франческо повернулся и окликнул одного из мужчин, приземистого, могучего, в черной рубашке и брюках из грубой ткани. Хао, главный посредник и переводчик Франческо, подошел.

— Да, господин, — сказал он по-итальянски с сильным акцентом, но вполне понятно.

Франческо вздохнул. Он давно отказался от попыток уговорить Хао звать его по имени, но надеялся, что хотя бы сейчас Хао откажется от церемоний.

— Вели людям заканчивать быстрей. Гости скоро прибудут.

Хао взглянул на горизонт и увидел то, что несколько минут назад заметил Джузеппе. Глаза его округлились. Он коротко кивнул, сказал: «Будет сделано, господин», повернулся и начал выкрикивать приказы десяткам местных жителей, толпившимся вокруг на поляне на вершине холма. Потом побежал и присоединился к ним.

Поляна, примерно сто на сто шагов, на самом деле представляла собой крышу внутреннего двора гомпы. Со всех четырех сторон от поляны в долину по склонам спускались стены с башнями и сторожевыми вышками, как хребет гигантской ящерицы.

Хотя Франческо говорили, что гомпа первоначально была укрепленным пунктом для обучения, но обитатели этой крепости практиковали только одно ремесло — воинское.

И он был этому рад. Как свидетельствовали постоянные нападения и засады на равнинах внизу, он и его люди жили на самых границах государства. И не случайно их перевезли сюда, чтобы они закончили работу над машиной, которую их благодетель назвал Великим Драконом.

Поляна наполнилась стуком деревянных молотков: рабочие под руководством Хао заколачивали в каменистую почву последние сваи. Столбы коричневой пыли поднимались в воздух, ветер подхватывал их и уносил куда-то прочь. Еще через десять минут на поляне стало тихо. Хао снова поднялся туда, где стояли Франческо и Джузеппе.

— Мы готовы, господин.

Отступив на несколько шагов, Франческо восхищенно осматривал сооружение. Он был доволен. Конструировать на бумаге — одно; увидеть, как твой замысел воплощается в жизнь, — совсем другое.

Высотой в сорок футов, занимая три четверти поляны, палатка из снежно-белого шелка, с бамбуковыми распорками, выкрашенными в красное, походила на облачный замок.

— Отличная работа, — сказал Франческо Хао. — Джузеппе?

— Великолепно, — прошептал младший де Лана Терци.

Франческо кивнул и тихо произнес:

— Будем надеяться, то, что внутри, произведет еще большее впечатление.

Хотя остроглазые часовые гомпы заметили облако пыли раньше Джузеппе, тревожный рог прозвучал лишь за несколько минут до прибытия свиты. Франческо догадывался, что это, как и направление, с которого приближались всадники, и раннее их прибытие, — тактическое решение. Вражеские укрепления располагались преимущественно на западе. Отряд приближался с востока, и поднятую им пыль закрывали холмы, окружающие гомпу. Враг не успел бы подготовить засаду и перехватить прибывших. Зная своего благодетеля, Франческо

подозревал, что за гомпой тайно наблюдали, ожидая, пока изменится направление ветра и переместятся вражеские патрули.

Их патрон хитрый человек, напомнил себе Франческо. Хитрый и опасный.

* * *

Меньше чем через десять минут Франческо услышал скрип кожи и звуки шагов на гравии дорожки, по спирали опоясывающей холм. Пыль достигла границы поляны. Затем неожиданно наступила тишина. Хотя Франческо этого ожидал, то, что произошло дальше, все равно его удивило.

По резкому приказу, исторгнутому невидимым ртом, на поляну вступила двойная шеренга солдат гвардии; каждый одновременный шаг они подчеркивали громким выдохом. С мрачными лицами, не сводя глаз с горизонта, горизонтально держа перед собой пики, стража растянулась по поляне и принялась теснить испуганных рабочих на дальнюю сторону и за палатку. Проделав это, они застыли по краю поляны, лицами наружу, наискось прижимая пики к себе.

Снизу, с тропы, снова донесся гортанный приказ, и по гравию заскрипели подкованные сандалии. На поляну вышел ромбовидный строй солдат личной гвардии императора в красно-черных бамбуковых доспехах и направился туда, где стояли Франческо и Джузеппе. Фаланга неожиданно остановилась, передние солдаты шагнули вправо и влево, раскрыв в человеческой стене ворота, через которые прошел один человек.

На три ладони выше своих самых высоких воинов, император Канси из династии Цинь, правящий по мандату небес, выглядел так, что самые мрачные его солдаты казались по сравнению с ним добродушными.

Император Канси сделал три широких шага к Франческо и остановился. Прежде чем заговорить, он несколько секунд изучал раскосыми глазами лицо итальянца. Франческо собирался позвать Хао, чтобы тот переводил, но Хао уже был рядом; стоя за Франческо, он прошептал ему на ухо:

— Император говорит: «Ты удивился, увидев меня?»

— Да, удивился, но я рад, ваше величество.

Франческо знал — это не просто вопрос. Император Канси чудовищно подозрителен: если бы Франческо недостаточно удивился его прибытию, император сразу заподозрил бы его в том, что он шпион.

— Что за сооружение я вижу перед собой? — спросил император Канси.

— Это палатка, ваше величество, моей собственной конструкции. Она не только защищает Великого Дракона, но и не дает врагам увидеть его.

Император Канси коротко кивнул.

— Передашь чертежи палатки моему личному секретарю.

Подняв палец, он приказал секретарю приблизиться.

— Конечно, ваше величество, — ответил Франческо.

— Хорошо ли трудились рабы, которых я прислал тебе?

Франческо внутренне поморщился при этом вопросе императора, но ничего не сказал. Шесть последних месяцев они с Джузеппе работали бок о бок с этими людьми в труднейших условиях. Они подружились. Однако он не стал признаваться в этом вслух. Такая эмоциональная привязанность стала бы рычагом, который император не замедлил бы использовать.

— Они прекрасно показали себя, ваше величество. К сожалению, на прошлой неделе четверо умерли…

— Такова суть этого мира — смерть. Если они умерли на службе своего повелителя, предки примут их с гордостью.

— Мой десятник и переводчик Хао особенно хорошо проявил себя.

Император Канси посмотрел на Хао, потом снова на Франческо.

— Семью этого человека освободят из тюрьмы.

Император поднял палец над плечом, и секретарь что-то быстро записал на листке пергамента.

Франческо с облегчением вздохнул и улыбнулся.

— Ваше величество, благодарю за доброту.

— Скажи мне: когда будет готов Великий Дракон?

— Еще два дня, и…

— У тебя время до завтрашнего рассвета.

С этими словами император Канси повернулся и отступил в свою фалангу, и та сомкнулась за ним; с одинаковым выражением лица окружающие императора солдаты пошли с поляны, а несколько мгновений спустя за ними двинулись и все остальные, освобождая периметр поляны. Когда их шаги и ритмичные выдохи стихли, Джузеппе сказал:

— Он с ума сошел? Завтра на рассвете. Как мы сможем?..

— Сможем, — ответил Франческо. — И даже запас времени будет.

— Но как?

— Работы осталось всего на несколько часов. Я сказал императору «два дня», зная, что он потребует невозможного. Но благодаря этому мы можем ему угодить.

Джузеппе улыбнулся.

— Ты хитер, брат мой. Отлично сделано.

— Пошли, нужно добавить последние штрихи к этому Великому Дракону.

При свете привязанных к столбам факелов, под взглядом секретаря императора, который стоял у входа в палатку, сложив руки под одеянием, они работали всю ночь, и Хао, их верный, надежный десятник, подгонял людей, подгонял, подгонял. Джузеппе и Франческо тоже работали, ходили по палатке, задавали вопросы, наклонялись, осматривая то и это... Растяжки из бычьих жил развязали, проверили на прочность, снова завязали и снова проверили; бамбуковые стойки и медные крепления простучали деревянными молотками в поисках трещин; чтобы проверить готовность ходовой части из плетеного ротанга, на нее напали с заостренными кольями (Франческо заранее подготовил второе покрытие из черного лака, чтобы промазать стены и перегородки, если они окажутся слабыми); наконец художник Джузеппе нанес последние мазки на носовую роспись — изображение драконьей морды с выпученными глазами, оскаленными клыками и высунутым раздвоенным языком.

Когда над холмами на востоке показался верхний край солнечного диска, Франческо приказал закончить все работы. Как только это сделали, он медленно обошел машину от носа до кормы. Подбоченясь, наклоняя голову то так, то этак, Франческо разглядывал все поверхности корабля в поисках малейших изъянов. И ничего не нашел. Вернулся к носу и решительно кивнул секретарю императора.

Тот нырнул под клапан палатки и исчез.

* * *

Час спустя послышались уже знакомый топот и выдохи императорской свиты. Звуки заполнили поляну почти неожиданно и вдруг смолкли. Император Канси в простом сером шелковом одеянии вошел в палатку. За ним шли его личный секретарь и главный телохранитель.

Император замер, глаза его округлились.

За два года, что Франческо знал императора, тот впервые проявил изумление.

Сквозь белые шелковые стены и крышу палатки пробивался солнечный свет, и внутри все было окутано неземным сиянием. Обычный земляной пол покрыли совершенно черными тканями, и у зрителей создавалось впечатление, что они стоят на краю пропасти.

Франческо де Лана Терпи был ученым, но в глубине его души жил артист.

Император Канси сделал шаг вперед и невольно замешкался, когда его нога должна была коснуться черной поверхности. Потом подошел к носу и долго смотрел на морду дракона. И вдруг улыбнулся.

Франческо и это увидел впервые. Он никогда не видел императора без его обычной мрачной мины.

Император обернулся к Франческо.

— Он великолепен! — перевел Хао. — Выпускай его!

— Как прикажет его величество.

Снаружи люди Франческо заняли свои позиции вокруг платки. Перерезали растяжки. По замыслу Франческо, к верхним краям шелковых стен были привязаны грузы, и теперь стены упали. Одновременно десяток людей сзади потянул назад крышу, которая поднялась и развернулась, как огромный парус, прежде чем опуститься и исчезнуть из виду.

Все замолчали, только ветер свистел в башнях и окнах гомпы.

Посреди поляны возвышалась летающая машина императора Канси — Великий Дракон. Франческо не радовало и не огорчало это название, он просто угождал своему благодетелю; но как для ученого эта машина была для него просто прообразом его мечты — подлинного Летучего Корабля легче воздуха.

Корабль был длиной пятьдесят футов, шириной двенадцать и высотой тридцать футов; его верхнюю часть составляли четыре сферы из плотного шелка, внутри которых находились бамбуковые распорки толщиной в палец, перевязанные жилами животных. Расположенные от носа до кормы, сферы были длиной двенадцать футов каждая, все снабжены клапаном в нижней части; каждый из этих клапанов соединялся с вертикальной медной трубой, окруженной собственной решеткой из бамбука и сухожилий. От уровня клапанов труба спускалась

на четыре фута к тонкой бамбуковой планке с прикрепленной к ней защищенной от ветра угольной жаровней. И, наконец, прикрепленная сухожилиями к сферам сверху, красовалась выкрашенная черным лаком гондола, достаточно длинная, чтобы вместить десять солдат в ряд, а также припасы, оборудование, оружие и пилота-навигатора.

Император Канси прошел вперед и остановился под передней сферой; теперь он смотрел в пасть дракона. Поднял руки над головой. «Словно разглядывает собственное создание», — подумал Франческо.

И только тут он понял серьезность своего деяния. Его обдало волной печали и стыда. Поистине он заключил договор с дьяволом. Этот человек, этот жестокий монарх будет использовать его Великого Дракона, чтобы убивать других людей, и солдат, и гражданских.

Вооруженный хо яо, или порохом, веществом, с которым только сейчас с умеренным успехом учатся обращаться в Европе, но с которым китайцы знакомы уже давно, император Канси сможет насылать огонь на противников с помощью фитильных мушкетов, бомб и огнеметов. И сможет это делать с неба, передвигаясь быстрее скачущей лошади.

Франческо понял, что слишком поздно осознал правду. Теперь машина смерти в руках императора Канси. И изменить это невозможно. Достигнув успеха со своим подлинным Летучим Кораблем, возможно, он смог бы уравновесить зло добром. Но узнать это суждено ему только в Судный день.

Франческо отвлекся от своих мыслей, увидев, что император Канси стоит рядом с ним.

— Я доволен, — сообщил ему император. — Покажи моим военачальникам, как строить много таких, и сразу получишь все необходимое для дальнейшей работы.

— Ваше величество…

— Он готов лететь?

— Только прикажите.

— Приказ отдан. Но сначала небольшое изменение. Как и планировалось, мастер де Лана Терпи, ты поведешь Великого Дракона в первый испытательный полет. Но твой брат останется с нами.

— Прошу прошения, ваше величество, но почему?

— Конечно, чтобы обеспечить твое возвращение. И уберечь тебя от соблазна отдать Великого Дракона моим врагам.

— Ваше величество, я не стану…

— Так мы будем уверены в этом.

— Ваше величество, Джузеппе мой второй пилот-навигатор. Мне он нужен…

— У меня везде глаза и уши, мастер де Лана Терпи. Твой хваленый десятник Хао обучен не хуже твоего брата. Тебя будут сопровождать Хао и шестеро моих гвардейцев на случай, если тебе понадобится… помощь.

— Должен возразить, ваше величество…

— Нет, не должен, мастер де Лана Терци, — холодно сказал император Канси. Предостережение было недвусмысленным.

Франческо вдохнул, пытаясь успокоиться.

— Где я должен совершить испытательный полет?

— Видишь горы на севере, большие горы, касающиеся неба?

— Да.

— Ты полетишь туда.

— Ваше величество, это вражеская территория.

— Как лучше испытать оружие? — Франческо открыл рот, собираясь возразить, но император Канси продолжил: — В холмах вдоль ручьев ты найдешь золотой цветок— Хао знает, о чем я говорю. Принеси мне цветок раньше, чем он увянет, и ты получишь награду.

— Ваше величество, это горы… — Сорок миль, подумал Франческо. А то и пятьдесят… слишком далеко для испытательного полета. Может…

— Ты принесешь мне цветок раньше, чем он увянет, или я насажу голову твоего брата на пику. Понял?

— Я понял.

Франческо повернулся к младшему брату. Джузеппе слышал разговор, лицо его посерело. Подбородок дрожал.

— Брат… мне страшно.

— Не бойся. Я вернусь быстро, ты даже не заметишь, что меня нет.

Джузеппе вздохнул, стиснул зубы и расправил плечи.

— Да. Я знаю, ты прав. Корабль настоящее чудо, и никто лучше тебя его не поведет. Если повезет, мы сегодня вместе поужинаем.

— Отличная мысль, — согласился Франческо.

Они обнялись, и через несколько секунд Франческо отступил. Повернулся лицом к Хао и сказал:

— Прикажи наполнить жаровни. Вылетаем через десять минут.

1

Зондский пролив, Суматра

Наши дни

Сэм Фарго прикрыл заслонку дросселя, сбавляя обороты двигателя. Катер заскользил медленнее и остановился. Сэм выключил двигатель, и катер медленно закачался на воде.

В четверти мили прямо по носу поднималась из воды их цель — густо заросший лесом остров, поверхность которого покрывали острые пики, глубокие ущелья и густой тропический лес; ниже береговая линия была изрыта сотнями пещер и узких заливов.

На кормовом сиденье катера Реми Фарго оторвалась от книги — «легкого чтения», озаглавленного «Кодексы ацтеков: устная история завоевания и геноцида», передвинула солнечные очки на лоб и посмотрела на мужа.

— Неприятности?

Он повернулся и восхищенно посмотрел на нее.

— Просто наслаждаюсь видом.

Сэм преувеличенно повел бровью.

Реми улыбнулась.

— Гладко излагаешь. — Она закрыла книгу и положила на сиденье рядом с собой. — Но ты не Магнум, частный детектив.

Сэм кивком указал на книгу.

— Как она?

— Читается трудно, но эти ацтеки были удивительным народом.

— Более удивительным, чем можно себе представить. Когда закончишь? Эта книга следующая в моем списке.

— Завтра или послезавтра.

Как всегда в последнее время, их мысли занимало огромное количество предстоящей дома работы, и главной причиной тому был остров, к

которому они направлялись. В любых других обстоятельствах клочок земли между Суматрой и Явой мог бы быть тропическим раем, но за последние несколько месяцев он превратился в яму, полную археологов, историков, антропологов и, конечно, кишащую индонезийскими правительственными чиновниками. Как и всем им, Сэму и Реми, когда они приезжали на остров, приходилось передвигаться по натянутому инженерами над раскопками веревочному мосту, чтобы земля не провалилась под ногами людей, старающихся сохранить находки.

То, что Сэм и Реми открыли на острове Пулау-Легунди, помогает переписать историю ацтеков и Гражданской войны в США, и им, руководителям не только этого проекта, но еще двух, необходимо всегда знать о непрерывно накапливающихся данных.

Для них это была любимая работа. Хотя их страсть к охоте за сокровищами, требовавшая полевой работы, основывалась не только на исследованиях, но и на чутье, у них была и солидная научная основа: Сэм получил диплом инженера в Калтехе, Реми училась археологии и истории в Бостонском колледже.

Сэм недалеко отошел от семейного древа: его ныне покойный отец был одним из ведущих инженеров космических программ НАСА; мать, Энис, которой сейчас семьдесят один год, жила в Ки-Уэсте и была единственной владелицей, капитаном и уборщицей морской рыбачьей лодки. Мать и отец Реми, она строитель, он — детский врач и автор книг, оба на пенсии, благополучно жили в штате Мэн и разводили лам.

Сэм и Реми встретились в Эрмоса-Бич в джаз-баре «Маяк». Сэм остановился выпить холодного пива и застал там Реми, которая с коллегами выпускала пар после нескольких недель поисков затонувшего галеона в бухте Абалоне.

Они не могли бы с горящими глазами назвать свой случай любовью с первого взгляда, но искра между ними несомненно проскочила; за смехом и разговорами они не заметили, как досидели до закрытия «Маяка». Полгода спустя состоялась скромная свадебная церемония.

С одобрения Реми Сэм завершил работу, которой давно занимался, — детектор на аргоновом лазере, способный обнаруживать и определять сплав под землей и водой. Лицензию на этот лазер просили охотники за сокровищами, университеты, корпорации, шахты и министерство обороны, и через несколько лет «Фарго групп Лтд» стала приносить семизначную прибыль. Через четыре года они продали фирму, став очень богатыми до конца жизни. Вместо того чтобы удовлетвориться этим, они взяли месячный отпуск, а потом основали Фонд Фарго и начали свою первую охоту за сокровищами. Приобретенное богатство отошло к длинному перечню благотворительных организаций.

Теперь супруги Фарго молча смотрели на остров перед собой. Реми сказала:

— Все еще трудно представить себе.

— Да, — согласился Сэм.

Никакое образование, никакой опыт не подготовили их к тому, что они нашли на Палау-Легунди. Случайная находка корабельного колокола с Занзибара обернулась открытиями, которые будут привлекать внимание поколений археологов, историков и антропологов.

Сэма вырвал из размышлений двойной сигнал туманного горна. Он повернулся налево: в полумиле от них прямо к катеру направлялся тридцатишестифутовый суматранский патрульный корабль.

— Сэм, ты забыл заплатить за газ при аренде? — сухо спросила Реми.

— Нет. Правда, заплатил поддельными рупиями.

— Может, дело в этом.

Они смотрели, как корабль подошел на четверть мили, потом повернул сначала вправо, потом влево и наконец встал в ста футах от них. Голос произнес в громкоговоритель по-английски с индонезийским акцентом:

— На корабле. Вы Сэм и Реми Фарго?

Сэм подтверждающе поднял руки.

— Пожалуйста, подождите. У нас к вам пассажир.

Сэм и Реми удивленно переглянулись: они никого не ждали.

Патрульный корабль подошел еще ближе, так что между ними оставалось три фута. Двигатель замедлил обороты и заглох.

— Ну, по крайней мере вид у них дружелюбный, — прошептал Сэм жене.

Последний раз иностранный корабль подходил к ним на Занзибаре. Тогда это был патрульный катер, вооруженный 12,7-миллиметровыми пушками и с сердитым экипажем с АК-47 в руках.

— Пока, — ответила Реми.

На корме корабля между двумя полицейскими офицерами в форме стояла миниатюрная женщина-азиатка лет сорока, с худым угловатым лицом и стрижкой, похожей на мужской «ежик».

— Разрешите подняться на борт? — сказала женщина.

Ее английский был почти безупречен, акцент легчайший.

Сэм пожал плечами.

— Разрешаю.

Полицейские шагнули вперед, готовясь помочь женщине, но та, словно не замечая их, одним гибким прыжком перелетела через планшир и оказалась на корме корабля Фарго, приземлившись мягко, как кошка. Женщина повернулась лицом к Сэму и Реми, которая теперь стояла рядом с мужем, и несколько мгновений смотрела на них непроницаемыми черными глазами, потом протянула карточку. На ней было написано «Чжилань Су».

— Чем можем быть полезны, мисс Су? — спросила Реми.

— Мой наниматель Чарлз Кинг просит вас порадовать своим обществом.

— Просим нас извинить, но мы не знакомы с мистером Кингом.

— Он ждет вас в своем частном самолете в частном терминале в Палембанге. Он хочет поговорить с вами.

Хотя технически английский Чжилань Су был безупречен, в нем присутствовала какая-то жесткость, словно говорил автомат.

— Эту часть мы поняли, — сказал Сэм. Он вернул ей карточку. — Кто такой Чарлз Кинг и зачем мы ему нужны?

— Мистер Кинг разрешил сказать вам, что его беспокоит ваш знакомый мистер Фрэнк Алтон.

Это насторожило Сэма и Реми. Алтон не просто их знакомый, но скорее близкий давний друг, бывший полицейский из Сан-Диего, который стал частным детективом; Сэм познакомился с ним в классе дзюдо. Сэм, Реми, Фрэнк и его жена Джуди обычно раз в месяц вместе обедали.

— А что с ним? — спросил Сэм.

— Мистер Кинг желает говорить с вами о нем с глазу на глаз.

— Вы очень таинственны, мисс Су, — сказала Реми. — Не объясните почему?

— Мистер Кинг желает…

— Говорить с нами с глазу на глаз, — закончила за нее Реми.

— Да, совершенно верно.

Сэм взглянул на часы.

— Пожалуйста, передайте мистеру Кингу, что мы встретимся с ним в семь вечера.

— Но это через четыре часа, — заметила Чжилань. — Мистер Кинг…

— …ему придется подождать, — закончил Сэм. — У нас здесь есть дела.

Лицо Чжилань Су гневно вспыхнуло, но это выражение тут же исчезло. Она кивнула и сказала:

— Семь часов. Прошу не опаздывать.

Ни слова не добавив, она повернулась и, как газель, прыгнула на борт патрульного корабля. Прошла мимо полицейских и исчезла в каюте. Один из полицейских приложил пальцы к шляпе. Через десять секунд заработал двигатель, и корабль отошел.

— Что ж, было интересно, — произнес Сэм несколько секунд спустя.

— Она само очарование, — согласилась Реми. — Заметил ее выбор слов?

Сэм кивнул.

— «Мистер Кинг разрешил». Если с ней можно договориться, можно надеяться, что мистер Кинг окажется не менее сговорчивым.

— Ты ей веришь? Насчет Фрэнка? Джуди позвонила бы нам, если бы что-то случилось.

Хотя в своих приключениях они часто попадали в опасные положения, их повседневная жизнь протекала вполне спокойно. Тем не менее, неожиданное появление Чжилань Су и загадочное приглашение включили у обоих внутренний сигнал тревоги. Как бы маловероятно это ни было, игнорировать возможную западню они не могли.

— Давай поищем, — сказал Сэм.

Он наклонился возле сиденья рулевого, достал из-под приборной доски свой рюкзак и извлек из бокового кармана спутниковый телефон. Набрал номер, и несколько секунд спустя женский голос произнес:

— Да, мистер Фарго?

— Думал, сегодня мне повезет, — сказал Сэм. Он поспорил с Реми, что когда-нибудь застанет Сельму Уондраш врасплох и она назовет его по имени.

— Увы, мистер Фарго.

Их главный исследователь, гуру логистики и хранительница внутреннего святилища Сельма была раньше гражданкой Венгрии и, хоть прожила в США несколько десятилетий, сохранила легкий акцент, заставлявший вспомнить За За Габор.

Сельма возглавляла в Библиотеке конгресса Особый собирательский отдел, пока Сэм и Реми не соблазнили ее обещанием карт-бланш и достаточных ресурсов. Помимо хобби — аквариума и коллекции сортов чая, занимавшей целый шкаф в ее кабинете, — Сельма знала только одну страсть, исследования. И бывала особенно счастлива, когда Сэм давал ей для разгадки какую-нибудь головоломку.

— Когда-нибудь вы назовете меня Сэмом.

— Не сегодня.

— Который у вас час?

— Около одиннадцати. — Сельма редко ложилась спать раньше полуночи и вставала в четыре-пять утра. Тем не менее, она никогда не бывала сонной. — Что у вас для меня?

— Надеемся, тупик, — ответил Сэм и рассказал про посещение Чжилань Су. — В ее мнении Кинг помазанник божий.

— Я о нем слышала. Богач с заглавной Б.

— Не раскопаете какую-нибудь грязь в его личной жизни?

— Что-нибудь еще?

— Что слышно от Алтонов?

— Ничего, — ответила Сельма.

— Позвоните Джуди и узнайте, где Фрэнк, — попросил Сэм. — Только осторожно. Если есть проблема, мы не хотим тревожить Джуди.

— Когда вы встречаетесь с Кингом? — спросила Сельма.

— Через четыре часа.

— Поняла, — сказала Сельма со смешком в голосе. — К тому времени я буду знать размер его рубашек и какое мороженое он любит.

2

Палембанг, Суматра

За двадцать минут до встречи Сэм и Реми остановили свой скутер у ограды частного терминала в аэропорту Палембанга. Как и говорила Сельма, на асфальте перед ангаром стояло несколько частных самолетов, все одно- или двухмоторные. Кроме одного — реактивного «Гольфстрима G650».

G6 стоимостью шестьдесят пять миллионов долларов не только самый дорогой реактивный самолет в мире, но и самый быстрый. Скорость до

одного маха, дальность полета свыше восьми тысяч миль, потолок пятьдесят одна тысяча футов — на десять тысяч футов выше потолка коммерческих рейсов.

Учитывая то, что разузнала о загадочном мистере Кинге Сельма, присутствие G6 не удивило Сэма и Реми. «Король Чарли», как его называли друзья и враги, в настоящее время занимал одиннадцатое место в публикуемом журналом «Форбс» списке богатейших людей с общим состоянием в 23,2 миллиарда долларов.

Начав в 1964 году в шестнадцать лет со спекуляции нефтью в Техасе, к двадцати одному году Кинг основал собственную нефтедобывающую компанию «Кинг ойл». К двадцати четырем стал миллионером, к тридцати — миллиардером. В восьмидесятые и девяностые годы Кинг включил в свою империю горнодобывающие компании и банки. Согласно «Форбсу», если остаток жизни Кинг проведет в Хьюстоне за игрой в шашки в своем офисе в пентхаусе, он по-прежнему будет зарабатывать по сто тысяч долларов в час.

Несмотря на это, в повседневной жизни Кинг был непритязателен, ездил по Хьюстону в пикапе «Шевроле» 1964 года выпуска и питался в дешевых ресторанах. И (хотя не до такой степени, как о Говарде Хьюзе) о нем говорили как об отшельнике и любителе одиночества. Кинг избегал фотографироваться и редко бывал в обществе, а если и посещал какие-то события, то обычно виртуально, через вебкамеру.

Реми взглянула на Сэма.

— Хвостовой номер совпадает с добытым Сельмой. Если только кто-то не угнал самолет Кинга, он здесь.

— Вопрос почему.

Сельма не только сообщила краткую биографию Кинга — она постаралась отыскать и Фрэнка Алтона, который, по словам его секретарши, работал за границей. Девушка три дня не имела о нем сведений, но не тревожилась: Алтон часто исчезал на неделю-две, если работа была сложная.

Услышав, как треснула ветка, они повернулись и увидели всего в пяти футах по другую сторону ограды Чжилань Су. Ее ноги и нижняя часть тела скрывались в листве. Она несколько секунд разглядывала супругов Фарго черными глазами, потом сказала:

— Вы рано.

Голос ее звучал лишь чуть менее строго, чем у обвинителя на суде.

— А вы тут как тут, — заметила Реми.

— Я следила за вами.

Сэм с улыбкой спросил:

— Мама не учила вас, что подкрадываться нехорошо?

Лицо Чжилань оставалось бесстрастным.

— Я не знала свою мать.

— Простите…

— Мистер Кинг готов сейчас встретиться с вами; в семь пятьдесят ему нужно срочно улетать. Я встречу вас у ворот с восточной стороны. Приготовьте паспорта.

С этими словами Чжилань повернулась и исчезла в кустах.

Реми прищурившись смотрела ей вслед.

— У меня от нее мурашки.

— У меня тоже, — сказал Сэм. — Пошли. Король Чарли ждет.

Они оставили скутер у ворот и прошли к небольшому зданию, где стояла Чжилань вместе с охранником в форме. Чжилань сделала шаг вперед, взяла паспорта и протянула охраннику. Тот взглянул на них и вернул.

— Сюда, пожалуйста, — сказала Чжилань и провела их вокруг здания и через калитку для пешеходов к «Гольфстриму», стоявшему со спущенным трапом. Отступив в сторону, она жестом пригласила их подниматься. Поднявшись, они оказались на камбузе, небольшом, но прекрасно оборудованном. Справа от них, через проход, находилась главная каюта. Переборки из дорогой блестящей древесины, каштана, с серебряными, с чашку размером, изображениями Одинокой Звезды Техаса, на полу пушистый ковер цвета бордо. В кабине две группы мест для сидения: четыре кожаных кресла вокруг кофейного столика и три небольших дивана. Воздух чистый и прохладный, работает кондиционер. Из невидимого источника доносится негромкая песня Вилли Нельсона «Мама, не позволяй детям, когда они вырастут, быть ковбоями».

— Боже, — сказала Реми.

Откуда-то от хвоста донесся голос с техасским акцентом:

— Думаю, подходящее модное слово — «клише», мизз Фарго, но к дьяволу: мне нравится то, что у меня есть.

Из одного из кресел, повернутых к ним спинками, поднялся мужчина и обернулся к гостям. Рост шесть футов четыре дюйма, вес двести фунтов, и половина из них — мышцы; загорелое лицо, густые, старательно причесанные светло-серебристые волосы. Хотя Сэм и Реми знали, что Чарлзу Кингу шестьдесят два года, выглядел он на пятьдесят. Он широко улыбнулся; зубы у него были квадратные и поразительно белые.

— Когда Техас у тебя в крови, — сказал Кинг, — вывести его почти невозможно. Поверьте, четыре жены старались изо всех сил, но ничего у них не вышло.

Кинг направился к ним, протягивая руку. Джинсы, выцветшая полотняная рубашка и, к удивлению Сэма и Реми, не ковбойские сапоги, а беговые кроссовки фирмы «Найк».

Кинг заметил их выражение.

— Никогда не любил эти сапоги. Дико неудобные и непрактичные. К тому же все мои лошади скаковые, а сам я по весу далеко не жокей. — Он пожал руку сначала Реми, потом Сэму. — Спасибо, что пришли. Надеюсь, Чжи не слишком на вас давила. Она не любит разводить церемонии.

— Из нее вышел бы хороший игрок в покер, — согласился Сэм.

— Дьявольщина, она отлично играет в покер. В первый — и последний — раз, когда мы играли, обобрала меня за десять минут на десять тысяч баксов. Садитесь. Выпейте что-нибудь. Чего изволите?

— Воду из бутылки, пожалуйста, — сказала Реми, и Сэм кивнул.

— Чжи, если не возражаешь. Мне как обычно.

Чжилань за спиной у Сэма и Реми произнесла:

— Да, мистер Кинг.

Они прошли за ним к диванам и сели. Буквально через секунду появилась Чжилань с подносом. Она поставила перед Сэмом и Реми воду и протянула Кингу виски со льдом. Он не взял стакан, только посмотрел на него. Нахмурился, поглядел на Чжилань и покачал головой.

— Сколько тут кубиков, милая?

— Три, мистер Кинг, — торопливо сказала Чжилань. — Простите, мистер Кинг…

— Не оправдывайся, Чжи, просто добавь четвертый, и я буду доволен. — Чжилань исчезла, а Кинг заметил: — Сколько бы я ей ни говорил, все

равно что-нибудь забывает. «Джек Дэниелс» капризный напиток: надо положить точное количество льда, иначе он ничего не стоит.

Сэм сказал:

— Поверю вам на слово, мистер Кинг.

— Вы умный человек, мистер Фарго.

— Сэм.

— Хорошо. Зовите меня Чарли.

Кинг смотрел на них с приятной улыбкой, пока не появилась Чжилань с правильным числом кусочков льда в стакане. Она стояла сбоку, ожидая, пока он попробует.

— Вот умница, — сказал он. — Ну беги. — И Фарго: — Как идут раскопки на том маленьком острове? Как он называется?

— Пулау-Легунди, — ответил Сэм.

— Да, верно. Что-то вроде...

— Мистер Кинг...

— Чарли.

— Чжилань Су упомянула нашего друга Фрэнка Алтона. Давайте оставим любезности. Расскажите нам о Фрэнке.

— К тому же вы человек прямой. То же относится и к вам, верно, Реми?

Они не ответили, но Реми ласково улыбнулась.

Кинг пожал плечами.

— Ладно, это справедливо. Несколько недель назад я нанял Алтона, чтобы он занялся моим делом. Он согласился — и исчез. Пуф! Вы как будто умеете находить то, что найти нелегко, и вы его друзья. Вот мне и пришло в голову связаться с вами.

— Когда вы в последний раз получали от него известия? — спросила Реми.

— Десять дней назад.

— Фрэнк обычно работает независимо, — сказал Сэм. — Почему вы...

— Потому что он должен был связываться со мной ежедневно. Это часть нашего договора, и он выполнял ее до последних десяти дней.

— У вас есть причины считать, что дело неладно?

— Кроме того, что он нарушил данное мне обещание? — с ноткой раздражения ответил Кинг. — Кроме того, что взял мои деньги и исчез?

— Ну, ради полноты картины.

— М-м… жизнь в той части света, в которой он находился, бывает не слишком легкой.

— И что это за часть? — спросила Реми.

— Непал.

— Прошу прощения? Вы сказали…

— Да. В последний раз он связывался со мной из Катманду. Отсталый город, но, если не быть осторожным, там все может случиться.

Сэм спросил:

— Кто еще знает об этом?

— Несколько человек.

— А жена Фрэнка?

Кинг отрицательно покачал головой и отпил виски. Поморщился.

— Чжи!

Чжилань оказалась рядом через пять секунд.

— Да, мистер Кинг?

Он протянул ей стакан.

— Лед слишком быстро тает. Выбрось.

— Да, мистер Кинг.

И снова исчезла.

Нахмурившись, Кинг смотрел ей вслед, потом снова повернулся к супругам.

— Простите, вы что-то сказали?

— Вы говорили о жене Фрэнка.

— Не знал, что у него есть жена. Он не оставил мне номер телефона для срочной связи. К тому же зачем ее тревожить? Насколько я знаю, Алтон закрутил с какой-то восточной женщиной и сейчас тратит с ней мои деньги.

— Фрэнк Алтон так не поступит, — сказала Реми.

— Может, да, а может, нет.

— Вы связывались с непальским правительством? — спросил Сэм. — Или с американским посольством в Катманду?

Кинг пренебрежительно махнул рукой.

— Отсталые, все они. И продажные — это местные. Что касается идеи насчет посольства, я думал об этом, но у меня нет месяцев, которые потребуются им, чтобы привести механизм в действие. У меня там есть люди, работающие над другим проектом, но на это у них нет времени. И, как я уже сказал, у вас двоих репутация людей, которые могут найти то, что другим не по силам.

Сэм сказал:

— Во-первых, Чарли, люди не вещи. Во-вторых, поиски пропавших людей не наша специальность. — Кинг открыл рот, собираясь заговорить, но Сэм предостерегающе поднял руку и продолжал: — Учитывая все сказанное и то, что Фрэнк наш добрый друг, мы беремся за дело.

— Фантастика! — хлопнул себя по колену Кинг. — Поговорим о подробностях: во сколько это мне обойдется?

Сэм улыбнулся.

— Будем считать, что вы пошутили.

— По поводу денег? Никогда!

— Он наш добрый друг, и мы сами оплатим счет, — чуть резко сказала Реми. — Нам нужна вся информация, какую вы способны дать.

— Чжи уже приготовила для вас досье и передаст его вам, когда будете уходить.

— Дайте теперь сжатую версию, — попросил Сэм.

— Ситуация «колесо в колесе», — ответил Кинг. — Я нанял Алтона, чтобы он отыскал человека, пропавшего в том же районе.

— Кого?

— Моего отца. Когда он пропал, я послал туда несколько человек, но они ничего не нашли. Он словно исчез с лица земли. Когда появилась эта фотография, я принялся искать лучшего частного детектива. У Алтона были наилучшие рекомендации.

— Вы сказали «последняя фотография», — заметила Реми. — Что это значит?

— С тех пор как мой отец исчез, до нас время от времени доходили слухи, что он появлялся то там, то тут: около десяти раз в семидесятые годы, четыре — в восьмидесятые…

Сэм перебил.

— Чарли, как давно исчез ваш отец?

— Тридцать восемь лет назад. В 1973 году.

Льюис Булли[1] Кинг был человеком вроде Индианы Джонса, но задолго до появления фильма: археолог, одиннадцать месяцев в году проводивший в поле; ученый-путешественник, посетивший больше стран, чем известно большинству людей. Чарлз Кинг не знал, чем именно занимался его отец, когда исчез.

— С кем он сотрудничал? — спросила Реми.

— Не совсем вас понимаю.

— Он работал на какой-нибудь университет или музей? Может, на фонд?

— Нет. Он был квадратным колышком, мой папаша. Ни с кем не срабатывался.

— Как он находил средства на экспедиции?

Кинг застенчиво улыбнулся.

— У него был щедрый и доверчивый спонсор. Откровенно говоря, он никогда не просил много: пять тысяч тут, пять там. Работал один, умел работать дешево. В большинстве мест, где он бывал, можно жить на пару баксов в день.

— У него был дом?

— Небольшой, в Монтерее. Я не стал его продавать. Вообще ничего с ним не сделал. Он и сейчас почти такой же, как когда отец исчез. Да, я знаю, о чем вы собираетесь спросить. В 73-м я послал людей осмотреть дом, поискать что-нибудь, но они ничего не нашли. Но, если хотите, можете осмотреть сами. Чжи сообщит вам все необходимое.

— Фрэнк побывал там?

— Нет, он считал, что это ничего не даст.

— Расскажите о последней фотографии, — сказал Сэм.

— Недель шесть назад группа из «Нэшнл джиографик» проводила там съемки в старом городе… Ло-Манта или что-то в этом роде.

— Ло-Монтанг, — подсказала Реми.

— Да, он самый. Когда-то был столицей Мустанга.

По примеру большинства Кинг произносил это название как название породы лошадей.

— Произносится Муус-тонг, — ответила Реми. — До завоевания Непалом в восемнадцатом столетии было известно также как королевство Ло.

— Как скажете. Никогда не любил такой вздор. Упал далеко от яблоньки, полагаю. И вот на одном их снимке вдали виден какой-то тип. Готов ручаться, он точная копия отца — такого, каким он должен был бы выглядеть спустя сорок лет.

— Не слишком много для начала, — сказал Сэм.

— Все, что у меня есть. По-прежнему хотите поискать?

— Конечно.

Сэм и Реми встали, собираясь уходить. Обменялись рукопожатиями.

— Чжи здесь мой представитель. Вам придется связываться с нею. Дайте мне знать, если что найдете. Я оценю ваши регулярные сообщения. Доброй охоты, Фарго.

Чарлз Кинг стоял в дверях «Гольфстрима» и смотрел, как Фарго вышли через ворота, сели на свой скутер и исчезли на дороге. От ворот вернулась Чжилань Су, поднялась по трапу и остановилась перед Кингом.

— Мне они не нравятся, — сказала она.

— Почему это?

— Не проявили достаточного уважения к вам.

— Обойдусь, дорогая. Лишь бы они оправдали свою репутацию. Судя по тому, что я читал, эти двое умеют искать и находить.

— А если они зайдут дальше, чем их просят?

— Что ж, черт побери, для этого у меня есть ты, верно?

— Да, мистер Кинг. Мне теперь отправляться туда?

— Нет, пусть события развиваются естественным образом. Вызови Расса.

Кинг прошел в хвост и со вздохом опустился в одно из кресел. Минуту спустя по громкой связи послышался голос Чжилань:

— Связь установлена, мистер Кинг. Пожалуйста, приготовьтесь.

Кинг подождал, пока резкий звук не подсказал ему, что спутниковая линия открыта.

— Расс, ты там?

— Да, я здесь.

— Как раскопки?

— Все в порядке. Возникли проблемы с местными, но мы справились. Марджори сейчас в яме, щелкает бичом.

— Ну, еще бы. Она совсем не промах! Посматривайте за инспекторами. Они не должны там появиться. Я за это плачу. Все лишние расходы вычту из твоего жалованья.

— У меня все под контролем.

— Хорошо. Теперь скажи мне что-нибудь приятное. Нашли что-нибудь повкуснее?

— Еще нет. Но мы наткнулись на окаменелости, и наши эксперты говорят, что они перспективные.

— Ну, хорошо. Это я слышал и раньше. Ты не забыл о том мошеннике из Перта?

— Нет, сэр.

— О том самом, кто сказал тебе, что у него есть скелет малагасийского карликового бегемота? Он тоже называл себя экспертом.

— Да, ведь я с ним справился.

Кинг помолчал. Сердитое выражение исчезло с его лица, он улыбнулся.

— Да, верно. Но слушай, сын. Я хочу получить одного из этих калико… как там их. Настоящего.

— Халикотериев, — поправил Расс.

— Да мне все равно, как он называется! Латынь! Да пощадит меня Господь! Я уже сказал Дону Менфилду, что у меня есть такой и что все готово. Мы поняли друг друга?

— Да, сэр, поняли.

— Хорошо. Еще дело: встреть двух новых рекрутов. Оба опытные и опасные люди. Думаю, им не потребуется много времени. Если повезет,

они пороются в Монтерее и направятся к тебе. Дам тебе знать, когда они будут в воздухе.

— Да, сэр.

— Позаботься о том, чтобы держать их на прочной привязи, слышишь? Если они уйдут, я с тебя шкуру спущу.

3

Голдфиш-Пойнт, Ла-Джолла,

окрестности Сан-Диего, Калифорния

Расставшись с Кингом, Сэм и Реми вернулись на Пулау-Легунди, где, как и ожидали, застали профессора Стэна Дайделла за осмотром раскопок. Преподаватель Реми из Бостонского колледжа взял отпуск, чтобы побывать на многих раскопках. Услышав новость об Алтоне, Дайделл согласился присматривать за раскопками, пока они не вернутся или не найдут ему постоянную замену.

Через тридцать шесть часов, сделав три пересадки, они сели в Сан-Диего в полдень по местному времени. Сэм и Реми отправились прямиком домой к Алтону, сообщить новость жене Фрэнка. Потом, выгрузив багаж в прихожей собственного дома, они отправились в царство Сельмы — в ее рабочий кабинет.

В помещении площадью две тысячи квадратных футов, просторном, с высоким потолком, господствовали два больших, двадцать футов длиной, рабочих стола со столешницами из клена; их освещали подвесные галогеновые лампы и были окружены стульями с высокими спинками. Вдоль одной стены три кабинки с новыми рабочими станциями «Mac Pro» с двенадцатиядерными процессорами и тридцатидюймовыми дисплеями высокого разрешения (две отделенные стеклянными стенами предназначались для Сэма и Реми), а также небольшое помещение для архива с контролируемой средой, с экраном и шкафчиком со справочниками. Противоположная стена отводилась единственному увлечению Сельмы — четырнадцатифутовому аквариуму с пятью сотнями галлонов морской воды и множеством рыб радужной окраски. Мягкое бульканье смягчало общую атмосферу рабочего помещения.

Над этим помещением находился трехэтажный дом Фарго — в испанском стиле, площадью двенадцать тысяч квадратных футов, со сводчатыми потолками и с достаточным количеством окон в стенах и потолке, чтобы потребность в искусственном освещении возникала всего

на несколько часов в сутки. Все потребляемое электричество давали установленные на крыше новые солнечные батареи.

На самом верху находились большие комнаты хозяев. Непосредственно под ними — четыре гостевые комнаты, гостиная, столовая и огромная кухня, располагающаяся выше утеса, с видом непосредственно на океан. На втором этаже помещались спортзал с оборудованием для аэробики и различными экзотическими приспособлениями, парилка, бассейн и спортплощадка в тысячу квадратных футов, где Реми занималась фехтованием, а Сэм дзюдо.

Сэм и Реми сели на углу рабочего стола. Сельма в традиционном рабочем наряде (брюки хаки, кроссовки, цветастая футболка и очки в роговой оправе с цепочкой) присоединилась к ним. Подошли послушать Пит Джеффкот и Венди Корден. Загорелые, ловкие, светловолосые и добродушные, они настоящие калифорнийцы, но вовсе не завсегдатаи пляжей. У Джеффа степень в археологии, у Венди — в социальных науках.

— Она встревожена, — сказала Реми. — Но хорошо скрывает это от детей. Мы обещали держать ее в курсе. Сельма, сможешь связываться с ней каждый день, пока мы отсутствуем?

— Конечно. Как прошла аудиенция у его величества?

Сэм пересказал встречу с Чарли Кингом.

— Мы с Реми обсуждали это в самолете. Он говорит все правильно и ведет себя, как положено деревенщине, но что-то в нем неладно.

— Прежде всего его девушка Пятница, — сказала Реми и описала Чжилань Су. Ее поведение, когда рядом не было Кинга, способно лишить присутствия духа, но на борту «Гольфстрима» оно разительно поменялось. Неудовольствие Кинга из-за числа кусочков льда в его «Джеке Дэниелсе» и ее испуг говорили не только о том, что она боится своего нанимателя, но и о том, что Кинг привык повелевать.

— У Реми есть еще одно интересное соображение относительно мисс Су, — заметил Сэм.

Реми сказала:

— Она его любовница. Сэм не уверен, но я ручаюсь. И Кинг держит ее в ежовых рукавицах.

— Я по-прежнему работаю над биографией семьи Кинга, — сказала Сельма, — но пока никаких сведений о Чжилань. Продолжу работать. С вашего разрешения могу позвонить Рубу.

Руб Хейвуд, еще один друг Сэма, работает в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, штат Виргиния. Познакомились они в тренировочном лагере ЦРУ Кэмп-Пири; Сэм тогда работал в ДАПРА,

а Руб был перспективным руководителем операции. Для сотрудника типа Руба обучение на «Ферме» было обязательным, Сэм же был своего рода частью оборудования: ДАПРА и ЦРУ предполагали, что чем лучше техники поймут, как работают в поле руководители операций, тем лучше смогут готовить американских разведчиков.

— Если нужно, действуй. Еще одно, — добавил Сэм. — По утверждению Кинга, он не знает, что интересовало его отца. Он, мол, искал отца почти сорок лет, но знать не знает, что привлекало этого человека. Я этому не верю.

Реми добавила:

— Он также заверяет, что не связывался ни с непальским правительством, ни с посольством США. Такому могущественному человеку, как Кинг, для этого достаточно сделать несколько телефонных звонков.

— Кинг также говорит, что Фрэнк не интересовался домом его отца в Монтерее. Но Фрэнк слишком дотошен, чтобы упустить это. Если бы Кинг рассказал ему о доме, Фрэнк побывал бы там.

— Зачем Кингу лгать про дом? — спросил Пит.

— Понятия не имею, — ответила Реми.

— И что это нам дает? — спросила Венди.

— Кое-кому есть что скрывать, — ответила Сельма.

— Точь-в-точь наша мысль, — согласился Сэм. — Вопрос в том, что. У Кинга вдобавок есть черты параноика. Учитывая, как он богат, к нему должны толпами сбегаться мошенники.

— В конечном счете все это не имеет значения, — сказала Реми. — Пропал Фрэнк Алтон. Вот на чем мы должны сосредоточить внимание.

— С чего начнем? — спросила Сельма.

— С Монтерея.

Монтерей, Калифорния

Свет автомобильных фар терялся в тумане, клубившемся над землей и в листве по обочинам извилистой гравийной дороги, и Сэм поворачивал осторожно. Под ними на склонах утеса мерцали в полумраке огоньки домов, а еще дальше в черноте плавали навигационные бакены

рыбацких лодок. Окно со стороны Реми было открыто, и через него временами долетали далекие скорбные гудки буйков.

Как они ни устали, Сэму и Реми хотелось побыстрее начать разбираться с исчезновением Фрэнка, поэтому вечерним рейсом они добрались из Сан-Диего до аэропорта Монтерея, где арендовали машину.

Даже не видя само сооружение, можно было понять, что дом Льюиса «Булли» Кинга стоит миллионы. Точнее, миллионы стоит участок, на котором поставлен дом. По словам Чарли Кинга, отец купил дом в начале пятидесятых. С тех пор цены настолько выросли, что даже картонная лачуга превращается в золотое дно.

Навигатор прозвенел, предупреждая о новом повороте. За ним фары осветили одинокий почтовый ящик на столбе.

— Это он, — сказала Реми, читая номера.

Сэм въехал на подъездную дорогу, ограниченную кустарниковой сосной и полуразвалившейся давно уже не белой изгородью, которую как будто держали только оплетающие ее лианы. Машина остановилась. Впереди фары осветили дом в тысячу квадратных футов с островерхой крышей. По сторонам от входной двери два маленьких заколоченных окна, внизу раскрошившиеся бетонные ступени. Фасад когда-то был выкрашен зеленой краской. Теперь краска облупилась и поблекла, цвет стал тошнотворно-оливковым.

В конце подъездной дороги, частично закрытой домом, гараж на одну машину, с провисшей водосточной трубой.

— Да, это дом пятидесятых, — сказала Реми. — И никаких ненужных украшений.

— Участок не меньше двух акров. Удивительно, что на него не обратили внимания застройщики.

— Неудивительно, принимая во внимание, кто им владеет.

— Хороший довод, — заметил Сэм. — Должен признаться, тут жутковато.

— Я бы сказала: очень жутко. Пойдем?

Сэм погасил фары, выключил двигатель, и теперь дом освещал только лунный свет, пробивающийся сквозь туман. Сэм взял с заднего сиденья кожаный саквояж, они вышли и закрыли дверцы. В тишине хлопок показался вдвойне громким. Сэм достал из кармана брюк фонарик и включил.

Они прошли по тротуару к входной двери. Сэм ногой проверил прочность ступенек. Кивнул Реми, поднялся по ступенькам, сунул в

замок ключ, полученный от Чжилань, и повернул. Замок со щелчком открылся. Сэм чуть толкнул дверь; петли предсказуемо заскрипели. Сэм переступил порог, Реми за ним.

— Посвети мне, — попросила она.

Сэм повернулся и осветил стену у дверного косяка, где Реми искала выключатель. Нашла и повернула. Чжилань заверяла их, что электричество в доме есть, и оказалась права. В трех углах комнаты загорелись лампы, заливая стены желтым светом.

— Не такой уж заброшенный, как говорил Кинг, — заметил Сэм. Здесь не только горели все лампы — нигде не было ни следа пыли. — Должно быть, дом регулярно убирают.

— Тебе это не кажется странным? — спросила Реми. — Он не только сохраняет дом сорок лет после исчезновения отца, он здесь ничего не поменял и прибирается, хотя участок зарастает.

— Чарли Кинг тоже кажется мне странным, но меня это не удивляет. Ему еще нужно бояться микробов и прятать состриженные ногти, и он точно будет на территории Говарда Хьюза.

Реми рассмеялась.

— Ладно, хорошая новость — искать тут особенно нечего.

Она была права. Со своего места они видели почти весь дом Булли: комната двадцать квадратных метров, одновременно жилье и кабинет, вдоль восточной и западной стен от пола до потолка стеллажи с книгами, безделушками, фотографиями в рамках и витринами с чем-то похожим на окаменелости и артефакты.

В центре комнаты кухонный стол, который Льюис превратил в письменный; на нем старая портативная пишущая машинка, ручки, карандаши, блокноты для стенографии и стопки книг. В южной стене три двери: одна на кухню, вторая в туалет, третья в спальню. Кроме моющего средства и нафталина, в доме пахло плесенью и старым обойным клеем.

— Думаю, мяч у тебя, Реми. Вы с Булли… гм… родственные души. Я посмотрю другие комнаты. Если увижу летучую мышь, крикну.

— Не смешно, Фарго.

Реми бесстрашный воин, не боится запачкать руки или устремиться навстречу опасности, но терпеть не может летучих мышей. Их кожистые крылья, крошечные коготки на лапах и морщинистые мордочки вселяют в нее первобытный ужас. Хэллоуин — напряженное время в доме Фарго, и старые фильмы про вампиров запрещены.

Сэм подошел к ней, указательным пальцем приподнял подбородок и поцеловал.

— Прости.

— Извинения приняты.

Сэм направился в кухню, а Реми подошла к книжным полкам. Вполне предсказуемо, все книги изданы до 1970 года. Она поняла, что Льюис Кинг был читателем-эклектиком. Большая часть книг была посвящена непосредственно археологии и связанным с ней дисциплинам: антропологии, палеонтологии, геологии и так далее; попадались также тома по философии, космологии, социологии, классической литературе и истории.

Сэм вернулся в комнату.

— Нигде ничего интересного. А здесь?

— Подозреваю, он был… — Она замолчала и обернулась. — Надо решить, какое время употреблять. Как ты думаешь, он мертв или жив?

— Будем предполагать последнее. Фрэнк так считал.

Реми кивнула.

— Думаю, Льюис — интересный человек. Готова поспорить, что он прочел большую часть этих книг, если не все.

— Если он столько времени проводил в поле, как говорит Кинг, откуда у него время?

— Скорочтение? — предположила Реми.

— Возможно. Что в витринах?

Сэм посветил фонариком в ближнюю к Реми, за ее плечом, витрину. Она взглянула.

— Острия «гвоздики», — сказала Реми, употребляя общепринятое теперь название наконечников копий и стрел из камня, слоновой кости и просто кости. — Отличное собрание.

Они по очереди стали просматривать остальные витрины. Коллекция Льюиса была такой же эклектичной, как его библиотека. В основном археологические экспонаты: черепки глиняной посуды, резные рога, каменные орудия, окаменевшая древесина; были и предметы, относящиеся к наукам о прошлом: окаменелости, камни, рисунки вымерших растений и насекомых, обрывки древних рукописей.

Реми постучала по витрине, в которой находился пергамент, написанный как будто на деванагари, праалфавите Непала.

— Интересно. Думаю, это репродукция. А вот это похоже на имя переводчика: «А. Каалрами, Принстонский университет». Но самого перевода нет.

— Проверим, — сказал Сэм, доставая из кармана айфон. Вызвал веб-браузер «Сафари» и подождал, пока в меню айфона не появилась иконка сети 4G. Тут же поверх появилось сообщение:

«Подключитесь к сети вай-фай 651FPR».

Нахмурившись, Сэм разглядывал сообщение, потом закрыл веб-браузер и вызвал приложение, позволяющее делать надписи. Потом сказал Реми:

— Нет связи. Посмотри.

Реми повернулась к нему.

— Что?

Он подмигнул.

— Посмотри.

Она подошла и посмотрела на экран айфона. Сэм напечатал сообщение:

«Следуй за мной».

Реми не растерялась ни на мгновение.

— Не удивляюсь, что у тебя нет сигнала, — сказала она. — Мы ведь в пустыне.

— Как ты считаешь? Мы достаточно видели?

— Думаю, да. Давай вернемся в отель.

Они выключили свет, вышли через парадную дверь и закрыли ее на ключ. Реми спросила:

— Что происходит, Сэм?

— Я поймал беспроводную сеть. Названную по этому адресу: 651 False Pass Road.

Сэм вызвал сообщение на экран и показал Реми.

— Может, сосед? — спросила она.

— Нет, обычный домашний сигнал дальше пятидесяти ярдов не распространяется.

— Все интересней и интересней, — сказала Реми. — Я не видела никаких модемов или роутеров. Зачем покинутому дому беспроводная сеть?

— Могу указать только одну причину, и, если учесть, с кем мы имеем дело, эта причина не столь уж безумна: дом прослушивается.

— Камеры?

— Или звукозаписывающие устройства.

— Кинг за нами шпионит? Зачем?

— Кто знает? Но у меня разыгралось любопытство. Придется вернуться. Пошли, осмотримся.

— А если есть наружные камеры?

— Их трудно спрятать. Мы будем их искать.

Освещая фонариком фасад дома и потолок, Сэм прошел по подъездной дороге к гаражу. Дойдя до угла дома, остановился и выглянул за угол. Выпрямился.

— Ничего, — сказал он.

Он подошел к боковой двери гаража и повернул ручку. Дверь закрыта. Сэм снял плащ, обернул им правую руку и прижал кулак к стеклу над замком; нажал, и стекло с легким хлопком разлетелось. Он убрал осколки, просунул руку внутрь и открыл дверь.

Внутри ему потребовалась всего минута, чтобы найти электрощиток. Сэм открыл крышку и стал изучать содержимое. Щиток устаревший, с пробками. Некоторые кажутся совсем новыми.

— Что теперь? — спросила Реми.

— Не хочу возиться с пробками.

Он посветил вниз, под щиток, потом перевел луч на соседнюю стойку. Здесь он нашел счетчик. Карманным ножом перерезал к нему провод, открыл крышку и выключил главный рубильник.

— Если только у Кинга где-нибудь не спрятан генератор или запасные батареи, это должно подействовать, — пояснил Сэм.

Они вернулись к парадной двери. Реми достала айфон и поискала беспроводную связь. Та исчезла.

— Чисто, — сказала она.

— Теперь посмотрим, что прячет Чарли Кинг.

Вернувшись в дом, Реми сразу направилась к витрине с рукописью на деванагари.

— Сэм, достанешь мой фотоаппарат?

Сэм открыл саквояж, который аккуратно поставил на соседний стул, достал Cannon G10 и протянул Реми. Она начала снимать витрину. Сняв все, перешла к соседней.

— Заодно все документируем.

Сэм кивнул. Сунув руки в карманы, он осматривал книжные стеллажи. Провел быструю мысленную оценку: не менее пяти или шести сотен томов.

— Начну перелистывать.

Вскоре стало очевидно: тот, кому Кинг платил за уборку в доме, на книги обращал мало внимания. Корешки были чистые, но верхний срез книг покрывал толстый слой пыли. Прежде чем снять очередной том, Сэм при свете фонарика искал отпечатки пальцев. Книги никто не трогал лет десять.

Два часа и сто чиханий спустя они вернули на место последнюю книгу. Реми, которая час назад кончила фотографировать витрины, помогала с последней сотней томов.

— Ничего, — сказал Сэм, отступая от стеллажей и отряхивая ладони о брюки. — У тебя?

— Тоже. Но в одной витрине я нашла кое-что любопытное.

Она включила камеру, нашла нужный снимок и показала Сэму. Он несколько мгновений разглядывал его.

— Что это?

— Я не вполне уверена, но, думаю, это осколки яиц страуса.

— А гравировка? Это язык? Художественная роспись?

— Не знаю. Я достала их все из витрины и сфотографировала каждый отдельно.

— И что они значат?

— Для нас, вероятно, ничего. Но в более широком контексте... — Реми пожала плечами. — Возможно, очень многое.

Реми объяснила, что в 1999 году группа французских археологов обнаружила в Южной Африке в пещере Дипклоф двести семьдесят осколков яиц страуса с гравировкой. Геометрические узоры восходят ко времени между пятьюдесятью пятью и шестьюдесятью пятью тысячами лет назад и принадлежат к так называемой ховисон-портской индустрии каменного века.

— Специалисты до сих пор спорят о смысле этих изображений, — продолжала Реми. Некоторые утверждают, что это первобытное искусство, другие — что это карта, третьи — письменность.

— Эти на них похожи?

— Так сразу не вспомню. Но, если они того же типа, что южно-африканские осколки, — закончила Реми, — они найдены по меньшей мере на тридцать пять лет раньше открытых в Дипклофе.

— Может, Льюис не знал, чем владеет.

— Сомневаюсь. Любой археолог, который не зря ест свой хлеб, сразу поймет значительность такой находки. Когда отыщем Фрэнка и жизнь войдет в норму… — Сэм открыл рот, собираясь что-то сказать, но Реми быстро исправилась, — в норму для нас, я займусь этим.

Сэм вздохнул.

— Итак, все отдаленно связанное с Непалом, что мы до сих пор нашли, это пергамент на деванагари.

4

Катманду, Непал

Сэм и Реми проснулись оттого, что пилот объявил: их самолет подлетает к международному аэропорту Катманду Трибуван. Проведя большую часть последних трех суток в воздухе, они потратили всего тридцать секунд на то, чтобы окончательно проснуться. Рейс компаний «Юнайтед» — «Катэй Пасифик» — «Ройал Непал» длился почти тридцать два часа.

Сэм встал, вытянул руки над головой, потом переставил часы на местное время по циферблату на спинке сиденья. Рядом с ним раскрыла глаза Реми.

— Все царство за добрую чашку кофе, — сказала она.

— Через двадцать минут будем на земле.

В последние годы в Непале развился кофейный бизнес. Что касается Фарго, то с их точки зрения лучшие в мире кофейные зерна выращивают в непальском районе Аграханчи.

Сэм улыбнулся.

— Куплю столько, сколько сможешь выпить.

— Мой герой.

* * *

Самолет резко накренился, и они посмотрели в окно. В умах большинства путников само название Катманду вызывает экзотические картины с буддийскими храмами и монахами в рясах, путешественниками и горцами, благовониями, приправами, ветхими хижинами и тенистыми долинами, окруженными гималайскими вершинами. Но гостю, оказавшемуся тут впервые, не придет в голову, что здесь кипит жизнь, в городе с семьюстами пятьюдесятью тысячами жителей и уровнем грамотности 95 процентов.

Если смотреть с воздуха, Катманду аккуратно вписывается в похожую на кратер долину, окруженную четырьмя величественными горными кряжами: Шивапури, Пхулчовски, Нагарджун и Чандрагири.

Сэм и Реми дважды были здесь в отпуске. И знали, что, несмотря на большое население, на земле Катманду похож на конгломерат деревень средней величины, соединенных нитями современности. В одном квартале вы встретите тысячелетний храм бога Шивы, в следующем — магазин сотовых телефонов; на главных улицах изящные такси соперничают с пестро украшенными рикшами; на площади с одной стороны ресторан напоминает про «Октоберфест», с другой — уличный продавец предлагает прохожим миски с чатом. И, конечно, на горных склонах и на крутых утесах, окружающих город, — сотни храмов и монастырей, причем некоторые старше самого Катманду.

— В «Хаятт Ридженси».

Реми одобрительно кивнула. В свое последнее посещение Катманду, надеясь погрузиться в непальскую культуру, они остановились в дешевой гостинице, расположенной рядом с загоном для яков. И скоро узнали, что яки ни во что не ставят скромность, одиночество и сон.

Сэм подошел к обочине, чтобы остановить такси. Сзади послышался мужской голос:

— Не вы ли мистер и миссис Фарго?

Сэм и Реми повернулись и увидели мужчину и женщину лет двадцати с небольшим, очень похожих не только друг на друга, но и на Чарли Кинга, но с одним поразительным отличием. У обоих были светлые волосы отца и его широкая улыбка, но — отчетливые азиатские черты.

Реми искоса бросила на Сэма взгляд, который он истолковал правильно: ее догадка относительно Чжилань Су хотя бы частично подтвердилась. Однако, если Фарго не слишком преувеличивают, она вовсе не обычная любовница.

— Мы, — ответил Сэм.

Мужчина, унаследовавший отцовский рост, но не телосложение, энергично пожал руки обоим.

— Меня зовут Рассел. А это моя сестра Марджори.

— Сэм... Реми. Не ожидали, что нас встретят.

— Мы решили проявить инициативу, — пояснила Марджори. — Мы здесь по папиным делам, так что ничего страшного.

Рассел сказал:

— Если вы никогда не бывали в Катманду, он вас разочарует. У нас машина. Будем рады отвезти вас в отель.

«Хаятт Ридженси» в двух милях на северо-запад от аэропорта. Поездка в седане «Мерседес-Бенц» детей Кинга прошла спокойно, хотя и не быстро. Сэму и Реми, отделенным от улицы звуконепроницаемыми стенками и затемненными окнами, она показалась немного сюрреалистической. Рассел легко вел машину по узким улицам, а Марджори указывала на достопримечательности — увлекательно, как опытный гид.

Наконец они подъехали к отелю. Не успели Сэм и Реми коснуться ручек, как Рассел и Марджори уже выскочили из машины и открыли перед ними дверцы.

Как и здание аэропорта, отель «Хаятт Ридженси» представлял собой слияние старого и нового: шестиэтажное здание со стенами из терракоты и крышей как у пагоды. Территория отеля с роскошной растительностью занимала двадцать акров.

К машине подошел швейцар, и Рассел что-то сказал ему по-непальски. Тот энергично кивнул, улыбнулся, достал из багажника вещи и исчез в вестибюле.

— Ну, устраивайтесь, — произнес Рассел и вручил каждому из них по визитной карточке. — Позвоните, и мы обсудим наши дальнейшие действия.

— Дальнейшие действия? — повторил Сэм.

Марджори улыбнулась.

— Простите, папа, вероятно, забыл вам сказать. Он просил нас быть вашими проводниками, когда вы будете искать мистера Алтона. До завтра!

С одинаковыми улыбками, помахав, дети Кинга сели в машину и уехали.

Сэм и Реми несколько секунд смотрели им вслед. Потом Реми сказала:

— В семье Кингов есть кто-нибудь нормальный?

Сорок пять минут спустя они сидели в своем номере и наслаждались кофе.

Проведя полдень в бассейне за отдыхом, они вернулись в номер за коктейлями. Сэм заказал «Сапфир Бомбей Джин Гибсон», а Реми «Кетель уан космополитэн». Дочитали читать досье, которое дала им Чжилань в аэропорту Палембанга. Хотя досье казалось очень объемистым, ничего существенного они в нем не нашли.

— Должна признать, — сказала Реми, — что соединение генов Чжилань Су и Чарли Кинга дало… интересный результат.

— Ты очень дипломатично выражаешься, Реми, но будем честны: Рассел и Марджори меня пугают. Соедини их внешность с бросающимся в глаза дружелюбием и получишь пару голливудских серийных убийц. Ты заметила в них черты Чжилань?

— Нет, и даже почти надеюсь, что их нет. Если она их мать, ей было, вероятно, восемнадцать или девятнадцать лет, когда она их родила. — Кингу тогда было сорок с лишним.

— Заметил отсутствие техасского акцента? В их гласных я уловила следы «Лиги плюща».

— Значит, папа выслал их из Техаса и устроил в колледж. Я бы хотел узнать, как у них оказался номер нашего рейса.

— Чарли Кинг разминается? Показывает нам, что у него большие возможности?

— Вероятно. Это может также объяснить, почему он не сказал нам, чтобы мы ждали встречи с Чудо-Близнецами.

— Мне не нравится, что они собираются всюду ходить за нами.

— Мне тоже, но давай завтра попробуем выяснить, что им известно о действиях Фрэнка. Я подозреваю, что семья Кинг знает гораздо больше, чем сообщает нам.

— Согласна, — ответила Реми. — И все сводится к одному: Кинг пытается быть кукловодом. Почему? Он псих, свихнувшийся на контроле, или он что-то скрывает?

Позвонили в дверь. Сэм пошел открывать, но под дверь просунули конверт.

— Ага, подтверждение к заказу столика.

— Правда?

— Ну, если только ты сумеешь собраться за полчаса.

— Мне нравится. И куда мы идем?

— «Бханчка и Гхан», — ответил Сэм.

— Как тебе удается помнить?

— Невозможно забыть такую великолепную еду, окружение и непальскую кухню в Непале!

Через двадцать пять минут Реми переоделась в брюки и топ, а через руку перебросила подходящий по цвету жакет. И Сэм, свежевыбритый, в синей рубашке «Роберт Грэм» и темно-серых брюках, вывел ее из номера.

* * *

Реми почти не удивилась, когда, проснувшись в четыре утра, увидела, что муж не спит, а сидит в кресле в гостиной. Когда что-то терзало подсознание Сэма Фарго, он не мог уснуть. Сэм сидел в мягком свете лампы и перечитывал досье, которое дала им Чжилань. Реми бедром мягко оттолкнула папку. Потом села к нему на колени и плотнее завернулась в длинный шелковый халат.

— Думаю, я нашел преступника, — сказал Сэм.

— Покажи.

Он перелистал несколько скрепленных страниц.

— Ежедневные отчеты, которые Фрэнк посылал Кингу электронной почтой. Начинаются со дня его прибытия сюда и кончаются в утро исчезновения. Замечаешь отличия в последних трех письмах?

Реми просмотрела их.

— Нет.

— Все эти сообщения подписаны «Фрэнк». Посмотри на предыдущие.

Реми посмотрела. Поджала губы.

— Подписано просто ФА.

— Так он подписывал и свои письма мне.

— И что это значит?

— Я просто рассуждаю. Я бы сказал: либо Фрэнк не подписывал последние письма, либо попытался послать сигнал тревоги.

— Мне это кажется маловероятным. Фрэнк нашел бы код похитрее.

— Тогда остается второе. Он исчез раньше, чем считает Кинг.

— И кто-то выдавал себя за него, — закончила Реми.

Тридцать миль к северу

от Катманду, Непал

«Рейнджровер» шел в предрассветном мраке по главной дороге. Она, петляя, тянулась по дну долины, и фары машины освещали зеленые террасы полей по сторонам; потом началась другая дорога, более узкая и в глубоких колеях. Прежде чем переехать через мост, «ровер» несколько сот ярдов громыхал по ухабам. Внизу пенилась река, темные волны бились в опоры моста. На противоположном берегу фары на мгновение осветили дорожный указатель. На нем было написано на непальском «Трисули». Еще через четверть мили «ровер» оказался у приземистого серого кирпичного здания с заплатанной жестяной крышей. Рядом с входной деревянной дверью светилось квадратное желтое окно. «Ровер» остановился перед зданием, мотор смолк.

Из машины вышли Рассел и Марджори Кинг и направились к двери. Из-за углов здания появились две неопределенные фигуры и преградили им дорогу. Каждая наискось прижимала к груди автомат. Фонарики осветили лица детей Кинга, потом погасли. Один из охранников кивком разрешил войти.

За дверью сидел за столом, устроенном на козлах, один человек. Если не считать мигающей керосиновой лампы, в комнате ничего не было.

— Полковник Чжоу, — произнес Рассел Кинг.

— Добро пожаловать, мои безымянные американские друзья. Прошу садиться.

Они сели на скамью напротив Чжоу. Марджори сказала:

— Вы не в мундире. Только не говорите, что боитесь патрулей непальской армии.

Чжоу усмехнулся.

— Вряд ли. Я бы не против того, чтобы мои люди поупражнялись в стрельбе в цель, но боюсь, мое начальство не одобрит переход границы без соответствующих процедур.

— Так зачем вы нас пригласили? — поинтересовался Рассел.

— Чтобы обсудить вопрос о пропусках, которые вам нужны.

— О пропусках, за которые уже заплачено? — спросила Марджори.

— Это вопрос семантики. Район, в который вам нужны пропуска, очень хорошо охраняется…

— Вся территория Китая очень хорошо охраняется, — возразил Рассел.

— Но лишь часть нужной вам территории в моем ведении.

— В прошлом это ни разу не вызывало трудностей.

— Все меняется.

— Вы нас шантажируете, — сказала Марджори. Лицо ее оставалось бесстрастным, но глаза стали холодными и злыми.

— Я не знаю этого выражения.

— Подкуп.

Полковник Чжоу нахмурился.

— Резко сказано. Однако вы правы: вы уже заплатили мне. К несчастью, изменения границ моего района заставляют меня кормить больше ртов, если вы понимаете, что я хочу сказать. Если я не смогу кормить эти рты, они начнут говорить не с теми людьми.

— Может, нам стоит побеседовать с ними вместо вас? — предположил Рассел.

— Попробуйте. Но есть ли у вас время? Припоминаю, что вам потребовалось восемь месяцев, чтобы выйти на меня. Со мной вам повезло. В следующий раз вас могут арестовать как шпионов. Это может произойти и сейчас.

— Вы затеяли опасную игру, полковник, — сказала Марджори.

— Не более опасную, чем нелегально пересекать китайскую границу.

— И я полагаю, не более опасную, чем то, что ваши люди не обыскали нас на предмет оружия.

Чжоу сощурился, взгляд метнулся к двери, потом вернулся к близнецам.

— Вы не посмеете, — заявил полковник.

— Она посмеет, — сказал Рассел. — И я тоже. Можете не сомневаться. Но не сейчас. Не сегодня. Полковник, если бы вы знали, кто мы, вы бы хорошенько подумали, прежде чем вымогать у нас дополнительные деньги.

— Я могу не знать ваших имен, но знаю вашу породу и догадываюсь, чего вы хотите.

Рассел спросил:

— Сколько вам нужно, чтобы накормить лишние рты?

— Двадцать тысяч — евро, не долларов.

Рассел и Марджори встали. Рассел сказал:

— До конца дня деньги будут на вашем счете. Мы свяжемся с вами, когда будем готовы перейти границу.

* * *

Он догадался — по прохладе ночного воздуха, по отсутствию шума дорожного движения и позвякиванию колокольчиков яков, — что находится высоко в горах. Втолкнув в машину, ему сразу завязали глаза, и он не знал, далеко ли его увезли от Катманду. Десять миль или сто — это, в сущности, не имеет значения. За пределами долины, в которой лежит город, местность способна поглотить человека — и делала это тысячи раз. Ущелья, пещеры, карстовые воронки, расселины… миллион мест, где можно спрятаться или умереть.

Пол и стены из неструганых досок, койка тоже. Матрац набит соломой и слабо пахнет навозом. Печь старая, пузатая; он догадывался об этом по звукам, когда его похитители заходили раздуть огонь. Иногда сквозь дым он улавливал запах топлива для печи — таким пользуются путешественники и горцы.

Его держат в заброшенной хижине, где-то вдали от постоянных маршрутов: в хижине давно никого не было.

Похитители за все время не сказали ему и двадцати слов, только приказы на ломаном английском: сядь, встань, ешь, туалет… На второй день, однако, он уловил обрывок разговора за стенами хижины, и хотя ничего не понимал по-непальски, но понял, на каком языке говорят.

Значит, его захватили местные. Но кто? Террористы или партизаны? Он ничего не слышал о партизанах в Непале. Похитители людей? Он в этом сомневался. Его не заставляли писать никакие требования о выкупе. Да и обращались с ним неплохо. Решительно и твердо, но не грубо, регулярно кормили, давали много воды, а его спальный мешок хорошо служил при низких, ниже нуля, температурах. И он продолжал гадать: кто? И почему?

До сих пор его похитители допустили только одну большую ошибку: крепко связав ему руки чем-то вроде альпинистского троса, они не потрудились осмотреть хижину в поисках острых углов. И он вскоре нашел их, четыре: ножки койки, каждая из которых на несколько дюймов выступала над матрацем. Дерево неотполированное. Не совсем лезвия пилы, но есть с чего начинать.

5

Катманду, Непал

Рассел и Марджори подъехали к отелю, как и обещали, ровно в девять утра. Ясноглазые и улыбающиеся, близнецы поздоровались с Сэмом и Реми, пожав им руки, и пригласили их в «мерседес». Небо было ярко-голубое, воздух свежий.

— Куда? — спросил Рассел, заводя мотор и отъезжая.

— Как насчет места, где Фрэнк Алтон проводил больше всего времени? — спросила Реми.

— Никаких проблем, — ответила Марджори. — Согласно электронным письмам, которые он посылал папе, он много времени провел в ущелье Чобар, примерно в пяти милях отсюда. Это там, где река Багмати спускается в долину.

Они несколько минут ехали молча.

Сэм сказал:

— Если на фотографии, сделанной в Ло-Монтанге, ваш дед…

— Вы так не думаете? — спросил Рассел, посмотрев в зеркало заднего обзора. — Папа считает, что это он.

— Просто играю в адвоката дьявола. Если это ваш дед, то что, по-вашему, он здесь делал?

— Без понятия, — непочтительно заявила Марджори.

— Ваш отец как будто не знаком с работой Льюиса? А вы?

Рассел ответил:

— Вероятно, просто археология. Мы его, конечно, никогда не знали. Только слышали папины рассказы.

— Не поймите меня неправильно, но разве вам не приходило в голову поинтересоваться, чем занимался Льюис? Это могло бы помочь в его поисках.

— Мы у папы очень заняты, — сказала Марджори. — К тому же именно поэтому он нанимает специалистов: вас двоих и мистера Алтона.

Сэм и Реми переглянулись. Как и их отец, близнецы не слишком интересовались своим дедом. Их равнодушие было почти патологическим.

— В какой школе вы учились? — спросила Реми, меняя тему.

— Ни в какой, — ответил Рассел. — Мы учились дома. Папа нанимал для нас учителей.

— А куда делся ваш акцент?

Марджори ответила не сразу.

— А, я понимаю, о чем вы. Когда нам было четыре года, папа отправил нас в Коннектикут к тетке. Мы жили там, пока не закончили школу, а потом вернулись в Хьюстон работать с папой.

— Так вы не часто его видели, пока росли? — спросил Сэм.

— Он занятой человек.

Марджори ответила без тени горечи, как будто вполне нормально на четырнадцать лет отослать детей, чтобы их растили учителя и родственники.

— Вы задаете много вопросов, — сказал Рассел.

— Мы любопытны от природы, — ответил Сэм. — Такая у нас работа.

Сэм и Реми ничего не ожидали от поездки в ущелье Чобар и не ошиблись. Рассел и Марджори показали им несколько заметных объектов и угостили очередной порцией баек для путешественников.

Вернувшись в машину, Сэм и Реми попросили отвезти их в следующее место — исторический центр города, известный как площадь Дурбар; здесь находится около пятидесяти храмов.

И этот визит предсказуемо прошел без происшествий, как предыдущий. Сэм и Реми в сопровождении близнецов в течение часа обходили площадь и притворялись, что снимают, сверяются с картой и что-то

записывают. Наконец незадолго до полудня они попросили отвезти их назад в «Хаятт».

— Вы закончили? — спросил Рассел. — Уверены?

— Вполне, — ответил Сэм.

Марджори сказала:

— Мы с радостью отвезем вас куда скажете.

— Нам нужно провести кое-какие исследования, прежде чем мы продолжим, — возразила Реми.

— Мы можем помочь вам и в этом.

Сэм добавил немного стали в голос.

— Пожалуйста, в отель.

Рассел пожал плечами.

— Как хотите.

Из вестибюля они наблюдали, как уезжает «мерседес». Сэм достал айфон и включил экран.

— Сообщение от Сельмы. — Он прослушал его, потом сообщил: — Она кое-что откопала о семье Кингов.

Вернувшись в свой номер, Сэм включил в телефоне звук и нажал кнопку скоростного набора. Секунд тридцать слышался треск, потом связь установилась, и Сельма сказала:

— Наконец-то.

— Мы ездили с близнецами Кингами.

— Продуктивно?

— Только в том смысле, что усилилось желание держаться от них подальше, — признался Сэм. — Что у тебя есть для нас?

— Во-первых, я нашла человека, который может перевести пергамент на деванагари, найденный вами в доме Льюиса.

— Фантастика, — восхитилась Реми.

— Лучше! Я думаю, что это и есть первый переводчик — А. Каалрами из Принстона. Ее зовут Адала. Ей почти семьдесят лет, и она профессор... угадаете?

— Нет, — сказал Сэм.

— Университета Катманду.

— Сельма, ты волшебница, — похвалила Реми.

— При обычных обстоятельствах я бы согласилась, мистер Фарго, но тут мне просто повезло. Пересылаю по электронной почте контактную информацию профессора Каалрами. Хорошо, дальше: пробурив множество сухих скважин в поисках сведений о семье Кинга, я наконец позвонила Рубу Хейвуду. Он отправит мне все, что найдет, но и то, что мы уже нашли, очень интересно. Во-первых, Кинг не настоящая фамилия семьи. Это англизированная версия оригинальной немецкой фамилии Кёниг. Льюиса первоначально звали вовсе не Льюисом.

— Зачем эти перемены? — спросила Реми.

— Мы точно не знаем, но известно, что в 1946 году Льюис эмигрировал в Америку и получил работу преподавателя в университете города Сиракузы. Несколько лет спустя, когда Чарлзу было четыре года, Льюис оставил мальчика и его мать и отправился странствовать по свету.

— Что еще?

— Я узнала, чем там занимаются Рассел и Марджори. Один из горнодобывающих концернов Кинга — SRG, или Strategic Resources Group («Группа стратегических ресурсов»), — в прошлом году попросил у правительства Непала разрешение, я цитирую, «на проведение исследований, связанных с промышленными и драгоценными металлами».

— А что это значит? — спросила Реми. — Туманная формулировка.

— Намеренно туманная, — заметил Сэм.

Сельма ответила:

— Компания избегает публичности, поэтому информацию раздобыть трудно. Я нашла два участка, взятые SRG в аренду. Оба на северо-востоке от города.

— Запутанная паутина, — сказала Реми. — Итак, близняшки Кинг присматривают за семейным горным предприятием именно там и тогда, где и когда исчез Фрэнк, разыскивая отца Кинга, который, возможно, последние сорок лет бродит по Гималаям, а возможно, не бродит. Я ничего не забыла?

— Нет, картина полная, — согласился Сэм.

Сельма спросила:

— Хотите подробности об этих участках SRG?

— Погоди, — ответил Сэм. — На первый взгляд, кажется, здесь нет связи, но с Чарли Кингом никогда ничего нельзя знать.

Попросив портье «Хаятта» нанять им машину, они отправились в путь: Сэм вел, Реми была штурманом, она разложила карту Катманду на приборной доске «Ниссана Икстрейл СУВ».

Стоило им покинуть отель, как тотчас вспомнились уроки, усвоенные (и благополучно забытые) шесть лет назад в их первый приезд в Катманду.

За исключением главных магистралей вроде Тридеви или Кинг-роуд узкие улицы Катманду вообще не имеют названий — ни на карте, ни на уличных указателях. Словесные указания даются применительно к ориентирам, обычно перекресткам или площадям — они называются чоуки и тоулы соответственно, и иногда — храмам и рынкам. Тот, кто не знаком с этим обычаем, может рассчитывать только на карту района и компас.

Сэму и Реми повезло. Университет Катманду находился в четырнадцати милях от их отеля в предгорье на восточной окраине. После досадных двадцатиминутных поисков шоссе Арнико они покатили по нему без проволочек и всего час спустя прибыли в кампус.

Следуя надписям на непальском и английском языках, они свернули от входа налево и по обсаженной деревьями дороге проехали к зданию из кирпича и стекла, перед которым располагался овальный участок, заросший дикими цветами.

За стойкой сидела молодая индианка, говорившая по-английски с оксфордским акцентом.

— Доброе утро, добро пожаловать в Университет Катманду. Чем могу быть полезна?

— Мы ищем профессора Адалу Каалрами, — заявила Реми.

— Да, конечно. Минутку. — Женщина застучала по клавиатуре под стойкой и посмотрела на монитор. — У профессора Каалрами в настоящее время встреча с аспирантом в библиотеке. По расписанию встреча заканчивается в три часа.

Женщина достала карту кампуса, обвела кружками их нынешнее местоположение и местоположение библиотеки.

— Спасибо, — сказал Сэм.

Кампус в Катманду маленький, всего десять или двенадцать зданий, расположенных на вершине холма. А ниже, миля за милей — лежащие террасами зеленые поля и леса. В отдалении виднелся международный

аэропорт Трибуван. И к северу от него едва различимая крыша-пагода отеля «Хаятт».

Они прошли сто ярдов по тротуару между живыми изгородями, повернули налево и оказались перед входом в библиотеку. Внутри их направили на второй этаж, в конференц-зал. Когда они пришли, аспирант как раз выходил. В зале за круглым столом сидела пожилая индианка в ярком красно-зеленом сари.

Реми спросила:

— Простите, не вы ли профессор Адала Каалрами?

Женщина подняла голову и осмотрела их через очки в толстой роговой оправе.

— Да, это я.

Она говорила по-английски с сильным акцентом, с напевными интонациями, свойственными англоговорящим индийцам.

Реми представилась, представила Сэма и спросила, могут ли они сесть. Каалрами указала на пару стульев напротив себя. Сэм спросил:

— Говорит ли вам что-нибудь имя Льюис Кинг?

— Булли? — сразу ответила она.

— Да.

Она широко улыбнулась; между передними зубами у нее темнел большой зазор.

— О да, я помню Булли. Мы были… друзьями. — Блеск в ее глазах подсказал Фарго, что отношения были гораздо больше, чем просто дружескими. — Я работала в Принстоне, но временно отправилась в университет Трибуван. Это было задолго до основания Университета Катманду. Мы с Булли встретились здесь. А почему вы спрашиваете?

— Мы ищем Льюиса Кинга.

— Ага… Вы охотники за привидениями?

— То есть, как я понимаю, вы считаете его мертвым, — сказала Реми.

— Ну не знаю. Конечно, я слышала рассказы о его периодических появлениях, но не видела ни его, ни подлинных снимков. По крайней мере в последние сорок лет. Мне хочется думать, что, будь он жив, он бы пришел повидаться со мной.

Сэм открыл саквояж, достал оттуда копию пергамента с текстом на деванагари и протянул Каалрами.

— Узнаете?

Она несколько мгновений изучала листок.

— Да. Здесь моя подпись. Я перевела это для Булли в… — Каалрами задумалась, поджав губы. — В тысяча девятьсот семьдесят втором.

— Что вы можете сказать нам об этом? — спросил Сэм. — Льюис говорил вам, где его нашел?

— Нет.

Реми сказала:

— Мне кажется, это деванагари.

— Молодчина, моя дорогая. Почти угадали. Это написано на лова. Язык хоть и не совсем мертвый, но очень редкий. По последней оценке сегодня на нем говорят четыре тысячи человек. Они живут в основном на севере страны, вблизи китайской границы, в месте, которое называлось…

— Мустанг, — предположил Сэм.

— Да, верно. И вы правильно его произнесли. Отлично. Большинство говорящих на лова живут на горе Ло-Монтанг и вокруг нее. Вы знали о Мустанге или просто догадались?

— Это догадка. Единственная нить, ведущая к Льюису Кингу на фотографии, где он предположительно снят. Снимок сделали год назад в Ло-Монтанге. Мы нашли этот пергамент в доме Льюиса.

— Снимок у вас с собой?

— Нет, — ответила Реми и взглянула на Сэма. У обоих одновременно возникла мысль: почему мы не попросили копию снимка? Ошибка новичка. — Но мы наверняка сможем его получить.

— Если не слишком много беспокойств. Я хотела бы взглянуть. Думаю, я бы узнала Булли, если это он.

— К вам недавно кто-нибудь обращался с вопросами о Кинге?

Каалрами поколебалась, постукивая указательным пальцем по верхней губе.

— С год назад, может, чуть больше, двое молодых людей. Необычная пара…

— Близнецы? Светлые волосы, голубые глаза, азиатские черты лица?

— Да! Они мне не понравились. Знаю, что так говорить нехорошо, но не хочу кривить душой. Было в них что-то…

Каалрами пожала плечами.

— У них не было с собой копии пергамента?

— Нет.

Реми спросила:

— Перевод мы так и не нашли. Не могли бы вы?

— Могу пересказать суть, но письменный перевод займет какое-то время. Могу сделать сегодня вечером, если хотите.

— Спасибо, — сказала Реми. — Были бы очень признательны.

Профессор Каалрами поправила очки и положила листок перед собой. Она медленно водила пальцами по строчкам, и ее губы беззвучно шевелились.

Спустя пять минут она подняла голову. Кашлянула.

— Это своего рода королевский эдикт. Фразы на лова трудно перевести на английский, но тут у нас официальный указ. В этом я уверена.

— Есть дата?

— Нет, но если посмотреть сюда, в верхний левый угол, видно, что здесь не хватает части текста. В оригинале есть эта часть?

— Нет. Я фотографировала как есть. А не помните, была дата на оригинале, когда вы его видели?

— Нет, боюсь, что нет.

— А если предположить?

— Доказать не могу, но я бы оценила возраст документа в шесть-семь сотен лет.

— Продолжайте, пожалуйста, — попросил Сэм.

— Нужно подождать письменный перевод…

— Мы понимаем.

— Это приказ группе воинов… особых воинов, которых называют Хранителями. Им приказано исполнить некий план — подозреваю, сам план описан в другом документе. План предназначен для перемещения чего-то, названного Теуранг, из убежища в тайное безопасное место.

— Почему?

— Это имеет какое-то отношение к вторжению.

— В документе объясняется, что такое Теуранг?

— Не думаю. Простите, большую часть я помню смутно. Прошло сорок лет. Я помню это слово, потому что оно показалось мне необычным, но не заинтересовало. Я ведь преподаю античность. Но уверена, в университете найдется кто-нибудь, кто поможет вам с этим словом. Могу поискать для вас.

— Спасибо, — сказал Сэм. — Вы помните, как повел себя Льюис, когда вы сообщили ему перевод?

Каалрами улыбнулась.

— Насколько помню, он был очень взбудоражен. Но Булли вечно горел энтузиазмом. Этот человек жил полной жизнью.

— Он не говорил, где нашел пергамент?

— Если и говорил, то я не помню. Может, вспомню вечером, когда буду переводить.

— Последний вопрос, — сказала Реми. — Что вы помните о том времени, когда Льюис исчез?

— А, да, помню. Мы все утро провели вместе. У нас был пикник над рекой. Река Багмати, на юго-западе города.

Сэм и Реми одновременно наклонились. Сэм спросил:

— Ущелье Чобар?

Профессор Каалрами наклонила голову.

— Да. Откуда вы знаете?

— Удачная догадка. А после пикника?

— У Льюиса был с собой рюкзак — для него это скорее правило, чем исключение. Он всегда был «на марше». День выдался прекрасный, теплый, на небе ни облачка. Я, помню, фотографировала. У меня был новый аппарат, одна из первых моделей «полароида», сразу дающего снимок. Тогда это было чудо техники.

— Пожалуйста, скажите, что снимки еще у вас.

— Возможно. Это зависит от технического мастерства моего сына. Прошу прощения.

Профессор Каалрами встала, обошла стол, взяла телефон и набрала номер. Несколько минут она говорила на непали, потом посмотрела на Сэма и Реми и прикрыла трубку рукой.

— У вас есть мобильный телефон с электронным адресом?

Сэм дал ей адрес.

Каалрами еще тридцать секунд говорила по телефону, потом вернулась на свое место. Вздохнула.

— Сын говорит, пора мне жить в цифровом веке. В прошлом месяце он начал сканировать — это верное слово? — мои старые фотоальбомы. Тот, где пикник, он закончил на прошлой неделе. Он пришлет вам снимки.

— Спасибо, — поблагодарил Сэм. — И вашему сыну тоже.

Реми сказала:

— Вы говорили о пикнике...

— Мы ели, наслаждались обществом друг друга, разговаривали, потом — наверное в середине дня — расстались. Я села в свою машину и уехала. Последний раз я видела его, когда он переходил по мосту ущелье Чобар.

6

Катманду, Непал

Поездка к ущелью Чобар была недолгой: вначале повернули на запад, назад к городу, по шоссе Арнико. В предместьях свернули на юг по Кинг-роуд и проехали вдоль южной окраины Катманду к району Чобар. А дальше просто ориентировались по двум указателям. Через час после расставания с профессором Каалрами, в пять часов дня, они въехали в парк Манжушри, выходящий по северному утесу на ущелье.

Вышли и размялись. Сэм проверил свой айфон, как проверял его весь минувший час. Покачал головой.

— Пока ничего.

Реми, подбоченясь, оглядывалась по сторонам.

— А что ты ищешь? — спросила она.

— Хорошо было бы увидеть гигантскую неоновую надпись «Булли был здесь», но я не очень на это рассчитываю.

Правда заключалась в том, что они не знали, есть ли здесь то, что нужно искать. Они явились сюда, опираясь на единственный факт, который мог быть простым совпадением: здесь провели свои последние часы перед

исчезновением и Фрэнк Алтон, и Льюис Кинг. Однако, зная Алтона, они понимали, что он приходил сюда не без причины.

Если не считать двоих мужчин, занятых ранним ужином на соседней скамье, парк — просто-напросто поросший бамбуком невысокий холм с извилистой тропой — был пуст. Сэм и Реми спустились по гравию подъездной дороги и по тропе вышли к началу ущелья Чобар. Хотя главный мост из бетона и был достаточно широк, чтобы проехала машина, попасть в нижнюю часть ущелья и на противоположный край можно было только по бамбуковым мостам, подвешенным на разных уровнях; к мостам вели пешеходные тропы. На склонах ущелья располагались небольшие храмы, частично скрытые густыми зарослями. В пятидесяти футах внизу, пенясь, билась о камни Багмати.

Реми прошла к информационному плакату, прикрепленному перед мостом. Прочла английскую версию:

— Човар Гуччи — узкая долина, образованная рекой Багмати, единственный выход из долины Катманду. Считается, что когда-то вся долина Катманду представляла собой гигантское озеро. Когда Манджушри впервые пришел в долину, он увидел на поверхности воды лотос. И разрезал горный склон, чтобы спустить воду и создать место для города Катманду…

Сэм спросил:

— Кто такой Манджушри?

— Я не уверена, но могу предположить, что это бодхисатва — достигший духовного совершенства.

Сэм кивнул, читая электронную почву.

— Есть! Прислал сын профессора Каалрами.

Они с Реми отошли к ближайшему дереву, чтобы укрыться от солнца. Сэм вызвал снимки — их оказалось пять — и просмотрел. Они были хорошо оцифрованы, но в них чувствовался дух старого полароида: изображение слегка размыто, цвета чуть неестественные. На первых четырех были молодые Льюис Кинг и Адала Каалрами, они сидели или полулежали на одеяле, вокруг разложены тарелки, стаканы и другие принадлежности пикника.

— Не вместе, — заметила Реми.

— Таймера не было, — ответил Сэм.

На пятом снимке Льюис Кинг стоял, глядя в камеру, повернувшись к ней в три четверти. На спине у него был старомодный рюкзак.

Они вторично просмотрели снимки. Сэм тяжело вздохнул и произнес:

— Зря надеялись.

— Не торопись с выводами, — сказала Реми, приближая лицо к экрану айфона. — Видишь, что он держит в правой руке?

— Топорик альпиниста.

— Нет, присмотрись внимательней.

Сэм послушался.

— Топор спелеолога.

— И посмотри, что у него закреплено на спине, слева от спального мешка. Можно разглядеть только изгиб.

Сэм не отрывал взгляда от экрана. На лице его появилась улыбка.

— Не знаю, как я это пропустил. Будь я проклят. Это каска.

Реми кивнула.

— С налобным фонариком. Льюис Кинг отправлялся в пещеру.

Не зная, что именно ищут, но рассчитывая, что не ошиблись, уже через десять минут они нашли. На другом берегу сразу за мостом стоял открытый киоск под навесом и в деревянных ячейках лежали информационные брошюры. Сэм и Реми нашли туристическую карту ущелья и принялись изучать многочисленные объекты и надписи.

В миле выше по реке, на северном берегу, была точка с надписью «Пещеры Чобар. Закрыты для посещения. Вход только по специальным разрешениям».

— Маловероятно, — заявила Реми. — Насколько нам известно, Льюис направлялся в горы, а Фрэнк просто пропал.

— Маловероятно — именно то, с чем мы работаем, — напомнил жене Сэм. — К тому же альтернатива — еще один день с Расселом и Марджори.

Это подействовало. Реми сказала:

— Какова вероятность, что в Катманду есть магазин REI[3]?

* * *

Как и ожидалось, вероятность оказалась нулевой, но несколькими кварталами западнее площади Дурбар они нашли магазинчик, где

продавали излишки снаряжения непальской армии. Купленное ими снаряжение было не новым, но вполне надежным. И хотя они не были уверены, что исследование пещер Чобар что-то даст, приятно было просто действовать. Одним из их девизов уже давно стало «когда сомневаешься, делай что-нибудь». Что угодно.

Около семи они въехали на парковку отеля «Хаятт». Вылезая из машины, Сэм увидел под навесом у разворота Рассела и Марджори.

Сэм сказал:

— Враг в направлении на три часа.

— Угу.

— Не открывай заднюю дверь. Им захочется пойти с нами.

Рассел и Марджори подошли к ним.

— Эй, — обратился Рассел, — мы беспокоились. Мы пришли узнать, как ваши дела, а портье сказал, что вы арендовали машину и уехали.

Марджори спросила:

— Все в порядке?

— Нас дважды ограбили, — невозмутимо заявила Реми.

— А меня, кажется, обманом заставили жениться на козе, — добавил Сэм.

Через несколько секунд дети Кинга заулыбались.

— А, вы шутите, — сказал Рассел. — Мы поняли. И все-таки… Серьезно, вы не должны разгуливать…

Сэм перебил:

— Рассел, Марджори, я хочу, чтобы вы меня выслушали. Слушаете?

В ответ он получил два кивка.

— Мы с Реми побывали в большем количестве стран, чем вы вместе сумеете вспомнить. Мы ценим вашу помощь и ваш… энтузиазм, но с этой минуты, если вы нам понадобитесь, мы позвоним. В остальных случаях оставьте нас в покое и дайте делать то, ради чего мы приехали.

Рассел и Марджори Кинг смотрели на него, приоткрыв рот. Они покосились на Реми, но она только пожала плечами.

— Он говорит серьезно.

— Вы поняли? — спросил Сэм.

— Да, сэр, но отец просил нас…

— Эту проблему решать вам. Если ваш отец хочет поговорить с нами, он знает, как нас найти. Еще вопросы?

— Мне это не нравится, — сказал Рассел.

Марджори добавила:

— Мы только стараемся помочь.

— И мы вас за это поблагодарили. Но теперь вы испытываете нашу вежливость. Почему бы вам не уйти? Мы позвоним, если столкнемся с трудностями, с которыми не сможем справиться.

Поколебавшись несколько мгновений, дети Кинга направились к своему «мерседесу». Они медленно проехали мимо Сэма и Реми, пристально глядя на них через опущенное окно со стороны Рассела, потом прибавили газу.

— Если бы взгляды могли убивать, — сказала Реми.

Сэм кивнул.

— Думаю, сейчас мы видели истинное лицо близнецов.

7

Ущелье Чобар, Непал

На следующее утро они выехали почти в четыре, надеясь попасть в ущелье до восхода. Они не знали, строго ли соблюдается запрет на проникновение в пещеры и патрулирует ли этот район полиция, но решили не рисковать.

В пять они въехали в парк Манджушри и нашли под деревьями место, не видное с главной дороги. Выключив фары, они две минуты сидели молча, слушая, как остывает двигатель «ниссана», и только потом выбрались, открыли заднюю дверцу и достали снаряжение.

— Думаешь, они могут следить за нами? — спросила Реми, надевая на плечи рюкзак.

— Я вообще не знаю, что думать. Чутье говорит мне, что они отъявленные мерзавцы, и я знаю, что Кинг несомненно не просил их помогать нам. Он приказал им не спускать с нас глаз.

— Согласна. Надеюсь, твой душевный разговор с ними поможет.

— Не поручился бы, — ответил Сэм, закрывая заднюю дверцу.

При свете восходящего солнца они прошли к началу моста. Как и уведомляла карта, в двадцати ярдах к востоку от моста, за рощицей бамбука, они нашли тропу. И пошли вверх по реке, Сэм впереди.

Первую четверть мили идти было легко, тропу шириной три фута покрывал утоптанный гравий, но вскоре спуск стал круче, и условия изменились. Тропа сузилась и начала петлять. Листва сомкнулась, образовав сплошной полог над головой. Справа и внизу слышался негромкий плеск реки.

Они добрались до развилки. Налево тропа направлялась прямо на восток, в сторону от реки; направо — вниз к реке. Задержавшись всего на несколько минут, чтобы свериться с картой и компасом в айфоне Сэма, они пошли направо. Еще через пять минут они подошли к крутому спуску с вырубленными в нем грубыми ступенями. На дне они поняли, что передними не тропа, а висячий мост, его левая сторона была прикреплена к утесу большими шурупами с квадратными головками. Лианы оплетали мост, так плотно обвивая его опоры, что он казался природным, а не сделанным руками человека.

— У меня отчетливое впечатление, будто мы заглядываем в кроличью нору, — заметила Реми.

— Да ладно, — сказал Сэм. — Смотри какой занятный.

— С тобой я привыкла считать это слово синонимом «опасного».

— Убила!

— Тебе видно, далеко ли он уходит?

— Нет. Держись ближе к утесу. Даже если мост оборвется, лианы его, вероятно, удержат.

— Еще одно великолепное слово — «вероятно».

Сэм сделал шаг вперед, медленно перенося тяжесть тела на первую планку. Если не считать легкого скрипа, доска держала прочно. Он сделал второй осторожный шаг и еще один, пока не прошел десять футов.

— Пока все хорошо, — бросил он через плечо.

— Иду.

Мост оказался больше ста футов длиной. По другую сторону тропа продолжилась, вначале она по-прежнему спускалась по склону, потом стала подниматься. Деревья впереди поредели.

— Второй раунд, — сказал Сэм Реми.

— Что? — переспросила она, потом остановилась за ним. — О нет!

Еще один подвесной мост.

— Я чувствую тенденцию, — заявила Реми.

Она была права. За вторым висячим мостом они обнаружили новый участок тропы, а за ним третий мост. Следующие сорок минут последовательность сохранялась: тропа, мост, тропа, мост. Наконец за пятым участком тропы Сэм предложил остановиться и проверил карту и компас.

— Мы близко, — сказал он. — Вход в пещеру где-то под нами.

Они разошлись, осматривая тропу выше и ниже. Вход нашла Реми. Со стороны реки на тропе к стволу дерева была прикреплена ржавая висячая лестница. Сэм плюхнулся на живот, Реми схватила его за ремень, а он пополз в подлесок. Потом, извиваясь, прополз обратно.

— Там уступ на скале, — сообщил он. — Лестница висит в шести футах над ним. Придется прыгать.

— Конечно, — с напряженной улыбкой ответила Реми.

— Я пойду первым.

Стоя на коленях, Реми наклонилась и поцеловала Сэма.

— Ты ничего не должен Булли Кингу.

Сэм улыбнулся.

— Никто из нас не должен.

Он сбросил рюкзак и протянул его Реми, потом на корточках пробрался через заросли. Обхватив руками древесный ствол, медленно опустился с уступа, болтая ногами, ступнями нашаривая верхнюю перекладину лестницы.

— Я на лестнице, — сказал он Реми. — Начинаю спускаться.

Он исчез из вида. Через полминуты позже позвал:

— Я внизу. Бросай рюкзаки через край.

Реми проползла вперед и бросила первый рюкзак.

— Поймал.

Она бросила второй.

— Поймал. Спускайся. Иди на мой голос.

— Иду.

Когда она спустилась до предпоследней перекладины и повисла в воздухе, Сэм обхватил ее руками за бедра.

— Я тебя держу.

Она разжала руки, и Сэм поставил ее на уступ. Реми поправила покосившийся фонарик на лбу и осмотрелась. Уступ, на котором они стояли, был шесть футов шириной и торчал в нескольких футах над рекой. В стене утеса виднелся овальный вход в пещеру, закрытый решеткой. В левом нижнем углу решетка отошла от скалы. К стене была прикреплена надпись красными буквами на непали и английском:

ОПАСНО

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

НЕ ВХОДИТЬ

Под словами кто-то грубо намалевал череп и кости.

Реми улыбнулась.

— Смотри, Сэм, универсальное обозначение «занятного».

— Забавница, — ответил он. — Готова побродить по пещере?

— Разве я на такой вопрос когда-нибудь отвечала «нет»?

— Никогда, видит бог.

— Веди.

* * *

Их предположение, что вход закрыли, желая помешать любопытным заблудиться или пораниться, подтвердилось через несколько секунд после того, как они пролезли сквозь дыру в решетке. Выпрямляясь, Сэм попал рукой в щель в полу чуть шире предплечья. Если бы он двигался даже в среднем темпе, перелом ему был бы обеспечен; если бы он шел, это была бы лодыжка.

— Плохое предзнаменование или честное предупреждение? — спросил он Реми, когда та помогла ему встать.

— Я за второе.

— 640-я причина, почему я тебя люблю, — ответил он. — За неизменный оптимизм.

Они осветили фонариками туннель. Он был достаточно широк, чтобы Сэм мог развести руки, но лишь чуть выше роста Реми, так что Сэму приходилось нагибать голову. Пол неровный, как стократно увеличенная штукатурка.

Сэм повернул голову, принюхался.

— Сыростью не пахнет.

Реми провела пальцами по потолку и стенам.

— И на ощупь сухо.

Если повезет, с влагой можно не считаться. Почти. Продвижение по сухой пещере достаточно опасно, но вода делает его гораздо более опасным, потому что пол, потолок и стены могут обрушиться при малейшем прикосновении. Тем не менее они знали, что у них под ногами невидимые притоки реки Багмати, поэтому строение пещеры может измениться почти или без всякого предупреждения.

Они пошли вперед, Сэм первым. Туннель резко повернул влево, потом вправо, и неожиданно они оказались перед первым препятствием, тоже рукотворным: от стены до стены в пол и потолок вбиты вертикальные металлические прутья.

— Здесь не шутят, — сказал Сэм, освещая фонариком заржавевшую сталь. Он задумался о том, сколько искателей приключений, пробравшись через вход в пещеру, останавливались здесь.

Реми склонилась у прутьев. Один за другим принялась трясти их. При четвертой попытке металл заскрипел. Реми через плечо улыбнулась Сэму.

— Достоинство окисления. Помоги.

Вместе они начали расшатывать прут, и наконец он высвободился из углубления. С потолка посыпались осколки камня и пыль. После двух минут работы прут выпал и ударился о пол со звоном, разнесшимся по туннелю. Сэм схватил прут и вытащил его через зазор. Осмотрел концы.

— Перепилен, — прошептал он и показал Реми.

— Ацетиленовая горелка?

— Нет следов огня. Я бы сказал, ножовка.

Он посветил фонариком в пустой паз и в нескольких дюймах внизу увидел обрубок металлического стержня.

Сэм взглянул на Реми.

— Положение осложняется. Кто-то побывал здесь до нас.

— И не хотел, чтобы об этом узнали, — добавила она.

После минутной паузы, пока Сэм определялся по компасу и набрасывал в блокноте грубую карту, они протиснулись в отверстие между прутьями, вернули прут на прежнее место и пошли дальше. Туннель сузился и начал поворачивать, и вскоре потолок опустился до четырех футов, так что Сэм и Реми задевали локтями стены. Пол пошел под уклон. Они выключили фонарики и включили фонари на шлемах. Пол накренялся все круче, и вскоре им пришлось продвигаться вниз по тридцатиградусному склону, используя выступы стен как опору для рук и ног.

— Стоп, — неожиданно произнес Сэм. — Слушай.

Где-то поблизости журчала вода.

Сэм сказал:

— Река.

Они спустились еще на двадцать футов, туннель выпрямился и превратился в короткий коридор. Сэм осторожно продвинулся вперед, туда, где пол туннеля снова начал подниматься.

— Он почти вертикальный, — крикнул он назад. — Но если будем осторожны, думаю, можно залезть...

— Сэм, погляди!

Он вернулся туда, где стояла Реми; запрокинув голову, она смотрела на стену. Из скалы в свете фонаря выступал объект размером с полдоллара.

— Кажется, металлический, — сказал Сэм. — Ну-ка залезай.

Сэм наклонился, и Реми вскарабкалась ему на плечи. Он выпрямился медленно, чтобы Реми успела сохранить равновесие, придержавшись за стену. Через несколько секунд она заявила:

— Это железнодорожный костыль.

— Повтори?

— Он по самую шляпку забит в скалу. Подожди... Думаю, я смогу... Вот! Забит прочно, но я смогла вытащить на несколько дюймов. Еще один, Сэм, на два фута выше. Я встану. Готов?

— Давай.

Она выпрямилась во весь рост.

— Их целая цепочка, — сообщила она. — Поднимаются на двадцать футов к чему-то вроде карниза.

Сэм немного подумал.

— Можешь вытащить второй?

— Погоди… Готово.

— Хорошо, спускайся, — сказал Сэм. И когда она оказалась на полу, добавил: — Молодчина.

— Спасибо, — ответила она. — Думаю, они могут быть так высоко по одной единственной причине.

— Чтобы из не замечали.

Она кивнула.

— Они выглядят довольно старыми.

— Года этак 1973? — вслух спросил Сэм, думая о времени исчезновения Льюиса Кинга.

— Возможно.

— Если не ошибаюсь, это Булли или какой-то другой призрачный спелеолог построил для себя лестницу. Но куда?

Сэм замолчал, и они направила лучи своих фонариков вверх.

— Есть только один способ узнать, — ответила Реми.

8

Ущелье Чобар, Непал

Сэму было бы трудно подниматься по вертикальной череде вбитых в стену костылей — если бы, честно говоря, он сумел добраться до первой «ступеньки». Для этого он размотал веревку, завязал на одном конце петлю и потратил две минуты, пытаясь набросить ее, как лассо, на второй костыль. Сделав это, он из парашютного шнура сделал на веревке схватывающий узел, похожий на стремя, чтобы подниматься или скользить вдоль стены.

Поставив одну ногу на нижнюю ступеньку и обхватив левой рукой вторую, он отвязал петлю и прицепил к своей «сбруе». Потом вытащил третий костыль и полез вверх. Через пять минут он был наверху.

— Не то чтобы я горел желанием попробовать, — крикнул он вниз, — но тут достаточно опор, чтобы подняться без этих железок.

— Требовалось некоторое мастерство, чтобы забить их.

— И сила.

— Что ты видишь? — крикнула Реми.

Сэм поворачивал шею, пока нашлемный фонарик осветил карниз.

— Тут лаз. Чуть шире моих плеч. Погоди, брошу тебе веревку.

Он вытянул предпоследний костыль и заменил его снабженным пружиной кулачковым устройством. Устройство само закрепилось в отверстии. Сэм прикрепил к нему сначала карабин, потом веревку. И бросил ее Реми.

— Поймала, — сказала она.

— Подожди. Разведаю, что впереди. Нет смысла подниматься обоим, если тут тупик.

— Две минуты, и я иду за тобой.

— Или если услышишь крик и удар, в любом порядке.

— Крики и удары запрещены, — предупредила Реми.

— Сейчас вернусь.

Сэм изменил положение так, чтобы обе его ступни встали на предпоследний костыль, ухватился руками за край карниза, вдохнул, согнул ноги и оттолкнулся, одновременно подтянувшись на руках и ложась грудью на карниз. Он осторожно пополз вперед, и наконец его ноги перестали болтаться в воздухе.

Луч фонаря проникал вперед всего на десять-двенадцать футов. Дальше чернота. Сэм лизнул указательный палец и поднял его. Воздух был совершенно неподвижен — плохой знак. Проникнуть в пещеру обычно легко, выйти гораздо труднее, поэтому любой спелеолог, который не зря ест свой хлеб, всегда ищет второй выход. Особенно это справедливо для систем, не нанесенных на карту, как эта.

Сэм поднес часы к лицу и посмотрел на циферблат. Реми дала ему две минуты; зная жену, он понимал, что через две минуты и одну секунду она начнет подъем.

Он пополз вперед. Снаряжение лязгало и скребло по полу, звук в тесном пространстве казался необычайно громким. «Тонны», возникло в его сознании непрошеное слово. Над ним в эти мгновения нависали бесчисленные тонны камня. Он заставил себя не думать об этом и продолжал ползти, теперь медленнее; какая-то примитивная часть мозга продолжала твердить: осторожнее, иначе мир обрушится на тебя.

Сэм прополз двадцать футов и остановился, чтобы посмотреть на часы. Прошла минута. Он пополз дальше. Туннель повернул налево, потом начал подниматься, сначала полого, потом все круче, пока не пришлось продвигаться как по дымоходу. Тридцать футов. Снова проверка времени. Осталось тридцать секунд. Он переполз через бугор в полу и оказался в более просторной части пещеры. Луч фонаря осветил впереди отверстие почти вдвое шире того места, где он был теперь.

Сэм изогнул шею и крикнул через плечо:

— Реми, ты там?

— Здесь! — послышался слабый ответ.

— Думаю, я кое-что нашел.

— Иду.

Луч фонаря осветил потолок и стены, и Сэм услышал, как подползает Реми. Она схватила его за икру и ласково сжала.

— Как ты?

Сэм не страдал клаустрофобией в медицинском смысле, но в тесном пространстве ему приходилось особенно сосредоточиваться и строго контролировать сознание. Вот как сейчас. Реми говорила, что это плата за слишком живое воображение. Возможности становятся вероятностями, и надежная в целом пещера вдруг превращается в смертельную ловушку, готовую от легчайшего сотрясения обрушиться в чрево Земли.

— Сэм, ты здесь? — спросила Реми.

— Да. Мысленно репетирую «В полуночный час» Уилсона Пикетта[4].

Сэм неплохо играл на пианино, а Реми на скрипке. Изредка, когда позволяло время, они играли дуэтом. Произведения Пикетта не слишком годятся для классических инструментов, но они, страстные любители старого американского соула, не пасовали перед такими трудностями.

— Что ты нашел? — спросила Реми.

— Что нужно будет много репетировать. И что когда я пою блюзы, нужно больше…

— Я имею в виду — впереди?

— А. Отверстие.

— Веди. Здесь, на мой вкус, слишком тесно.

Реми не увидела улыбки Сэма. Жена проявила доброту. Мужское эго Сэма не так уж хрупко… но Реми знала, что задача женщины — чуточку помогать мужчине сохранять лицо.

— Вперед! — Сэм пополз.

Дорога до отверстия заняла всего тридцать секунд. Сэм просунул в него голову. Осмотрелся, потом сказал через плечо:

— Круглая яма примерно десять футов шириной. Дна не вижу, но слышу журчание воды — вероятно, подземное ответвление Багмати. Прямо напротив нас другое отверстие, но примерно на двенадцать футов выше.

— О радость. А как стены?

— Диагональные сталагмиты, самый большой с бейсбольную биту, остальные вдвое меньше.

— Нет удобно расположенных костылей или лестницы?

Сэм еще раз осмотрелся, осветив фонарем стены.

— Нет, — откликнулся он, — но прямо над моей головой висит копье.

— Прошу прощения. Ты сказал…

— Да. Прикреплено к стене чем-то вроде кожаного ремня. Под копьем висит кусок веревки с привязанным обломком дерева.

— Растяжка, — заметила Реми.

— Я тоже так считаю.

Они уже видели такие ловушки, предназначенные для неосторожных пришельцев, в могилах, крепостях и в примитивных бункерах. Как ни стара эта западня, она явно сооружена с расчетом, что копье вопьется в шею ни о чем не подозревающего незваного гостя. Сэм и Реми знали: вопрос в том, что должна защищать эта ловушка?

— Опиши копье, — сказала Реми.

— Я сделаю лучше.

Сэм перевернулся на спину, уперся ступнями в свод и протискивался вперед, пока верхняя часть его туловища не прошла через отверстие.

— Осторожно… — предупредила Реми.

— Осторожность — мое второе имя, — отозвался Сэм. — Что ж, тут кое-что интересное. Одно копье, но еще два места прикрепления. Два других копья либо упали, либо нашли себе жертв.

Он протянул руку, ухватился за древко копья над самым наконечником и потянул. Полусгнивший с виду, кожаный ремень оказался прочным. Он уступил, только когда Сэм несколько раз подергал копье туда-сюда. Сэм развернул копье, крутя его, как жезл, потом провел им вдоль тела, отправляя в сторону Реми.

— Держу, — сказала она и через мгновение добавила: — Мне оно незнакомо. Я, конечно, не специалист по оружию, но такого рисунка никогда не видела. И оно древнее — ему не меньше шестисот лет. Сделаю несколько снимков на случай, если не удастся за ним вернуться.

Реми достала из рюкзака фотоаппарат и сделала несколько снимков, Сэм тем временем внимательнее осмотрел яму.

— Других ловушек не вижу. Пытаюсь представить себе, как это выглядело при свете факелов.

— Ужасно, вот как, — ответила Реми. — Только подумай. По крайней мере один из твоих друзей только что получил копье в шею и рухнул в бездонную яму, а у тебя только тусклый факел, чтобы его разглядеть.

— Достаточно, чтобы самый храбрый исследователь повернул назад, — согласился Сэм.

— Но не мы, — сказала Реми с улыбкой, которую Сэм слышал в ее голосе. — Каков план?

— Все зависит от сталагмитов. Принесла веревку, которую мы оставили?

— Вот она.

Сэм протянул руку назад, ощупью нашел руку Реми, схватил карабин и подтянул к себе веревку. Вначале он сделал петлю на свободном конце, потом узел-стоппер; к нему в качестве груза прикрепил карабин. Поменял позу так, что руки повисли над отверстием, и бросил веревку через яму, целясь в большой сталагмит в нескольких футах под отверстием на противоположной стороне туннеля. Промахнулся, подтащил веревку, снова попробовал и на этот раз захватил петлей выступ. Потряхивая веревку, заставил петлю съехать к основанию сталагмита и затянул.

— Поможешь проверить прочность? — спросил Сэм у Реми. — На счет три тяни что есть мочи. Раз… два… три!

Вдвоем они потянули за веревку, пытаясь оторвать сталагмит от стены. Сталагмит не поддался.

— Думаю, все в порядке, — сказал Сэм. — Можешь найти трещину в стене и…

— Ищу… Нашла.

Реми засунула в щель пружинный клин и стравила веревку через него, а потом через карабин.

— Выбери слабину.

Сэм натянул веревку, а Реми подвинула карабин к клину, и веревка натянулась. Сэм, проверяя, дернул.

— Вроде ничего.

Реми сказала:

— Наверно, по умолчанию подразумевается…

— Что? Что я буду осторожен?

— Да.

— Точно. Но слышать все равно приятно.

— Удачи.

Сэм обхватил веревку обеими руками и медленно, словно приплясывая, двинулся вперед, постепенно перенося свой вес на натянутую веревку.

— Как там клин? — спросил он.

— Надежен.

Сэм глубоко вдохнул и медленно вытащил ноги из лаза. Он повис в воздухе, не смея пошевелиться, оценивая натяжение веревки и слушая, не раздастся ли треск раскалываемого камня. Прошло десять секунд. Тогда Сэм обхватил веревку ногами и начал осторожно продвигаться по ней через яму.

— Держу, — сказала Реми, когда Сэм добрался до середины.

Сэм достиг противоположной стены, перенес на сталагмит сначала одну руку, потом другую, потом махом поднял ноги и уперся правой пяткой в другой выступ. Все время проверяя, выдерживает ли сталагмит его тяжесть, он изворачивался то так, то этак, пока наконец не уселся на верхушке сталагмита, как на насесте. На мгновение задержался, чтобы перевести дух, и медленно поднялся, в итоге оказавшись на уровне отверстия. Быстро подтянулся на руках, оттолкнулся от сталагмита и оказался внутри лаза.

— Скоро вернусь, — крикнул он Реми и полез дальше. Тридцать секунд спустя вернулся. — Выглядит неплохо. Дальше туннель расширяется.

— Иду, — ответила Реми.

За две минуты она перебралась через яму, и Сэм втащил ее в отверстие. Несколько мгновений они лежали рядом, наслаждаясь ощущением прочной скалы под ними.

— Это очень напоминает мне наше третье свидание, — сказала Реми.

— Четвертое, — поправил Сэм. — На третьем мы скакали верхом. А на четвертом карабкались на скалу.

Реми улыбнулась и поцеловала его в щеку.

— А говорят, парни таких вещей не помнят.

— Кто говорит?

— Те, кто с тобой не знаком. — Реми посветила вокруг нашлемным фонариком. — Есть признаки ловушек?

— Пока не вижу. Будем внимательны, но, если ты верно оценил возраст копья, сомневаюсь, что какой-нибудь механизм еще будет действовать.

— Знаменитые последние слова.

— Разрешаю написать их на моем могильном камне. Пошли.

Сэм пополз вперед, Реми за ним. Как и обещал Сэм, через несколько секунд они оказались в почковидной нише примерно двадцать футов шириной и пять футов высотой. На противоположной стене было три вертикальные расселины, не шире восемнадцати дюймов каждая.

Она встали и, пригибаясь, прошли к первой расселине. Сэм посветил внутрь.

— Тупик, — сообщил он.

Реми проверила вторую: тоже тупик. Третья, хотя и оказалась глубже предыдущих, тоже закончилась через полдесятка шагов.

— Что ж, облом, — сказал Сэм.

— А может, и нет, — возразила Реми и пошла вправо вдоль стены, освещая то, что казалось горизонтальной полосой более темного камня там, где стена встречалась с потолком. Когда они подошли близко, полоса расширилась и ушла в потолок, и они поняли, что видят отверстие, похожее на выход в туннель.

Стоя плечом к плечу, Сэм и Реми смотрели в отверстие: на протяжении двадцати футов туннель круто поднимался под углом в сорок пять градусов, затем поворачивал и исчезал за каменным выступом.

— Сэм, ты видишь…

— Думаю, да.

Над выступом торчало нечто похожее на подошву сапога.

9

Ущелье Чобар, Непал

Отсутствие бороздок в подошве говорило Сэму и Реми, что перед ними не современная обувь; кость большого пальца, торчавшая сквозь прогнивший участок сапога, свидетельствовала о том, что хозяин этого сапога давно покинул земной удел.

— Разве не странно, что такие вещи меня больше не шокируют? — спросила Реми, глядя на ногу.

— Мы с тобой повидали изрядно скелетов, — согласился Сэм. Такие сюрпризы были неотъемлемой частью их профессии. — Видишь какие-нибудь растяжки?

— Нет.

— Посмотрим поближе.

Сэм уперся ногами в одну стену, спиной в другую и позволил Реми подтянуться на его руке. Потом пополз по склону и поднялся через выступ в полу. Осветив фонарем пространство внутри, он крикнул:

— Все чисто. Реми, тебе нужно на это взглянуть.

Она мигом очутилась рядом с ним. Встав на колени, они осматривали скелет.

Защищенные от непогоды и хищников, в относительной сухости пещеры останки частично мумифицировались. Одежда, как будто исключительно из лощенной, собранной складками кожи, осталась почти нетронутой.

— Не вижу явных признаков травмы, — сказала Реми.

— Сколько лет?

— Предположительно… не менее четырехсот.

— Возраст примерно тот же, что у копья.

— Верно.

— Похоже на мундир, — заметил Сэм, взяв рукав.

— Тогда это имеет больше смысла, — ответила Реми, показывая. Из того, что когда-то было поясными ножнами, торчала рукоять кинжала. Реми посветила вокруг и прошептала:

— Дом, милый дом.

— Дом — может быть, — ответил Сэм. — Но милый?.. Полагаю, все относительно.

В нескольких шагах от ровного пятачка, на котором лежал скелет, туннель расширился, превратившись в нишу площадью примерно сто квадратных футов. В нескольких вручную вырубленных в стене углублениях торчали остатки грубых свечек. У подножия одной стены, в естественном углублении, виднелось кострище, рядом — груда костей мелких животных. В глубине ниши Сэм и Реми заметили остатки чего-то вроде спального мешка, а рядом меч в ножнах, с полдюжины копий с грубыми наконечниками, блочный лук и колчан с восемью стрелами. Пол усеивали разнообразные предметы: ведро, моток сгнившей веревки, кожаный мешок, круглый щит из шерсти и кожи, деревянный ларец...

Реми встала и обошла пространство.

— Он определенно ждал врагов, — заметил Сэм. — Все признаки последней стоянки. Но почему?

— Может, из-за этого, — сказала Реми и наклонилась к деревянному ларцу. Сэм подошел. Размером с небольшой пуфик, ларец представлял собой правильный куб из темной лакированной древесины, с кожаными петлями для переноски с трех сторон и с двойными лямками для накидывания на плечи — с четвертой. Сэм и Реми не смогли найти ни петель, на которых крепилась бы крышка, ни замка. Стенки соединялись без щелей. На крышке ларца были вырезаны четыре сложные азиатские буквы, расположенные по две друг над другом.

— Узнаешь язык? — спросил Сэм.

— Нет.

— Удивительно, — восхитился Сэм. — Даже с современными инструментами нужно невероятное мастерство, чтобы сделать такое.

Он постучал костяшками по стенке и получил в ответ глухой звук.

— Пустым не кажется. — Он осторожно повернул ларец на бок. Изнутри послышалось слабое дребезжание. — Но он полый. И очень легкий. Не вижу больше никаких знаков. А ты?

Реми нагнулась, осматривая стенки ларца. Покачала головой.

— Дно?

Сэм наклонил ящик. Реми посмотрела и сообщила:

— И здесь ничего.

— Кто-то пошел на большие затраты, чтобы его сделать, — сказал Сэм, — и похоже, наш здешний друг готов был отдать за него жизнь.

— Возможно, гораздо больше, — добавила Реми. — Если только это всем совпадениям совпадение, мы нашли то, что искал Льюис Кинг.

— Тогда, почему он не нашел этого? Он был совсем близко.

— Если он не сумел перебраться через яму, — ответила Реми, — мог он после этого выжить?

— Только один человек знает ответ.

Они принялись документировать содержимое пещеры. Не зная, сумеют ли вернуться, и не в состоянии унести все, они должны были удовлетвориться цифровыми фотографиями, рисунками и записями. К счастью, воспитание и обучение вполне подготовили Реми именно к такой работе. Через два часа тяжких трудов она заявила, что закончила.

— Подожди, — сказала она и опустилась на колени возле щита.

Сэм подошел к ней.

— Что это?

— Царапины… Они стали видны на свету. Мне кажется…

Она наклонилась, набрала воздуха и подула на кожаную поверхность щита. Разлетелась пыль, в которую превратилась сгнившая кожа.

— Ни царапины, — заметил Сэм и тоже стал дуть. Он дул, пока не обнажилась вся поверхность щита.

Как и заподозрила Реми, в коже был выжжен рисунок.

— Это дракон? — спросила она.

— Или динозавр. Вероятно, гребень или его часть.

Реми несколько раз сфотографировала изображение, и они встали.

— Пока все, — сказала Реми. — Что с ларцом?

— Нужно забрать его. Чутье подсказывает мне, что именно из-за него наш друг здесь забаррикадировался. Внутри что-то, ради чего он готов был умереть.

— Согласна.

Сэму потребовалось всего несколько минут, чтобы соорудить несколько петель и прикрепить ларец к своему рюкзаку. Они в последний раз осмотрели пещеру, кивнули на прощание скелету и ушли.

Сэм — он полз первым — добрался до края ямы и поглядел на другую сторону.

— У нас проблема.

— Можно точнее? — попросила Реми.

— Веревка на той стороне отвязалась. Она свисает в яму.

— Можешь натянуть...

— Не уверен. Мы над другим отверстием. Если я попытаюсь затянуть петлю под таким углом, она просто соскользнет. Невозможно будет выбрать слабину.

— Остается только одно.

Сэм кивнул.

— Вниз.

Всего за минуту Сэм закрепился на веревке. Реми тем временем устроила вторую страховочную точку, вбив крюк в трещину ниже отверстия. Когда с этим было покончено, Сэм начал медленно спускаться на веревке, обходя или огибая сталагмиты, и Реми следила сверху, иногда просила Сэма остановиться и меняла положение веревки, чтобы она не слишком терлась о выступы.

Через две минут осторожной работы Сэм остановился.

— Я добрался до второго замка. Хорошая новость: замок свободен.

Если бы веревка разделилась, им пришлось бы сплетать оставшуюся у них часть с оборванным концом, чтобы устроить петлю. Теперь под Сэмом было шестьдесят футов веревки. Хватит ли этого, чтобы добраться до дна, они по-прежнему не знали. Если внизу их ждала холодная вода реки Багмати, у них будет в лучшем случае всего пятнадцать минут, чтобы найти выход, прежде чем начнется переохлаждение.

— Считаю это добрым предзнаменованием, — сказала Реми.

Фут за футом, делая один осторожный шаг за другим, Сэм продолжал спускаться; его нашлемный фонарь превратился в небольшой светлый прямоугольник.

— Я тебя больше не вижу, — крикнула Реми.

— Не волнуйся. Если упаду, издам подходящий к случаю ужасный вопль, не сомневайся.

— Никогда в жизни не слышала, чтоб ты вопил, Фарго.

— Сплюнь, чтобы и сейчас не услышать.

— Как стены?

— Более чем… Ай!

— Что?

Никакого ответа.

— Сэм!

— Я в порядке. На секунду потерял опору. Стены покрываются коркой льда. Должно быть, туман из-за воды внизу.

— Плохо?

— Тонкий слой. Но доверять сталагмитам больше нельзя.

— Возвращайся. Поищем другой выход.

— Я иду дальше. У меня еще тридцать футов веревки, есть чем поиграть.

Прошло две минуты. Фонарь Сэма превратился в крошечную светлую точку, качавшуюся туда-сюда в черноте ямы: это Сэм лавировал между сталагмитами.

Вдруг послышался треск раскалывающегося льда. Фонарь Сэма начал вращаться, мигая как стробоскоп светом. Не успела Реми открыть рот, чтобы окликнуть Сэма, как тот сам крикнул:

— Я в порядке. Вишу вниз головой, но в порядке.

— Пожалуйста, подробнее!

— Меня развернуло вместе с «подвеской», и я поскользнулся. Но есть и хорошая новость: я вижу воду. Примерно на десять футов ниже моей головы.

— Я слышу неизбежное «но».

— Речка быстрая — не меньше трех узлов — и с виду глубокая. Вероятно, по пояс.

Хотя три узла медленнее быстрой ходьбы, глубина и температура воды увеличивали опасность. Достаточно самую малость оступиться, чтобы тебя унесло, но мало того — усилия, которые потребовались бы, чтобы подняться и не падать, ускорили бы переохлаждение.

— Поднимайся, — сказала Реми. — Никаких споров.

— Согласен. Дай мне секунду… Погоди.

Из темноты снова донесся треск раскалывающегося льда, потом всплеск.

— Фарго, не молчи.

— Погоди секунду.

Еще тридцать секунд треска, потом голос Сэма:

— Боковой туннель!

Через десять минут подробного осмотра Сэм крикнул:

— Достаточно большой. Почти можно стоять. Я пошел. Дай мне минуту, чтобы закрепить веревку.

Если Реми упадет в подземную реку, эта мера даст Сэму шанс ценой долгих и напряженных усилий вытащить ее — если внизу нет камней, готовых превратить Реми в отбивную.

Когда веревка была закреплена, а Сэм нашел упор и был готов выбирать слабину, и Реми начала спуск. Более легкая и куда более проворная, она преодолела то же расстояние за меньшее время, останавливаясь ровно на столько, чтобы позволить Сэму выбрать образующуюся слабину.

Наконец она спустилась, так что Сэм увидел ее, и остановилась точно у входа в боковой туннель. Светя фонарями друг другу в лицо, они с облегчением улыбнулись.

— Забавно встретить тебя здесь, — сказал Сэм.

— Черт побери!

— В чем дело?

— Я мысленно заключила сама с собой пари, что твоими первыми словами будет: «Что такая красавица делает в этой бездонной яме?»

Сэм рассмеялся.

— Отлично. Тебе в этой сбруе предстоит сыграть роль Супермена. Оттолкнешься от противоположной стены, а я тебя поймаю.

Реми перевела дух и отрегулировала подвеску, так что отвесно повисла в яме. Изогнувшись, она принялась раскачиваться, медленно набирая инерцию, и наконец сумела оттолкнуться кончиками пальцев от противоположной стены. Еще три таких толчка, и она смогла полностью согнуть ноги и оттолкнуться. Вытянув руки, она полетела над пропастью.

Противоположная стена неслась ей навстречу. Реми нагнула голову. Ее руки прошли в туннель. Сэм сжал их, и она резко остановилась.

— Поймал, — сказал Сэм. — Обхвати обеими руками мое левое запястье.

Она послушалась, и он правой рукой начал стравливать слабину, чтобы Реми могла подняться по его руке. Когда она по пояс оказалась в туннеле, Сэм начал отползать, пока в туннель не вошли и ее колени. Здесь он с облегченным вздохом упал на спину.

Реми рассмеялась. Сэм поднял голову и посмотрел на нее.

— Что?

— Ты водил меня в места и получше.

— Выберемся — и горячая ванна с пузырьками на двоих.

— С языка снял.

Хотя туннель был вдвое шире их плеч и такой высокий, что они могли идти, пригнув головы, его пол представлял собой настоящий швейцарский сыр: сквозь дыры виднелась текущая внизу черная вода. В эти отверстия проникали порывы холодного воздуха, насыщенные кристаллами льда, вокруг фонарей собирался и клубился туман. Как и яма позади, стены и потолок туннеля покрывала тонкая ледяная пленка. Тонкие, как карандаш, сосульки срывались с потолка и со звоном разбивались о пол. Тот, хотя лед на нем попадался лишь кое-где, был весь изрыт и заставлял напрягаться при ходьбе, усиливая усталость.

— Не хочу охлаждать наш пыл, — сказал Реми, — но считаем ли мы, что это нас куда-нибудь приведет?

— Считаем, а как же, — ответил через плечо Сэм.

— А если мы ошибаемся?

— Тогда мы повернем назад, поднимемся по противоположной стене ямы и вернемся тем же путем, каким пришли.

Туннель вился и петлял, поднимался и опускался, но согласно компасу Сэма шел в общем и целом на восток. Они по очереди считали шаги, но без GPS, руководствуясь лишь примитивной картой, которую начертил Сэм, не могли понять, какое расстояние прошли.

Пройдя, согласно подсчетам Сэма, около ста ярдов, они нашли у стены относительно сухое место и сели. Поделив между собой несколько глотков воды и часть оставшейся вяленой говядины и сухофруктов, они сидели в тишине, слушая, как шумит под ногами быстрая вода.

— Который час? — спросила Реми.

Сэм взглянул на часы.

— Девять.

Они сообщили Сельме, куда собираются, однако просили не поднимать тревогу до следующего утра (по местному времени). И даже после этого сколько времени понадобится властям, чтобы собрать отряд спасателей и начать поиски? Единственным достоинством их положения было то, что туннель не разветвлялся; если бы они решили повернуть назад, им легко было бы снова найти яму. Но в каком месте они приняли это решение? Где был выход — за следующим поворотом, или в милях отсюда, или вообще не существовал?

Ничего из этого Сэм и Реми не произнесли вслух. Они в этом не нуждались. Годы, проведенные вместе, и общие приключения настроили их на одну волну. Им достаточно было выражения лица, чтобы понять, о чем думает другой.

— Я все еще жду, что ты выполнишь свое обещание насчет горячей ванны с пузырьками, — сказала Реми.

— Забыл сказать: я добавил в меню расслабляющий массаж.

— Мой герой. Ну что, пойдем?

Сэм кивнул.

— Подождем еще час. Если выход с красной ковровой дорожкой не объявится, повернем обратно, отдохнем и переберемся через яму.

— Договорились.

Привыкнув к трудностям физическим и моральным, Сэм и Реми действовали в привычном ритме: двадцать минут ходьбы, две минуты отдыха, проверка данных по компасу и карте и снова вперед. Остаток путешествия прошел быстро. Шаг левой, шаг правой, повторить. Чтобы сберечь силы, Реми давно выключила свой нашлемный фонарь, а Сэм

настроил свой на минимум, и они шли почти в полной темноте. Холодный воздух, проходящий сквозь отверстия в полу, казалось, стал еще холоднее, идти было все труднее, звон падающих сосулек терзал оцепеневшее сознание.

Неожиданно Сэм остановился. Наполовину утратив быстроту реакции, Реми натолкнулась на него. Сэм прошептал:

— Чувствуешь?

— Что?

— Холодный воздух.

— Сэм, это...

— Нет, в лицо. Впереди. Достанешь зажигалку у меня из рюкзака?

Реми откопала зажигалку и протянула ему. Сэм сделал несколько шагов вперед в поисках прочного участка пола между отверстиями. Нашел подходящее место, остановился и зажег огонь. Реми притиснулась к нему и смотрела через его руку. Мерцающий желтый свет плясал на обледенелых стенах. Пламя дрогнуло, потом выпрямилось и застыло.

— Подождем, — прошептал Сэм, не отрывая от него взгляда.

Прошло пять секунд.

Пламя дрогнуло и наклонилось — к лицу Сэма.

— Вот!

— Ты уверен? — спросила Реми.

— И воздух вроде бы теплей.

— Выдаешь желаемое за действительное.

— Давай узнаем.

Они прошли десять шагов, остановились и снова зажгли огонь. Пламя опять отклонилось назад, на этот раз сильнее. Прошли еще двадцать шагов и повторили все с начала — с тем же результатом.

Реми сообщила:

— Я слышу свист. Ветер.

— Я тоже.

Через пятьдесят футов они вышли к развилке. Держа перед собой горящую зажигалку, Сэм прошел по левой ветви туннеля — неудачно,

потом по правой. Пламя дрогнуло, и неожиданный порыв едва не погасил его.

Сэм сбросил рюкзак.

— Жди здесь. Я скоро вернусь.

Он включил фонарь на максимум и исчез в туннеле. Реми слышала его шаги, с каждой секундой эти звуки становились слабее.

— Сэм? — позвала она.

Тишина.

— Сэм, отзовись…

Впереди в темноте появился его фонарь.

— Прости, — сказал он.

Реми опустила голову.

— Красной ковровой дорожки нет, — продолжал Сэм. — А дневной свет подойдет?

Реми подняла голову и увидела широкую улыбку Сэма. Она прищурилась и стукнула его кулаком в плечо.

— Не смешно, Фарго.

Как и обещал Сэм, красной ковровой дорожки не было, зато было кое-что получше — через двадцать футов начались ступеньки, поднимающиеся по шахте, а вверху, в пятидесяти футах, ослепительно блестел солнечный свет.

Две минуты спустя Сэм сошел с верхней ступеньки и понял, что смотрит в короткий боковой туннель. Пол и стены туннеля были не каменные, а земляные. В дальнем конце сквозь заросли травы пробивался солнечный свет. Сэм прополз вперед, пропихнул руки в отверстие и выполз. Несколько мгновений спустя появилась Реми, и они легли на траву, улыбаясь и глядя в небо.

— Скоро полдень, — заметил Сэм.

Они провели под землей все утро.

Неожиданно Сэм сел и повертел головой. Наклонился над Реми и прошептал:

— Помехи. Транзисторный приемник.

Он перевернулся, подполз к уступу в нескольких футах от них и заглянул за него. Почти сразу он пригнул голову и пополз обратно.

— Полиция.

— Спасатели? — спросила Реми. — Кто мог их вызвать?

— Просто догадка, но я бы сказал, наше прежнее разведсопровождение — близнецы Кинг.

— Как...

— Не знаю. Возможно, я ошибаюсь. Но давай будем осторожны.

Они сняли с себя все, что могло выдать, где они были и чем занимались: каски, фонари, рюкзаки, снаряжение для подъема, карту Сэма, цифровую камеру Реми, ларец, который они вынесли из склепа, — засунули все это в туннель и травой замаскировали вход в него.

Они пошли по ущелью на восток — Сэм впереди, — прячась за деревьями, пока не отошли от туннеля на четверть мили. Остановились и прислушались: не слышно ли радио- помех. Сэм постучал себя по уху и показал на север. В ста ярдах виднелись движущиеся между деревьями фигуры.

Сэм прошептал:

— Сделай самое несчастное лицо.

— Особенно стараться не придется, — ответила Реми.

Сэм сложил руки рупором и крикнул:

— Эй! Сюда!

10

Ущелье Чобар, Непал

Дверь камеры со скрипом открылась. Внутрь заглянул надзиратель, несколько мгновений он разглядывал Сэма, как будто тот готов вырваться на свободу, потом отступил в сторону. Одетая с мешковатый светло-синий комбинезон, в камеру вошла Реми. Лицо у нее было розовое, свежевымытое, золотисто-каштановые волосы забраны в конский хвост.

Надзиратель на ломаном английском сказал:

— Сидите. Ждите.

И захлопнул дверь.

Сэм, одетый в такой же комбинезон, встал из-за стола, подошел к Реми и обнял ее. Потом отстранился, оглядел ее сверху донизу и улыбнулся.

— Восхитительно, просто восхитительно.

Она улыбнулась.

— Идиот.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше. Удивительно, на что способны несколько минут с горячей водой и губкой. Не совсем то же, что теплый душ или горячая ванна, но близко.

Они вместе сели за стол. Полиция Катманду держала их все-таки не в камере, а скорее в комнате ожидания. Шлакобетонные стены и пол выкрашены светло-серой краской, а стол и стулья (все привинчено к полу) сделаны из тяжелого алюминия. Прямо перед ними, за столом, было забранное сеткой окно четыре фута шириной, через которое они видели помещение участка. С полдесятка полицейских в мундирах занимались своими делами, отвечали на звонки, писали отчеты и болтали. За два часа после их «спасения» с Сэмом и Реми никто не говорил, если не считать двух вежливых, но твердых команд на ломаном английском.

В полицейском фургоне Сэм и Реми разглядывали мелькающие мимо виды, стараясь уловить хоть малейший намек на то, где вышли из пещеры. Ответ они получили, как только пересекли мост через ущелье Чобар и повернули на северо-восток, к Катманду.

Их подземное путешествие к свободе привело их на поверхность всего в двух милях от того места, где они вошли. Осознание этого вызвало у Сэма и Реми вначале улыбку; затем они, к удивлению двух полицейских на переднем сиденье, рассмеялись.

— Есть хоть намеки на то, кто поднял тревогу? — спросила теперь Реми у Сэма.

— Нет. Насколько я могу судить, мы не арестованы.

— Наверно, нас будут допрашивать. Что станем говорить?

Сэм немного подумал.

— Как можно ближе к правде. Мы приехали перед самым восходом, чтобы прогуляться. Заблудились и бродили, пока они нас не нашли. Если будут цепляться, тверди: «Не знаю». Если не найдут наше снаряжение, ничего не докажут.

— Поняла. И, если нас не бросят в непальскую тюрьму по обвинению в каком-нибудь непонятном преступлении?

— Нужно будет забрать…

Сэм замолчал и прищурился. Проследив за его взглядом, Реми посмотрела в окно на дальнюю сторону участка, к дверям. На пороге стояли Рассел и Марджори Кинг.

— Хотел бы я сказать, что удивлен, — произнес Сэм.

— Как мы и подозревали.

В участке дежурный сержант увидел близнецов и торопливо пошел к ним. Троица начала переговариваться. Хотя Сэм и Реми не слышали слов, поза и поведение сержанта ясно говорили: он подчиненный и к тому же слегка испуган. Наконец сержант кивнул и пошел обратно. Рассел и Марджори вышли в коридор.

Несколько мгновений спустя дверь отворилась и вошли сержант и один из его подчиненных. Они сели за стол напротив Фарго. Сержант несколько секунд говорил на непали, потом кивнул подчиненному, и тот на английском — с сильным акцентом, но в целом грамотно — сказал:

— Сержант просит меня переводить. Это приемлемо?

Сэм и Реми кивнули.

Сержант заговорил, через несколько секунд послышался перевод:

— Пожалуйста, назовите ваши личные данные.

Сэм ответил:

— Мы арестованы?

— Нет, — ответил полицейский. — Временно задержаны.

— На каком основании?

— Согласно законам Непала мы не обязаны отвечать на этот вопрос. Пожалуйста, назовите ваши личные данные.

Сэм и Реми послушались и в следующие несколько минут слышали обычные вопросы:

— Зачем вы приехали в Непал?

— Где вы остановились?

— Цель приезда?

…а потом полицейские перешли к сути.

— Куда вы шли, когда заблудились?

— Да в общем никуда, — ответила Реми. — Был прекрасный день для пешей прогулки.

— Вы остановили машину в ущелье Чобар. Почему?

— Мы слышали, это очень красивая местность, — сказал Сэм.

— Когда вы приехали?

— Перед восходом.

— Почему так рано?

— Мы непоседы, — с улыбкой ответил Сэм.

— Что это значит?

— Не сидится без дела, — пояснила Реми.

— Пожалуйста, расскажите, куда вы пришли во время прогулки?

— Если бы мы знали, — сказал Сэм, — вероятно, не заблудились бы.

— У вас с собой был компас. Как вы могли заблудиться?

— Я прогуливал занятия бойскаутов, — заявил Сэм.

Реми засмеялась.

— А я у герлскаутов только кашеварила.

— Вопрос совсем не смешной, мистер и миссис Фарго. Вы находите его забавным?

Сэм постарался изобразить раскаяние.

— Прошу прощения. Мы устали и немного смущены. Спасибо вам, что нашли нас. Кто вам сообщил, что у нас неприятности?

Полицейский перевел вопрос. Сержант хмыкнул, потом снова заговорил.

— Сержант просит только отвечать на его вопросы. Вы сообщили, что собирались гулять целый день. Где ваши рюкзаки?

— Мы не думали, что задержимся так надолго, — сказала Реми. — Да и не очень хорошо умеем планировать.

Сэм печально кивнул, подчеркивая слова жены.

Офицер спросил:

— Хотите, чтобы мы поверили, будто вы не взяли никакого снаряжения?

— У меня с собой мой швейцарский армейский нож, — сухо ответил Сэм.

Услышав перевод, сержант посмотрел сначала на Сэма, потом на Реми, потом встал и вышел из комнаты.

— Пожалуйста, ждите здесь, — сказал полицейский и тоже вышел.

Сержант, что не стало неожиданностью, прошел весь участок и вышел в коридор. Сэм и Реми видели только его спину; Рассел и Марджори оставались вне поле зрения. Сэм встал, подошел к правому краю окна и прижался к нему лицом.

— Ты их видишь? — спросила Реми.

— Угу.

— И что?

— Близнецы, кажется, недовольны. Не улыбаются. Рассел жестикулирует… А вот это интересно.

— Что?

— Он жестами изображает ларец — по размерам такой, какой мы нашли.

— Это хорошо. Надо думать, они обыскали район, где нашли нас. Рассел не стал бы спрашивать о том, что они уже нашли.

Сэм отступил от окна и торопливо вернулся на место.

Сержант и полицейский вернулись в комнату и снова сели. Допрос возобновился, теперь более интенсивно, причем вопросы повторялись, чтобы подловить Сэма и Реми. Однако суть расспросов оставалась прежней: мы знаем, что у вас с собой были вещи, где они? Сэм и Реми тянули время, держась своей истории, наблюдая, как сержант расстраивается все больше.

Наконец сержант перешел к угрозам.

— Мы знаем, кто вы и чем зарабатываете на жизнь. Мы подозреваем, что вы явились в Непал в поисках предметов древности для черного рынка.

— На чем основаны ваши подозрения? — спросил Сэм.

— У нас есть источники.

— Вас ввели в заблуждение, — сказала Реми.

— Вас можно обвинить по нескольким статьям, и все они предусматривают суровое наказание.

Сэм подался вперед и пристально посмотрел на сержанта.

— Обвиняйте. Как только нас запрут, мы захотим поговорить с атташе посольства США.

Сержант долгих десять секунд выдерживал взгляд Сэма, потом тяжело вздохнул и откинулся на спинку стула. Что-то сказал подчиненному, встал и вышел, с грохотом захлопнув дверь.

Подчиненный перевел:

— Вы свободны.

* * *

Через десять минут, переодевшись в свое, Сэм и Реми вышли из дверей участка и спустились с крыльца. Сгущались сумерки. В ясном небе загорались алмазы звезд. Уличные фонари освещали булыжную мостовую.

— Сэм! Реми!

Они ожидали этого и не удивились, когда, обернувшись, увидели Рассела и Марджори; те торопливо шли к ним по тротуару.

— Мы только что узнали, — сказал Рассел, подбегая. — Как вы?

— Устали, в некотором замешательстве, но в целом ничего, — ответил Сэм.

Они уже решили, что и с близнецами будут придерживаться той же истории: пошли гулять и заблудились. Опасная игра — все понимали, что Сэм и Реми лгут. Но что смогут поделать с этим Рассел и Марджори? Или лучший вопрос: теперь, когда ясно, что у Чарли Кинга вовсе не та задача, какую он обсуждал с Сэмом и Реми, что им делать дальше? Что нужно Кингу и какова истинная причина исчезновения Фрэнка Алтона?

— Мы отвезем вас к вашей машине, — заявила Марджори.

— Утром заберем, — ответила Реми. — Сейчас мы хотим в отель.

— Лучше забрать ее сейчас, — сказал Рассел. — Если у вас там вещи…

Сэм не смог сдержать улыбку.

— Там ничего нет. Спокойной ночи.

Сэм взял Реми за руку, они развернулись и пошли в противоположную сторону. Рассел крикнул:

— Мы утром позвоним.

— Не звоните, мы сами позвоним, — ответил Сэм, не оборачиваясь.

Хьюстон, Техас

— Дьявольщина, да они вырвались из резервации, доложу я вам, — рявкнул Чарлз Кинг, откинувшись на спинку офисного кресла. Панорамное окно у него за спиной заполнял вид на город.

За полмира от него Рассел и Марджори ничего не ответили. Они знали: нельзя перебивать отца. Когда он хочет что-то узнать, он задает вопрос.

— Где их, черт подери, носило целый день?

— Мы не знаем, — ответил Рассел. — Человек, которого мы наняли следить за ними, потерял их к юго-западу от...

— Наняли? Что значит наняли?

— Это один из наших... охранников с раскопок, — сказала Марджори. — Достойный доверия...

— Но некомпетентный. Как насчет того, чтобы найти человека с обоими этими блестящими качествами? Не думали об этом? Зачем вообще нанимать кого-то? Сами вы что делали?

— Мы были на раскопках, — ответил Рассел. — Готовили к отправке...

— Неважно. Все остальное неважно. Могли Фарго побывать в системе пещер?

— Возможно, — ответила Марджори, — но мы там уже были. Там ничего не найти.

— Да, да. Вопрос в другом, если они были в пещерах, как они о них узнали? Вы должны быть уверены, что они получают только те сведения, которые мы хотим им сообщить, понятно?

— Да, папа, — хором ответили Рассел и Марджори.

— Что с их вещами?

— Мы их осмотрели, — ответил Рассел. — И машину. Наш человек в полиции целый час допрашивал их, но без толку.

— Ради бога, он, что выкручивал им руки?

— По возможности.

— Он сказал, что Фарго нисколько не боялись.

— Что, по их словам, они делали?

— Говорят, что пошли гулять и заблудились.

— Вздор! Чтобы Сэм и Реми Фарго заблудились! Я скажу вам, что случилось: вы где-то напортачили, и у Фарго проснулись подозрения. Они кружатся возле вокруг вас. Приставьте к ним много людей. Я хочу знать все, что они делают и где бывают. Понятно?

— Можешь положиться на нас, папа, — заявила Марджори.

— Это было бы приятно для разнообразия, — проворчал Кинг. — Между тем я больше не намерен рисковать. Посылаю подкрепление.

Кинг наклонился и нажал кнопку разъединения связи. По другую сторону стола, сложив руки на груди, стояла Чжилань Су.

— Ты слишком строг с ними, Чарлз, — негромко сказала она.

— А ты их балуешь! — парировал Кинг.

— До этого случая с Фарго они отлично справлялись с твоими поручениями.

Кинг нахмурился и раздраженно тряхнул головой.

— Пожалуй. Но все равно я хочу отправить туда тебя: присмотри, чтобы ничего не пошло наперекосяк. Не выпускай Фарго из виду. Бери «Гольфстрим» и отправляйся. Разберись с ними. И с этим Алтоном, он теперь бесполезен.

— Ты не мог бы выразиться точнее?

— Заставь Фарго сыграть их роль. Если не получится… Непал велик. Есть где исчезнуть людям.

11

Отель «Хаятт Ридженси»

Катманду, Непал

Рано утром зазвонил телефон на ночном столике Реми.

— Сэм, ты это нарочно? Утренняя побудка. Ты знаешь, который час?

Сэм взял трубку и сказал:

— Будем через сорок пять минут.

— Где? — спросила Реми.

— Как я обещал. Гималайский массаж горячими камнями для тебя и глубокий внутримышечный массаж для меня.

— Фарго, — с широкой улыбкой сказала Реми, — ты сокровище.

Она выскользнула с постели и исчезла в ванной, а Сэм ответил на стук в дверь. Обслуживание в номерах доставило заказанный накануне вечером завтрак — для Реми ее любимый хаш из солонины и яйца-пашот, а для себя яичницу с лососем.

Еще он заказал кофе и два стакана гранатового сока.

За едой они разглядывали таинственный ларец, стоявший на диване напротив стола. Пока Сэм набирал номер Сельмы, Реми налила себе вторую чашку кофе.

— Думаете, это Кинг похитил Алтона? — спросила Сельма.

— Чтобы заманить нас сюда, — предположила Реми, отпивая кофе.

Сельма подхватила:

— Заманить под надуманным предлогом, якобы для поисков Фрэнка, и потом… что?

— Отвлекающий маневр, — сказал Сэм, потом объяснил: — Это шпионский термин. Агента вербует враг, выдающий себя за союзника. Агент считает, что выполняет одну миссию, а на самом деле она совсем другая.

— Здорово, — заметила Реми.

— Карточный домик, — согласился Сэм. — Если Кинг задумал именно это, самомнение помешает ему принять мысль о том, что его план терпит крушение.

— Выходит, на самом деле вы не знаете, ищете вы Льюиса Кинга или нет. И даже видел ли его кто-нибудь.

— Чарли не кажется мне сентиментальным. Я бы предположил, что его интересует не столько отец, сколько то, что искал отец.

— Ларец, который вы нашли? — высказала догадку Сельма.

— Говорю же, это только предположение, — ответил Сэм.

* * *

Накануне вечером, вместо того чтобы вернуться в отель, Сэм и Реми пошли на юг от полицейского участка, а когда их невозможно стало увидеть, повернули на север и поймали такси. Сэм приказал водителю десять минут поездить по городу — они с Реми проверяли, нет ли за ними хвоста. Они не сомневались, что близнецы Кинг намерены

последовать за ними за ними, и не хотели давать им времени на подготовку.

Убедившись, что за ними не следят, Сэм приказал водителю отвезти их в прокат автомобилей на южной окраине Катманду. Там они взяли старый побитый «Опель». Час спустя они въехали на парковку мотеля в полумиле от ущелья Чобар, оставили машину и оставшееся расстояние прошли пешком.

Когда их увозила полиция, они хорошо запомнили ориентиры, и им понадобилось меньше часа, чтобы отыскать выход из туннеля. Их снаряжение лежало внутри, никто его не трогал.

— Мы отправляем его вам «Федэксом», — сказала Реми Сельме.

— Если это то, за чем охотится Кинг, нам лучше от него избавиться. К тому же, Сельма, ты любишь головоломки; эта тебе понравится. Реши ее, и мы купим эту твою рыбу для твоего мини-бассейна… гм…

— Для аквариума, мистер Фарго. Мини-бассейн в детской. А рыба называется астронотус. Она очень редкая. Очень дорогая. Ее научное название…

— По-латыни, не сомневаюсь, — усмехнулся Сэм. — Открой нашу непальскую клетку-головоломку, и рыба твоя.

— Незачем сулить мне взятку, мистер Фарго. Это часть моей работы.

— Тогда назовем это ранним подарком на день рождения, — вмешалась Реми.

Они с Сэмом обменялись улыбкой: Сельма терпеть не могла отмечать дни рождения, особенно свои.

— Кстати, я получила ответ от Руба, — сообщила Сельма, быстро меняя тему. — Он поискал сведения о Чжилань Су. Согласно этим данным она — цитирую — «буквально невидима». Ни водительских прав, ни кредитных карточек, ни записей в каких либо источниках, кроме одной — сведения об иммиграции. Согласно этим данным она приехала сюда по рабочей визе из Гонконга в 1990 году, шестнадцати лет от роду.

— Дай угадаю, — сказал Сэм. — Нанята «Кинг ойл».

— Верно. Но вот в чем штука. В это время она была на шестом месяце беременности. Я подсчитала. Дата ее родов примерно совпадает с датой рождения Рассела и Марджори.

— Это официально, — сказала Реми. — Теперь Чарли Кинг нравится мне вдвое меньше. Он, вероятно, купил ее.

— Готов ручаться, — согласился Сэм.

Сельма спросила:

— Ваш следующий шаг?

— Вернемся в университет. Мы получили голосовое сообщение от профессора Каалрами. Она закончила перевод пергамента на деванагари…

— На лова, — поправила Реми. — Она сказала, что он написан на лова.

— Верно. Лова, — ответил Сэм. — Если повезет, ее коллега сможет пролить свет на то, что за могилу мы нашли, — или по крайней мере позволит установить связь.

— А как же Фрэнк?

— Если принять, что за похищением Фрэнка стоит Кинг, наша единственная возможность получить его обратно — оказать экономическое давление. Если внушить Кингу, будто у нас есть то, что ему нужно, мы сможем торговаться. А до тех пор остается надеяться, что Кингу хватит ума не убивать Фрэнка.

Университет Катманду

Убедившись, что слежки нет, Сэм и Реми нашли офис «Федэкса» и отправили ларец. Агент сказал им, что пересылка займет два дня и обойдется в шестьсот долларов, но уже сегодня ранним вечером посылка будет в самолете. По рукам, решили Сэм и Реми, понимая, что теперь ларец будет вне досягаемости для Рассела и Марджори — если, конечно, он интересует Кинга. Во всяком случае, сейчас у них не было ни времени, ни возможностей вскрывать ларец. Лучше перепоручить его Сельме, Питу и Венди.

До университетского кампуса Сэм и Реми добрались в начале второго и нашли профессора Каалрами в ее кабинете. Поздоровавшись, они сели за ее стол для совещаний.

— Задача была не из легких, — начала профессор Каалрами. — Перевод занял у меня почти шесть часов.

— Простите, что отняли у вас столько времени, — сказала Реми.

— Чепуха. Все лучше, чем провести вечер у телевизора. Я с удовольствием упражняла мозг. Вот письменный перевод. — Она подвинула к ним по столу листок с машинописным текстом. — Могу подтвердить суть документа. Это военный указ — распоряжение о вывозе «Теуранга» из Ло-Монтанга, столицы королевства Мустанг.

— Когда? — спросил Сэм.

— В указе нет даты, — заметила профессор Каалрами. — Человек, с которым мы встретимся после этого разговора, мой коллега, лучше сможет ответить на этот вопрос. Возможно, я что-нибудь упустила в тексте.

— Этот Теуранг… — нетерпеливо сказала Реми.

— Помимо того что он упоминается еще и как Золотой Человек, боюсь, я не нашла никаких объяснений. Но, повторюсь, возможно, объяснение знает мой коллега. Могу назвать причину, по которой издан указ, — вторжение. К Ло-Монтангу приближалась армия. От имени королевского дома начальствующий армией Мустанга — полагаю, его пост может быть приравнен посту маршала или начальника штаба, — приказал особой группе солдат, известных как «Хранители», увезти Теуранг из города. Никакого описания этих солдат нет. Только название.

— Куда вывезти? — спросил Сэм.

— В указе об этом не говорится. Несколько раз использована формула «как приказано», что позволяет предположить, что Хранители получали особые отдельные приказы.

— Еще что-нибудь? — спросила Реми.

— Мое внимание привлекло одно обстоятельство, — ответила профессор Каалрами. — Указ восхваляет готовность Хранителей умереть, защищая Золотого Человека.

— Вполне стандартный военный язык, — сказал Сэм. — Напутствие генерала перед…

— Нет, простите, мистер Фарго. Я использовала неподходящее слово. Здесь не воздают хвалу их готовности отдать жизнь при исполнении долга. Использованы выражения, означающие уверенность, неизбежность. Тот, кто писал этот документ, не сомневался, что Хранители умрут. Никто из них не должен был вернуться в Ло-Монтанг живым.

Около двух часов — на это время профессор Каалрами договорилась для них о встрече с коллегой, Сушантом Дхарелом, — они вышли из ее кабинета и пошли через кампус к другому зданию. Дхарела, худого, как карандаш, мужчину тридцати с небольшим лет, в брюках цвета хаки и белой рубашке с короткими рукавами, они застали в обшитой деревянными панелями аудитории, где заканчивались занятия. Пришлось ждать, пока не выйдут все студенты, после чего профессор

Каалрами их познакомила. Когда Дхарел услышал, чем интересуются Сэм и Реми, у него загорелись глаза.

— Документ у вас с собой?

— И перевод, — ответила профессор Каалрами и протянула то и другое.

Д харел просмотрел оба листка; вникая в содержание, он его бесшумно шевелил губами. Потом посмотрел на Сэма и Реми.

— Где вы это нашли? Кто владелец… — Он вдруг осекся. — Прошу простить мое волнение и несдержанность. Садитесь, пожалуйста.

Сэм, Реми и профессор Каалрами заняли места в первом ряду. Дхарел выдвинул стул из-за преподавательского стола и сел перед ними.

— А вы бы не… Где вы это нашли?

— Листок был среди вещей человека по имени Льюис Кинг.

— Когда-то давным-давно мы с ним дружили, — добавила профессор Каалрами. — Задолго до вас, Сушант. Я считаю свой перевод достаточно точным, но не смогла сообщить мистеру и миссис Фарго подробный контекст. И решила, что вы, наш специалист по истории Непала, можете помочь.

— Конечно, конечно, — сказал Дхарел, не отрывая взгляда от документа. Через минуту он поднял голову. — Не обижайтесь, мистер и миссис Фарго, но для ясности я предположу, что вы не знакомы с нашей историей.

— Разумное предположение, — ответил Сэм.

— Должен также признать, что значительную часть того, что я вам расскажу, многие считают легендой.

— Мы понимаем, — согласилась Реми. — Пожалуйста, продолжайте.

— Ваш пергамент известен как указ Химаншу. Он был издан в 1421 году военачальником по имени Долма. Здесь внизу вы можете видеть его официальную печать. Тогда это была распространенная практика. Печати изготовлялись искусными мастерами, и их тщательно охраняли. Часто высоких особ, военных и гражданских, сопровождали отряды воинов, чьей единственной задачей была охрана официальной печати. Если будет время, я смогу подтвердить или опровергнуть подлинность печати, но на первый взгляд она кажется подлинной.

— В переводе профессора Каалрами говорится, что указ — это распоряжение об эвакуации некоего артефакта, — подсказал Сэм. — Теуранга.

— Да, совершенно верно. Он известен также как Золотой Человек. Боюсь, тут история переплетается с мифами. Говорят, Теуранг — это изваяние в натуральную величину некоего человекоподобного существа или, по другим утверждениям, скелет этого существа. История Теуранга схожа с книгой Бытия из христианской Библии в том, что Теуранг — это останки… — Дхарел помолчал в поисках подходящих слов… — жизнедарителя. Давшего жизнь человечеству, если угодно.

— Ответственная должность, — заметил Сэм.

Дхарел на мгновение нахмурился, потом улыбнулся.

— А, да, понимаю. Да, тяжкое бремя досталось Теурангу. Во всяком случае, реальный или мифический, этот Теуранг стал предметом поклонения всех жителей Мустанга — и вообще большей части Непала. Но легендарный дом Теуранга — Ло-Монтанг.

— Это прозвище «жизнедаритель»? — спросила Реми. — Оно считалось буквальным или метафорическим?

Дхарел улыбнулся, подал плечами.

— Как и у всякой религиозной истории, толкование — в сознании верующего. Думаю, можно предположить, что в пору издания этого указа большинство верило в буквальное значение.

— А что вы можете сказать об этих Хранителях? — спросил Сэм.

— Это были отборные солдаты, эквивалент сегодняшних сил специального назначения. Согласно некоторым текстам их с юности готовили к выполнению единственной задачи — защите Теуранга.

— Профессор Каалрами упомянула, что в указе есть выражение «как приказано» в связи с планом эвакуации, которую должны были осуществить Хранители. Что вы об этом думаете?

— Я ничего не знаю об этом конкретном плане, — ответил Дхарел, — но как я понимаю, Хранителей было всего несколько десятков. При эвакуации каждый из них увозил из города ларец, чтобы сбить со следа захватчиков. В одном из ларцов были разобранные останки Теуранга.

Сэм и Реми неприметно обменялись улыбками.

Дхарел добавил:

— Лишь несколько избранных в военном руководстве и правительстве знали, какой из Хранителей везет подлинные останки.

Сэм спросил:

— А в остальных ларцах?

Дхарел покачал головой.

— Не знаю. Может быть, ничего, может быть, копия Теуранга. В любом случае все это было придумано, чтобы обмануть захватчиков. С лучшим оружием, на самых резвых конях, Хранители должны были умчаться из города в разных направлениях в надежде заставить захватчиков разделиться. И если повезет, если хватит ловкости, Хранитель, несущий Теуранга, сможет уйти и спрятать его в условленном месте.

— Можете описать их оружие?

— Только в общих чертах: меч, несколько кинжалов, лук и копье.

— Нет свидетельств того, удался ли план? — спросила Реми.

— Нет.

— Как выглядел ларец? — продолжала Реми.

Дарил достал из стола лист бумаги и карандаш и набросал деревянный куб, удивительно похожий на ларец, найденный ими в пещере. Дхарел сказал:

— Насколько мне удалось выяснить, никакого описания, кроме этого, нет. Говорят, ларец был очень хитро устроен; надеялись на то, что, захватив очередной ларец, враг всякий раз потратит не один день или не одну неделю, пытаясь его открыть.

— И благодаря этому у других Хранителей будет больше времени, — заметил Сэм.

— Совершенно верно. Поэтому же у Хранителей не было ни семьи, ни друзей, которых враги смогли бы использовать против них. Их также с юности учили выдерживать любые пытки.

— Поразительная преданность, — заметила Реми.

— Поистине.

— Можете описать Теуранг? — спросил Сэм.

Дхарел кивнул.

— Как я упомянул, он якобы лицом подобен человеку, а телом… зверю. Кости его были сделаны из чистейшего золота, глаза — из каких-то драгоценных камней: рубинов, изумрудов или чего-то подобного.

— Золотой Человек, — сказала Реми.

— Да. Сейчас… у меня тут изображение, выполненное художником.

Дхарел встал, обошел свой стол, с полминуты рылся в ящиках и вернулся с книгой в кожаном переплете. Полистал страницы. Повернул книгу и протянул Сэму и Реми.

Несколько секунд спустя Реми прошептала:

— Здравствуй, красавчик.

Хотя и чрезвычайно стилизованный, рисунок Теуранга в книге очень напоминал резьбу на щите, который они нашли в пещере.

* * *

Часом позже, вернувшись в отель, Сэм и Реми позвонили Сельме. Сэм рассказал о посещении университета.

— Поразительно, — сказала Сельма. — Это находка жизни.

— Мы не можем считать это своей находкой, — ответила Реми. — Нас навел на нее Льюис Кинг. Если он фактически потратил на поиски не одно десятилетие, то все это принадлежит ему — посмертно, конечно.

— Значит, вы полагаете, что он мертв?

— Интуиция подсказывает, — ответил Сэм. — Если бы кто-нибудь обнаружил эту гробницу до нас, об этом стало бы известно. Начались бы археологические раскопки, и все содержимое увезли бы.

Реми продолжала:

— Кинг, должно быть, исследовал эту систему пещер, вбил железнодорожные костыли, обнаружил гробницу — и упал в яму, пытаясь перебраться. Если так, кости Льюиса Кинга разбросаны по дну одного из подземных притоков реки Багмати. Какая жалость. Он подобрался так близко.

— Но мы забегаем вперед, — заметил Сэм. — Насколько нам известно, ларец, который мы нашли, может быть одной из приманок. Конечно, все равно это грандиозная находка, но не первый приз.

Сельма сказала:

— Узнаем, если — когда — откроем.

Они еще несколько минут болтали с Сельмой, потом дали отбой.

— Что теперь? — спросила Реми.

— Не знаю, как ты, а я сыт по горло жуткими близнецами.

— И ты еще спрашиваешь?

— Они дышат нам в затылок с самого нашего приезда. Я бы сказал, пора поменяться с ними — и самим Кингом-старшим — ролями.

— Скрытое наблюдение? — произнесла Реми, блестя глазами.

Мгновение Сэм смотрел на нее, потом тонко улыбнулся.

— Иногда твое рвение пугает меня.

— Обожаю скрытое наблюдение.

— Я знаю, дорогая. То, за чем гонится Кинг, может быть у нас, а может не быть. Давай посмотрим, нельзя убедить его, что оно у нас. Потрясем дерево и поглядим, что посыплется.

12

Катманду, Непал

Сельме, которая знала, что близнецы Кинг занимаются в Непале какими-то связанными шахтами делами отца, потребовалось всего несколько часов, чтобы разведать подробности. Работавшие под эгидой одной из многочисленных компаний Кинга исследовательский лагерь и раскопки располагались к северу от Катманду в долине Лангтанг.

После второго путешествия в магазин армейского снаряжения, Сэм и Реми упаковали вещи в багажник арендованного «рейнджровера» и пустились в путь. Хотя было уже пять и до заката оставалось менее двух часов, они хотели очутиться как можно дальше от близнецов Кинг, которые, в чем Сэм и Реми не сомневались, не оставят их в покое.

Шахтерский лагерь отделяло от столицы менее тридцати миль к северу — по прямой. По дороге расстояние было втрое больше — небольшая поездка в западной стране, но настоящая одиссея в Непале.

— Судя по карте, — Реми сидела на пассажирском месте, — то, что они называют автострадой, на самом деле проселок чуть шире коровьей тропы и чуть лучше содержащийся. За Трисули-Базаром начнутся вспомогательные дороги. И бог весть, что это значит.

— А далеко до Трисули?

— Если повезет, будем там засветло. Сэм, коза!

Сэм увидел посреди дороги девочку, переводившую на другую сторону козу и как будто не замечавшую несущийся на них автомобиль. «Рейнджровер» затормозил в туче бурой пыли. Девочка подняла глаза и

улыбнулась, нимало не испугавшись. Помахала рукой. Сэм и Реми помахали в ответ.

— Повторный урок, — сказал Сэм. — Пешеходных переходов в Непале нет.

— И преимущественное право движения имеют козы, — добавила Реми.

Едва они выехали за городскую черту и оказались в предгорьях, по обе стороны дороги потянулись террасы, занятые полями, пышными и зелеными на голых коричневых склонах. Слева от них, под самым боком, неслась по камням река Трисули, разлившаяся после весенних паводков, с водой свинцово-серого цвета от щебня и ила. Тут и там к дальней стене деревьев лепились скопления хижин. Далеко на севере и западе высились вершины Гималаев, иззубренными черными башнями вдаваясь в небо.

Два часа спустя — солнце как раз садилось за горы — они въехали в Трисули-Базар. Хотелось остановиться в одном из местных отелей, но Сэм и Реми решили принять сторону легкой паранойи и пренебречь искушением. Как ни мала была вероятность того, что дети Кинга станут их здесь искать, они решили исходить из худшего предположения.

Следуя указаниям Реми, Сэм вывел «рейнджровер» из деревни, потом свернул налево на узкую служебную дорогу к тому, что карта описывала как «точка альпинистского маршрута». Они въехали на приблизительно овальную поляну, окруженную похожими на юрты хижинами, и остановились. Сэм выключил фары и заглушил двигатель.

— Кого-нибудь видишь? — спросил Сэм, оглядываясь.

— Нет. Похоже, место предоставлено только нам.

— Хижина или палатка?

— Жаль было бы не использовать рваный заплатанный тент, за который мы отвалили такую кучу денег, — сказала Реми.

— Золото, а не девушка!

Пятнадцатью минутами позже при свете фонариков они разбили лагерь в нескольких сотнях ярдов позади хижин в сосняке. Реми раскатала спальные мешки, а Сэм развел костер.

Перебирая запасы пищи, Сэм спросил:

— Сушеная курица терияки или… сушеная курица терияки?

— То, что я смогу съесть побыстрей, — ответила Реми. — Я с ног падаю. Ужасно болит голова.

— Это разреженный воздух. Мы на высоте почти в девять тысяч футов. Завтра тебе будет лучше.

Через несколько минут еда была готова. Когда с ней было покончено, Сэм вскипятил пару чашек чая улун. Они сидели перед костром и смотрели, как пляшет пламя. Где-то в деревьях крикнула сова.

— Если Кинг искал Теуранг, мне любопытно почему, — сказала Реми.

— Не узнаешь, — ответил Сэм. — К чему все эти ухищрения? Зачем такая строгость с детьми?

— Он сильный человек, и эго у него размером с Аляску…

— А еще он урод, привыкший всеми командовать.

— И это тоже. Может, так он и действует. Никому не доверяй и держи всех в ежовых рукавицах.

— Ты, возможно, права, — согласился Сэм. — Но что бы им ни двигало, я не намерен отдавать ему нечто столь исторически значимое, как Теуранг.

Реми кивнула.

— И Льюис Кинг, если только мы не ошибаемся насчет его характера, согласился бы с нами — живой или мертвый. Он бы передал находку в Непальский исторический музей или в университет.

— И вот еще, не менее важное, — добавил Сэм. — По какой бы неведомой причине Кинг ни похитил Фрэнка, я говорю: мы сделаем все, чтобы он за это заплатил.

— Он не сдастся без борьбы, Сэм.

— Мы тоже.

— Вот слова того, кого я люблю, — сказала Реми.

Она отсалютовала ему кружкой. Сэм обнял Реми за талию и привлек к себе.

На следующий день они встали до рассвета и еще до семи позавтракали, упаковались и снова выехали на дорогу. Они набирали высоту, проезжая деревушки с названиями вроде Бетравати, Манигаун, Рамче и Тхаре, и местность менялась от зеленых террас-полей и одноцветных холмов до

трехъярусных лесов и узких ущелий. Наскоро перекусив на площадке, с которой открывался великолепный вид, они продолжали путь и спустя час добрались до нужного поворота — до никак не обозначенной дороги севернее Бока-Джунда. Сэм остановил «ровер» на перекрестке, и они стали разглядывать земляную дорогу перед собой. Чуть шире «ровера», окаймленная густыми зарослями, она выглядела не столько дорогой, сколько туннелем.

— У меня легкое дежа-вю, — сказал Сэм. — Разве мы не были на этой самой дороге несколько месяцев назад, но на Мадагаскаре?

— Действительно, странное сходство, — согласилась Реми. — Проверим еще раз.

Она провела указательным пальцем по карте, иногда сверяясь со своими заметками.

— Это то самое место. По данным Сельме, шахтерский поселок в двенадцати милях к востоку. В нескольких милях к северу есть другая дорога побольше, но ее использует поселковый транспорт.

— Тогда лучше подглядеть через заднее окно. Сигнал есть?

Реми взяла лежавший у нее между ступней спутниковый телефон и проверила голосовые сообщения. Спустя мгновение она кивнула, подняла палец и стала слушать. Потом положила трубку.

— Профессор Дхарел из университета. Он сделал ряд звонков. Очевидно, в Ло-Монтанге есть местный историк, который считается национальным специалистом по истории Мустанга. Он согласился встретиться с нами.

— Когда?

— Когда доберемся туда.

Сэм задумался, потом пожал плечами.

— Никаких проблем. Если нас не поймают при вторжении в шахтерский поселок Кинга, через три-четыре недели доберемся до Ло-Монтанга.

Он повернул «ровер» на дорогу и нажал на газ.

* * *

Почти сразу подъем стал круче, а дорога пошла зигзагом; несмотря на скорость десять миль в час, им казалось, что они на американских горках. Изредка в листве показывались зияющие ущелья, быстрые реки и груды булыжников, но тут же исчезали, поглощенные лесом.

Примерно через полтора часа напряженного вождения Сэм вписался в особенно крутой поворот. Реми закричала:

— Большие деревья!

— Вижу, — ответил Сэм, уже нажимая на тормоза.

Перед ветровым стеклом вставала стена зелени.

— Скажи, что это ошибка, — попросил Сэм. — Сельма перепутала?

— Решительно нет.

Они вышли; ныряя и уворачиваясь, обошли «ровер» и добрались до переднего бампера.

— И ни одного парковщика, — пробурчал Сэм.

Реми справа от него сказала:

— Вижу тропу.

Сэм подошел к ней. Действительно, узкая, изрытая тропа исчезала между деревьями. Сэм достал компас, и Реми сверилась с картой.

— Две мили вниз по тропе, — сообщила она.

— То есть, переводя в непальские расстояния… десять дней, плюс-минус.

— Плюс-минус, — согласилась Реми.

Тропа, петляя внизу по крутому склону, вышла к реке. Текущая с севера на юг вода разбивалась о поросшие мхом валуны, вздымая столбы брызг: за несколько секунд Сэм и Реми промокли насквозь.

Они прошли по тропе вдоль реки на юг до относительно спокойного участка, где обнаружили деревянный подвесной мост чуть шире их плеч. Зеленые кроны с обоих берегов над водой встречались; лианы и ветки оплели мост, скрывая от глаз противоположный его конец.

Сэм сбросил рюкзак и, сжав обеими руками веревки, заменявшие перила, забрался на мост, нащупывая ногой дыры или незакрепленные доски, прежде чем перенести свой вес. Добравшись до середины моста, он попробовал подпрыгнуть.

— Сэм!

— Вроде бы достаточно прочный.

— Больше так не делай. — Она увидела тень улыбки у него на лице и сощурилась. — Если мне придется прыгать за тобой в реку…

Он рассмеялся, повернулся и прошел обратно — туда, где она стояла.

— Пошли, он выдержит.

Он надел рюкзак и первым пошел по мосту. Сделав две короткие остановки, чтобы замедлить раскачивание моста, они достигли противоположного его края.

Следующий час они шли по тропе, которая то опускалась, то поднималась по лесистым склонам и перебиралась через ущелья, пока наконец деревья впереди не начали редеть. Они добрались до перевала и почти сразу услышали впереди шум дизельных двигателей и гудки сдающих задним ходом грузовиков.

— Ложись! — выдохнул Сэм и упал на живот, потащив за собой Реми.

— В чем дело? — спросила она. — Я ничего не вижу...

— Прямо под нами.

Он знаком велел ей идти за ним, развернулся налево и сполз с тропы в подлесок. Через двадцать футов он остановился, оглянулся и пальцем подманил Реми. Она подползла и улеглась с ним рядом. Кончиками пальцев Сэм раздвинул листву.

Прямо под ними в земле темнела яма в форме футбольного поля, глубиной двадцать футов, шириной двести ярдов и примерно четверть мили длиной. Стенки ямы были отвесными, крутой черный земляной откос нисходил от окружающего леса, как будто великан вонзил в землю формочку для печенья и вынул середину. В центре ямы по хорошо укатанным тропам передвигались желтые бульдозеры, грузовики и погрузчики, а по краям лопатами и ломами в чем-то вроде горизонтальной шахты, уходящей под землю, работали бригады людей. В дальнем конце ямы пологий спуск вел на поляну и, как предположили Сэм и Реми, к главной служебной дороге. На поляне виднелись строительные вагончики и бытовки.

Сэм продолжал осматривать раскоп.

— Вижу охранников, — прошептал он. — Прячутся среди деревьев вдоль края ямы и на поляне.

— Вооружены?

— Да. Автоматами. Но это не обычные АК-47. Не узнаю модель. Но, какой бы она ни была, автоматы современные. Впервые вижу такие разведочные разработки, — сказал Сэм. — То есть если не в банановых республиках.

Реми не отрываясь смотрела на крутые стенки ямы.

— Я насчитала тринадцать… нет, четырнадцать боковых туннелей. И среди них — ни одного, достаточно большого для машин, только для людей с ручными инструментами.

Бульдозеры и грузовики, казалось, обходили края ямы. Однако изредка к одному из туннелей подъезжал погрузчик, подхватывал накрытую брезентом корзину, поднимался по пологому спуску и исчезал из виду.

— Мне нужен бинокль, — сказала Реми.

Сэм достал из рюкзака бинокль и протянул ей. Она с полминуты разглядывала яму, потом вернула бинокль Сэму.

— Видишь третий справа от спуска туннель? Быстрей, пока они не закрыли.

Он настроил бинокль.

— Вижу.

— Увеличь корзину.

Сэм послушался. Через несколько секунд он опустил бинокль и посмотрел на Реми.

— Что это такое?

— Я в этом не разбираюсь, — ответила Реми, — но совершенно уверена, что это гигантский аммонит. Окаменелость, вроде гигантского моллюска. Это не шахтерский поселок, Сэм. Это археологические раскопки.

13

Долина Лангтанг, Непал

— Раскопки? — повторил Сэм. — Зачем Кингу проводить раскопки?

— Кто его знает, — ответила Реми, — но то, что здесь происходит, нарушает не менее десяти непальских законов. Они очень серьезно относятся к археологическим раскопкам, особенно к тем, что связаны с окаменелостями.

— Торговля на черном рынке? — размышлял Сэм.

— Это первое, что пришло и мне в голову, — согласилась Реми.

За последнее десятилетие незаконные раскопки и торговля окаменелостями превратились в большой бизнес, особенно в Азии. Ряд расследований называли Китай в качестве главного виновника, но ни у кого не было возможности наказать нарушителей на его территории. В прошлогоднем докладе «Усилия по сохранению» говорится, что на

черном рынке продают тысячи тонн окаменелостей и только менее одного их процента их удается задержать. При этом ни в одном случае не удалось добиться обвинения.

— Это большие деньги, — сказала Реми. — Частные коллекционеры готовы платить миллионы за неповрежденные окаменелости, особенно самых сексуальных видов: велоцираптора, тираннозавра реке, трицератопса, стегозавра…

— Миллионы долларов для Кинга — мелочь.

— Ты прав, но невозможно отрицать то, что у нас перед глазами. Это можно было бы считать средством воздействия на работодателя, Сэм?

Он улыбнулся.

— Да уж. Но нам нужно нечто большее, чем просто снимки. Как насчет небольшого надувательства?

— Я большая любительница надувательства.

Сэм посмотрел на часы.

— До темноты еще несколько часов.

Реми повернулась и достала из рюкзака цифровой фотоаппарат.

— По максимуму использую оставшийся дневной свет.

* * *

Была ли то игра света, или дело действительно обстоит так, но им показалось, сумерки в Гималаях длятся часами. Через час после того, как Сэм и Реми засели в листве и стали ждать, солнце начало клониться к западным вершинам, и в следующие два часа они наблюдали, как невероятно медленно наползают на лес сумерки, пока наконец бульдозеры и грузовики не включили фары.

— Они заканчивают, — показал Сэм.

Вдоль краев ямы из туннелей выходили бригады землекопов и направлялись к съезду.

— Работают с рассвета до темноты, — заметила Реми.

— И, вероятно, получают за час гроши, — ответил Сэм.

— Если получают. Может, плата для них то, что их не застрелили.

Справа от них треснула ветка. Они замерли. Тишина. Потом еле слышный хруст веток под ногами; шаги приближались к ним. Сэм

сделал Реми знак раскрытой ладонью, и оба прижались к земле, повернув лица на звук.

Прошло десять секунд.

На тропе появилась окутанная тенью фигура. Одетый в робу тускло-оливкового цвета, в широкополой колониальной шляпе мужчина держал автомат, наискось прижимая его к груди. Он подошел к краю ямы, остановился и посмотрел вниз. Поднес к глазам бинокль и начал осмотр ямы. По прошествии целой минуты, он опустил бинокль, сошел с тропы и исчез из виду.

Выждав пять минут, Сэм и Реми приподнялись на локтях.

— Видел его лицо? — спросила Реми.

— Я был слишком занят — прикидывал, наступит он на нас или нет.

— Это китаец.

— Ты уверена?

— Да.

Сэм задумался.

— Похоже, Чарли Кинг обзавелся партнерами. Но есть и хорошая новость.

— Какая?

— У него не было прибора ночного видения. Теперь у нас одна забота — не наткнуться на кого-нибудь из них в темноте.

— Вечный оптимист, — ответила Реми.

Они продолжали наблюдать, выжидая не только пока по насыпи поднимутся последние люди и механизмы, но также не пройдут ли патрули.

Через час после того как окончательно стемнело, они решили, что можно двигаться. Они решили не брать с собой веревку, поэтому пришлось пробовать экологический подход: потратив десять минут на неслышные поиски, они нашли на лесной подстилке лиану, достаточно длинную и прочную для их целей. Привязав конец лианы к стволу ближайшего дерева, Сэм сбросил «моток» в яму.

— Придется прыгать примерно на восемь футов.

— Я знала, что когда-нибудь мне пригодится десантная подготовка, — ответила Реми. — Дай руку.

Прежде чем Сэм успел возразить, Реми отползла в сторону и нижняя часть ее тела повисла над ямой. Сэм ухватил ее за правую руку, а левой Реми вцепилась в лиану.

— Встретимся на дне, — с улыбкой сказала она и исчезла из виду. Сэм следил, как она спускается по лиане; наконец она выпустила лиану, приземлилась и выполнила кувырок через голову с выходом в стойку на коленях.

— Показушница, — пробормотал Сэм, спускаясь к ней. Спустя несколько мгновений он оказался рядом с Реми, тоже перекувырнувшись, но не так грациозно, как жена. — Ты упражнялась, — сказал он ей.

— Пилатес, — подтвердила она. — И еще балет.

— Ты никогда не занималась балетом.

— Занималась в детстве.

Сэм хмыкнул, и она примирительно чмокнула его в щеку.

— Куда? — спросила она.

Сэм показал на ближайший вход в туннель в пятидесяти ярдах слева от них. Пригибаясь, они пошли вдоль земляной стены ямы и добрались до входа в туннель. Залезли внутрь и присели у самого входа.

— Пойду-ка взгляну, — сообщила Реми и исчезла внутри.

Несколько минут спустя она снова появилась рядом с Сэмом.

— Разрабатывают несколько образцов, но ничего сногсшибательного.

— Пошли дальше, — ответил Сэм.

Они пробежали к следующему туннелю и повторили разведку — с прежним результатом, потом двинулись к третьему. Они были в десяти футах от входа, когда в дальнем конце ямы вспыхнули три «юпитера» на столбах, залив половину ямы ослепительным белым светом.

— Быстрей! — сказал Сэм. — Внутрь!

Затормозив внутри туннеля, они упали на живот.

— Они заметили нас? — прошептала Реми.

— Если бы заметили, в нас бы уже стреляли, — ответил Сэм. — Так или иначе, скоро узнаем.

Они ждали, затаив дыхание, ожидая, что с минуты на минуту услышат шум приближающихся шагов или грохот выстрелов, но ничего такого не

происходило. Вместо этого в той стороне, где был спуск, послышался резкий женский голос, выкрикнувший приказ.

— Слышала? — спросил Сэм. — Это китайский?

Реми кивнула.

— Большую часть я упустила. Что-то вроде «приведите его», по-моему.

Они проползли вперед на несколько дюймов и сумели выглянуть из-за края входного отверстия. Человек двадцать рабочих двигались по пологому спуску в сопровождении четверых охранников. Во главе колонны шла маленькая женская фигурка в черном комбинезоне. Когда группа достигла дна ямы, охранники выстроили рабочих в ряд лицом в ту сторону, где прятались Сэм и Реми. Женщина не остановилась.

Сэм схватил бинокль и навел на нее. Потом опустил бинокль и искоса взглянул на Реми.

— Ты не поверишь. Это Затаившийся Тигр, Пугающая Дама, — сказал он. — Сама Чжилань Су.

Реми схватила фотоаппарат и начала снимать.

— Не знаю, поймала ли я ее, — призналась она.

Су неожиданно остановилась, резко повернулась к рабочим и начала что-то кричать, бешено жестикулируя. Реми закрыла глаза, пытаясь разобрать слова.

— Что-то о ворах, — сообщила она. — О тех, кто крадет из ямы. О пропавших артефактах.

Су вдруг умолкла, подождала и обличая ткнула пальцем в одного из рабочих. Охранники тотчас набросились на него, один прикладом ударил его в поясницу, так что он полетел вперед и растянулся на земле, второй снова поставил его на ноги и потащил вперед. Они остановились в нескольких футах от Су. Охранник выпустил рабочего. Тот упал на колени и затараторил.

— Умоляет, — сказала Реми. — У него жена и дети. Он украл только один маленький предмет…

Су внезапно выхватила из-за пояса пистолет, сделала шаг вперед и выстрелила рабочему в лоб. Человек упал набок и замер.

Су снова заговорила. Хотя Реми больше не переводила, понять, что говорится, было нетрудно: смерть ворам.

Охранники, толкая и пихая, погнали рабочих вверх по земляной насыпи. Су последовала за ними, и вскоре яма вновь опустела, если не считать трупа. «Юпитеры» погасли.

Сэм и Реми молчали. Наконец он сказал:

— Если я и испытывал к ней хоть какое-то сочувствие, оно испарилось.

Реми кивнула.

— Мы должны помочь этим людям, Сэм.

— Несомненно. К несчастью, сегодня мы ничего не можем сделать.

— Можно похитить Су и скормить ее…

— С удовольствием, — перебил ее Сэм, — но едва ли это можно сделать, не подняв тревоги. Лучшее, что мы можем сделать, — положить конец всем делишкам Кинга.

Реми обдумала его слова и кивнула.

— Снимков будет недостаточно, — напомнила она.

— Согласен. В одном из вагончиков там наверху должен быть офис. Если и существуют документальные доказательства, мы найдем их там.

* * *

Подождав достаточно чтобы убедиться, что всякая суета улеглась, они заглянули во все туннели по очереди. Сэм караулил, Реми фотографировала.

— Здесь каликотерий. Почти в первозданном виде.

— Что, что?

— Каликотерий. Это копытное с тремя пальцами из нижнего плейстоцена — длинноногий гибрид лошади с носорогом. Они вымерли примерно семьдесят миллионов лет назад. На самом деле это очень интересно…

— Реми.

— Что?

— Может, потом?

Она улыбнулась.

— Верно. Прости.

— Насколько он ценен?

— Могу только предполагать, но, возможно, хороший образчик стоит полмиллиона долларов.

Сэм пристально осмотрел яму и спуск, но никакого движения не заметил, только одного патрульного охранника.

— Что-то говорит мне, что они опасаются не столько тех, кто заходит, сколько тех, кто уходит.

— После того, что мы сейчас видели, я вынуждена согласиться. Каков наш план?

— Если двигаться ползком, почти на самом верху спуска есть слепое пятно. Остановимся там, подождем, пока пройдет охранник, потом пробежим к ближайшему вагончику слева и нырнем под него. Тогда нам останется только найти офис.

— Так просто?

Сэм улыбнулся ей.

— Все равно что украсть окаменелость у миллиардера. — Он помолчал. — Чуть не забыл. Можно позаимствовать твой фотоаппарат?

Она передала ему камеру. Сэм пробежал на середину ямы и опустился на колени возле трупа. Пошарил в одежде мертвеца, потом перевернул, сделал снимок лица и побежал к Реми.

Он сказал:

— К утру Су прикажет похоронить тело в яме. Маловероятно, но, может, нам удастся хотя бы рассказать его семье, что с ним произошло.

Реми улыбнулась.

— Хороший ты человек, Фарго.

Они дождались, чтобы охранник-обходчик снова исчез из виду, выскользнули из туннеля и побежали вдоль стены ямы туда, куда приводил спуск. Потом снова повернули и таким же образом добрались к подножию спуска. Через тридцать секунд они лежали на животах наверху.

Теперь им ясно видна была почти вся поляна. По обе ее стороны стояли восемь вагончиков, три в ряд слева, пять широким полукругом справа. Зашторенные окна вагончиков слева светились, и изнутри доносились голоса. Из пяти вагончиков справа в трех горел свет, два оставались темными. Прямо перед тем местом, где лежали Сэм и Реми, располагались четыре похожих на склады строения из гофрированного

железа; между ними уходила из лагеря главная дорога. Натриевая лампа над дверью каждого сооружения лила на дорогу бледно-желтый свет.

— Сараи для оборудования, — предположила Реми.

Сэм кивнул.

— И если бы я спорил, в каком вагончике офис, поставил бы на тот, где окна темные.

— Согласна. Попасть туда — самая трудная часть.

Реми была права. Они не смели идти прямо к вагончикам. Достаточно, чтобы внезапно появился охранник или кто-нибудь бросил случайный взгляд в окно, и их обнаружат.

— Не будем спешить и используем три первых вагончика как укрытие.

— А если офис закрыт?

— Будем решать задачи по мере поступления. — Сэм взглянул на часы. — С минуты на минуту может показаться охранник.

Как он и предсказывал, двадцать минут спустя из-за угла ближайшего гофрированного сарая показался охранник и направился к трем вагончикам слева. Осветив каждый фонариком, он пересек поляну, повторил процедуру с остальными пятью и снова исчез из виду.

Сэм дал ему еще двадцать секунд, потом кивнул Реми. Они разом встали, пробежали остаток спуска и повернули направо к первому вагончику. Остановились за его задней стенкой и упали, используя одну из опорных стоек вагончика в качестве укрытия.

— Что-нибудь видишь? — спросил Сэм.

— Все чисто.

Они встали и прокрались вдоль задней стенки к следующему вагончику, снова остановились, осмотрелись и прислушались, прежде чем двинуться дальше. Когда остановились за третьим вагончиком, Сэм постучал по своим часам и неслышно произнес «охранник». Сквозь стену над головами они слышали голоса, говорящие по-китайски, и тихую музыку из приемника.

Сэм и Реми распростерлись на земле и застыли. Ждать пришлось недолго. Почти точно по расписанию охранник вышел на поляну слева от них и начал обход вагончиков. Затаив дыхание, Сэм и Реми следили, как луч его фонарика шарит по земле под их вагончиком.

Вдруг луч остановился. Потом продвинулся к стойке, за которой лежали Сэм и Реми, и снова остановился. Они лежали плечом к плечу, прижимаясь друг к другу, и Сэм успокаивающе сжал руку Реми. *Жди. Не шевелись.*

Спустя, как им показалось, несколько минут, а на самом деле не более десяти секунд, луч скользнул дальше. Скрип сапог охранника по гравию постепенно стих. Сэм и Реми осторожно встали и обогнули вагончик. Поглядывая направо и налево в поисках признаков движения, они подобрались к передней части вагончика и поднялись по ступенькам того, что считали офисом.

Сэм нажал на ручку. Та подалась. Они с облегчением улыбнулись. Сэм приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Отступил и покачал головой: «Склад». Они перешли к следующему вагончику. И снова, по счастью, дверь не была заперта. Сэм зашел внутрь, высунул руку из дверей и поманил Реми за собой. Она вошла и старательно закрыла за собой дверь.

Задняя стена вагончика была занята полками и ящиками с папками. Напротив двери пара побитых серых металлических столов с такими же стульями.

— Время? — прошептала Реми.

Сэм посмотрел на часы и кивнул.

Несколько секунд спустя в окне вагончика мелькнул фонарик охранника и снова исчез.

— Мы ищем что-нибудь с подробностями, что угодно, — сказал Сэм. — Названия компаний, номера счетов, декларации, накладные. Все, за что могут уцепиться следователи.

Реми кивнула.

— Надо оставить все, как было, — заявила она. — Если чего-нибудь хватятся, мы знаем, кого обвинят.

— А потом пуля. Хороший довод. — Он посмотрел на часы. — У нас три минуты.

Они начали со шкафов с папками, проверили каждый ящик, каждую папку, каждое личное дело. Камера Реми могла сохранить в памяти тысячи цифровых снимков, поэтому она фотографировала все, что выглядело хоть сколько-то значимым, используя освещение из окна вагончика.

Через три минуты они остановились и застыли. Прошел охранник, провел свой осмотр и снова ушел. Они возобновили поиски. Этот цикл повторялся четыре раза, пока они не собрали все, что смогли.

— Пора уходить, — заявил Сэм. — Вернемся к «роверу» и...

Снаружи завыла сирена.

Сэм и Реми на мгновение застыли, потом он сказал:

— За дверь!

Они прижались к стене. Снаружи хлопали двери, скрипели шаги по гравию, слышались крики.

Сэм спросил Реми:

— Что-нибудь разобрала?

Она закрыла глаза, внимательно слушая. Потом открыла:

— Сэм, я думаю, они нашли «рейнджровер».

14

Долина Лангтанг, Непал

Ответить Сэм не успел: дверь вагончика распахнулась. Кончиками пальцев Сэм остановил дверь в нескольких дюймах от их лиц. Через порог переступил один из стражников, фонариком посветил внутрь. Остановился. Сэм видел, как напряглись его плечи, обозначая поворот в их сторону.

Захлопнув дверь толчком бедра, Сэм сделал шаг вперед и носком ноги пнул охранника под колено. Тот упал; Сэм схватил его за воротник, рванул вперед и вверх, и охранник врезался лбом в край стола, застонал и обмяк. Сэм оттащил его назад и втащил за дверь. Присел рядом, проверяя пульс.

— Жив, но придет в себя не скоро.

Он перевернул охранника, стащил с его плеча автомат и встал.

Реми круглыми глазами несколько секунд смотрела на мужа.

— Очень похоже на Джеймса Бонда.

— Удача и стальной стол, — ответил он с улыбкой, пожимая плечами. — Непобедимое сочетание.

— Думаю, ты заслужил награду, — сказала Реми, тоже улыбнувшись.

— Позже. Если будет «позже».

— Хочу, чтобы было. У тебя есть план?

— Угнать автомобиль, — ответил Сэм.

Он повернулся, подошел к окну в глубине вагончика и отвел занавеску.

— Будет нелегко, но я думаю, получится.

— Проверь, что перед вагончиком, — распорядилась Реми, — а я выгляну в заднее окно.

Сэм прошел к окну на «фасаде», отвел занавеску и выглянул.

— Охранники собираются на поляне. Их около десяти. Леди Дракона не вижу.

— Может, просто заскочила к ним, чтобы выполнить грязную работу для Кинга.

— Кажется, они пытаются решить, что делать. Через секунду поймем, хватились ли они одного человека.

— Окно открыто, — сообщила Реми. — До земли футов восемь. И в десяти футах — густые деревья.

Сэм опустил занавеску.

— Лучше уйти сейчас, пока они не сориентировались. — Он снял автомат и осмотрел его. — Современный.

— Справишься?

— Предохранитель, курок, магазин… отверстие, из которого вылетает пуля. Думаю, справлюсь.

Неожиданно сигнал тревоги смолк.

Сэм подошел к входной двери и запер ее.

— Это их задержит, — объяснил он.

Он схватил ближайший стул и отнес к заднему окну. Реми забралась на сиденье и начала протискиваться в окно. Когда она спустилась, за ней последовал Сэм.

Они нырнули в деревья и начали продвигаться к гофрированным сараям. Когда за деревьями показалась задняя стена, они остановились и несколько мгновений осматривались. В отдалении перекликались охранники.

Сэм и Реми двинулись вперед, Сэм впереди, опустив автомат и нацеливая его то туда, то сюда. Добрались до сарая. Реми прошептала:

«Дверь», — и показала. Сэм кивнул. Теперь впереди шла Реми. Они скользнули вдоль стены, пока женщина плечом не уперлась в косяк. Подергала ручку. Открыто. Реми неслышно отворила дверь и заглянула внутрь. И отпрянула.

— Там два грузовика, припаркованы рядом. Похожи на военные — зеленые, двойные шины, брезентовые борта, откидной задний борт.

— Хочешь повести? — спросил Сэм.

— Конечно.

— Садись за руль того, что слева. Я выведу из строя второй, потом присоединюсь к тебе. Будь готова включить мотор и умчаться.

— Поняла.

Реми приоткрыла дверь — ровно настолько, чтобы они просочились внутрь. Они были на полпути к грузовикам, когда снаружи на дороге послышался топот. Сэм и Реми остановились у заднего борта правого грузовика. Сэм выглянул.

— Четыре человека, — сказал он. — Забираются в грузовики, по двое в кабину.

— Часть их чрезвычайного плана? — предположила Реми.

— Вероятно, — ответил Сэм. — Хорошо, план Б. Едем зайцами.

Почти одновременно заработали моторы грузовиков.

Двигаясь осторожно, чтобы дополнительная тяжесть не насторожила охранников, они взобрались на бампер грузовика, а оттуда перелезли через задний борт. С грохотом включилась коробка передач, и грузовик ринулся вперед. Державшиеся за руки Сэм и Реми споткнулись и полетели лицом вниз в кузов.

Их грузовик шел первым. Лежа плашмя в относительной темноте кузова, видя через брезент фары второй машины, Сэм и Реми позволили себе дышать полной грудью впервые за десять минут. По бокам от них к болтам с кольцами в днище кузова были привязаны деревянные ящики разной величины.

— Получилось, — прошептала Реми.

— Сплюнь.

— То есть?

— Я совершенно уверен, что это китайский армейский грузовик.

— Ты ведь не намекаешь на то, на что, мне кажется, ты намекаешь?

— Намекаю. Похоже, Кинга якшается с кем-то из китайских военных. Охранники китайцы, и оружие у них, вероятно, тоже китайское. И мы знаем, что в ящиках.

— Далеко до границы?

— Двадцать миль, может быть, двадцать пять. Четыре часа, плюс-минус.

— Достаточно времени, чтобы убраться.

— Вопрос в том, как далеко от цивилизации мы окажемся.

— Ты начинаешь портить мое безмятежное настроение, — сказала она и положила голову Сэму на плечо.

* * *

Несмотря на твердый пол и постоянные толчки, Сэм и Реми обнаружили, что рев двигателя их убаюкивает. Они дремали в сумерках, Сэм изредка просыпался и смотрел на часы.

Через час пути они очнулись от толчка и скрежета тормозов. Фары второго грузовика приблизились и ярче светили через задний клапан. Сэм сел и автоматом показал на задний борт. Реми рядом с ним села, в ее глазах был вопрос, но она ничего не сказала.

Грузовик сбавил ход, потом остановился. Фары второго грузовика погасли. Открылись и захлопнулись дверцы кабин. С обеих сторон от кузова послышался хруст гравия под ногами. Шаги остановились у заднего борта, голоса забормотали по-китайски. Сэм и Реми почувствовали запах сигаретного дыма.

Сэм повернул голову и прошептал Реми на ухо:

— Сиди совершенно неподвижно.

Она кивнула.

Двигаясь медленно, осторожно, Сэм подобрал под себя ноги, потом приподнялся и уселся на пятки. Сделав в такой позиции два шага к заднему борту, он повернул голову, прислушиваясь. Мгновением позже он опять повернулся к Реми и поднял четыре пальца. По другую сторону заднего борта стояли четыре охранника. Сэм показал на автомат, потом на солдат.

Реми передала ему автомат. Сэм положил его себе на колени, потом прижал запястье к запястью. Реми кивнула. Он жестом велел ей: ложись. Она легла.

Сэм убедился, что автомат снят с предохранителя, собрался, сделал глубокий вдох, левой рукой схватился за полог и отдернул его.

— Руки вверх! — крикнул он.

Два ближайших к бамперу солдата резко обернулись и стали одновременно пятиться. Они налетели на своих товарищей, которые пытались сеять с плеча оружие.

— Не нужно! — сказал Сэм и поднес автомат к плечу.

Несмотря на языковую пропасть, солдаты прекрасно поняли его и остановились. Сэм помахал стволом автомата, и его наконец поняли. Каждый из солдат медленно снял автомат и бросил на землю. Сэм заставил их попятиться на несколько шагов, потом перебрался через задний борт и спрыгнул.

— Все чисто, — сообщил он Реми.

Она спрыгнула на землю рядом с ним.

— Похоже, они в ужасе, — сказала она.

— Отлично. Чем сильней они испуганы, тем лучше для нас, — заметил Сэм. — Побудешь за хозяйку?

Реми собрала оружие и бросила в кузов. Сэм спросил:

— С предохранителя сняты?

— Кажется...

— Передвинь рычаг над курком с правой стороны.

— Поняла. Порядок.

Сэм, Реми и четверо китайских солдат смотрели друг на друга. Десять секунд все молчали. Наконец Сэм спросил:

— Английский?

Крайний солдат справа сказал:

— Мало английский.

— Хорошо. Ладно. Вы мои пленники.

Реми тяжело вздохнула.

— Сэм...

— Прости, всегда хотел это сказать.

— Теперь, когда ты исполнил свое желание, что нам с ними делать?

— Свяжем их и... О нет, нехорошо вышло.

— Что?

Реми взглянула на мужа. Сэм, прищурясь, смотрел куда-то за головы солдат на кабину второго грузовика. Она проследила за его взглядом и увидела в кабине фигуру. Та неожиданно пригнулась.

— Мы обсчитались, — сказал Сэм.

— Вижу.

— Садись на место водителя, Реми. Заводи мотор. Проверь...

— Не сомневайся, — ответила она, крутанулась на пятках и побежала к кабине грузовика. Мгновение спустя заработал двигатель. Четверо солдат нервно переминались и переглядывались.

— Все на борт! — крикнула Реми в окно кабины.

— Иду, дорогая, — ответил Сэм, не поворачиваясь.

Сэм крикнул солдатам:

— Пошли! Шевелись! — и махнул стволом автомата. Те расступились, открыв Сэму радиатор. Сэм поднял автомат и прицелился.

Пятый человек, прятавшийся до сих пор в кабине второго грузовика, внезапно высунулся в окно. Сэм видел, как в его сторону поворачивается автомат.

— Стой!

Человек продолжал изворачиваться, целясь.

Сэм прицелился и дважды выстрелил через ветровое стекло. Солдаты бросились врассыпную, ныряя в подлесок по обочинам дороги. Сэм услышал треск. Что-то глухо ударилось в задний борт рядом с ним. Он нырнул, юркнул за противоположный бампер, снова выглянул и трижды выстрелил туда, где, по его расчетам, находились радиатор или блок двигателя. Потом повернулся, подбежал к пассажирской дверце грузовика, распахнул ее и забрался в кабину.

— Мы злоупотребили здешним гостеприимством, — сказал он.

Реми тронулась с места и вдавила акселератор в пол.

Не проехав и ста ярдов, они поняли, что выстрелы Сэма либо прошли мимо цели, либо не возымели действия. В боковое зеркало они с Реми видели, как зажглись фары второго грузовика. Четверо солдат

выбрались из укрытия и прыгнули в машину — двое в кабину, двое в кузов. Грузовик помчался вперед.

Реми крикнула:

— Впереди узкий мост!

Сэм посмотрел. Упомянутый мост, хотя все еще в нескольких сотнях ярдов впереди, выглядел не просто узким: он был едва ли шире их грузовика.

— Скорость, Реми! — предупредил Сэм.

— Быстрее не могу.

— Я хотел сказать: сбрось скорость.

— Шутишь. Держись!

Грузовик попал в рытвину на дороге, его занесло влево, потом вправо, он подпрыгнул и снова обрушился на дорогу. Впереди вырастал мост. Еще пятьдесят ярдов.

— Ну и, конечно, — раздраженно сказала Реми. — Как же иначе.

Пусть более широкий и лучше укрепленный, этот мост был примерно таким же, как те мосты, что они преодолевали пешком.

Грузовик снова подбросило. Сэма и Реми подкинуло на сиденьях, стукнув головами о крышу кабины. Реми хмыкнула, сражаясь с рулем.

Начало моста было почти перед ними. В последнюю секунду Реми затормозила. Под скрип тормозов грузовик остановился. Их окутало облако пыли.

Сэм услышал, как переключаются передачи, и, повернувшись, увидел, что его жена дает задний ход.

— Реми, что ты задумала? — спросил он.

— Немного попятимся, — ответила она с мрачной улыбкой.

— Рискованно.

— По сравнению с тем, что мы делали сегодня вечером?

— Туше, — признал Сэм.

Реми нажала на акселератор. Мотор надсадно загудел, и грузовик начал пятиться, сначала медленно, потом набирая скорость. Сэм глянул в боковое зеркало. Сквозь пыль, поднятую при внезапной остановке, ему видны были только фары второго грузовика. Сэм высунулся в окно и дал

очередь из трех выстрелов, затем вторую. Грузовик вильнул в сторону и исчез у Сэма из виду.

Не отрывая взгляда от своего зеркала, Реми сказала:

— Они остановились. Они нас видят. Дали задний ход.

Сквозь гул двигателя они услышали хлопки выстрелов.

Оба пригнулись. Держа голову под приборной доской, Реми наклонилась вбок, чтобы лучше видеть зеркало заднего обзора. Преследующий их грузовик начал пятиться, но сочетание курса Реми на столкновение и стрельба Сэма, очевидно, испугала водителя. Грузовик кренило из стороны в сторону, его колеса с маху опускались на обочины дороги.

— Приготовься, сейчас тряхнет! — закричала Реми.

Сэм откинулся на спинку сиденья и уперся кулаками в приборную доску. Мгновение спустя грузовик остановился. Реми глянула в свое зеркало.

— Они ушли с дороги.

— Давай не задерживаться, — предложил Сэм.

— Верно.

Реми вновь поменяла направление и нажала педаль газа. Впереди снова появилось начало моста.

— Не получилось, — объявила Реми. — Они опять на дороге.

— Настойчивые, верно? Подержи грузовик с секундочку ровно, — сказал Сэм и открыл свою дверцу.

— Сэм, что ты...

— Вернусь, если понадоблюсь.

Он повесил автомат на шею и, используя в качестве опоры дверцу кабины, перебрался на подножку. Свободной рукой он ухватился за брезентовый борт и сорвал его. Схватился за стойку, перекинул левую ногу через борт и залез в кузов. Прополз к задней стенке кабины и открыл узкое окно.

— Привет, — сказал он.

— И тебе привет. Держись крепче. Я закрываю твою дверь.

Реми бросила грузовик вправо, потом влево. Открытая дверца Сэма захлопнулась. Реми спросила:

— Какой у тебя план?

— Саботаж. Они близко?

— Пятьдесят ярдов. Через десять секунд будем на мосту.

— Понял.

Сэм подполз к заднему борту. В тусклом свете обшарил пол и нашел другой автомат. Он взял его и бросил свой, потом торопливо собрал все магазины.

— Мост! — крикнула Реми. — Я торможу!

Сэм подождал, пока не услышал перекрывающееся хлопанье шин по доскам, потом по грудь высунулся сквозь клапан в брезенте, прицелился в мост и открыл огонь. Пули стучали о дерево, пробивая в нем отверстия, поднимая фонтанчики опилок. Сэм нырнул сквозь клапан обратно, сменил магазин и снова открыл огонь, теперь обстреливая то поверхность моста, то догоняющую машину, которая только еще въезжала на мост. Их грузовик вильнул влево, ударился о боковое ограждение и снова поехал прямо. Сэм увидел в окне оранжевую вспышку выстрела. Три пули ударили в задний борт под ним. Он бросился на дно кузова. Еще один тройной автоматный выстрел разорвал брезент и изрешетил кабину.

— Сэм? — позвала Реми.

— Не вышло!

— Я догадалась!

— Что думаешь о разнузданном уничтожении окаменелостей?

— Обычно я против, но это особый случай!

— Выиграй для меня немного времени!

Реми начала тормозить, потом разгоняться, надеясь помешать точной стрельбе. Сэм, лежа на животе, шарил по дну, пока не отыскал первый ремень, удерживающий ящики, и нажал на кнопку «Расстегнуть». Вскоре все ремни были расстегнуты. Сэм подполз к заднему борту и щелкнул замком откидного борта.

— Бомбы пошли, — крикнул он и вытолкнул первый ящик. Он ударился о мост, потом о бампер грузовика и разлетелся. Полетели обломки дерева и упаковочная солома.

— Не помогло, — крикнула Реми.

Сэм отполз назад, уперся плечом в штабель ящиков, ногами в стену кабины и начал толкать. Штабель со скрипом пополз по кузову. Сэм передохнул, согнул ноги и нажал изо всех сил, как полузащитник, бросающийся на специальный станок для тренировок.

Ящики съехали по заднему борту и кубарем покатились к преследующему Сэма грузовику. Сэм не стал ждать, чем кончится, и перешел ко второму штабелю.

Сзади послышался скрежет тормозов. Звон разбитого стекла. Скрип металла о дерево.

— Получилось! — крикнула Реми. — Стали как вкопанные!

Сэм встал на колени и в окошко посмотрел на Реми.

— Надолго ли?

Она глянула на него и быстро улыбнулась.

— На столько, сколько им понадобится, чтобы вытащить из-под шасси полдюжины ящиков.

15

Отель «Хаятт Ридженси»

Катманду, Непал

Сэм вышел из ванной; одно полотенце он обернул вокруг талии, вторым вытирал волосы.

— Жаждешь вкусного завтрака?

— Умираю с голоду, — ответила Реми. Она сидела перед зеркалом, собирая волосы в конский хвост, одетая в стандартное белое гостиничное полотенце.

— Закажем в номер или спустимся в ресторан?

— Погода превосходная. Давай позавтракаем на балконе.

— Звучит неплохо. — Сэм подошел к столу, снял телефонную трубку и набрал номер. — Пожалуйста, бейгл с лососем, яйцо по-бенедиктински, фрукты, тосты и кофе.

Он подождал, пока на кухне правильно повторят заказ. Потом позвонил в бар.

Когда бармен ответил, Сэм сказал:

— Можно два «Рамос Физ»? У вас есть «Рамос Физ»?

— А ты умеешь ухаживать за дамами, — заметила Реми.

— Не слишком надейся. Он такого не знает.

Сэм продолжал заказывать:

— А «Харви Волбенгер»? «Волбенгер». Водка, «Гальяно» и апельсиновый сок. Нет «Гальяно», понятно. — Сэм покачал головой, но не сдался. — Ну, хорошо, пошлите нам бутылку «Вдовы Клико».

Реми рассмеялась.

— Да ты и впрямь дамский угодник.

— Это лучшее, что вы можете? — спросил Сэм в трубку. — Ладно, пришлите хорошо охлажденным.

Он положил трубку.

— Шампанского нет. Единственное, что осталось после политической конференции, — игристое белое из Китая.

— Я не знала, что в Китае умеют делать игристое. — Реми с язвительной улыбкой посмотрела на него. — Это все, на что ты способен?

Сэм пожал плечами.

— На безрыбье и рак — рыба.

Зазвонил телефон. Сэм снял трубку.

— Минутку.

Он включил громкую связь.

— Доброе утро, Руб, — сказал Сэм в трубку.

— Для тебя — возможно, — ответил Руб. — У нас пора ужинать. Я слышал, ты и твоя очаровательная супруга наслаждаетесь очередным расслабляющим отпуском.

— Все относительно, Руб, — вступила в беседу Реми. — Как Кэти и девочки?

— Отлично. Сейчас они в «Чаке Чизе». Ваш звонок спас меня от похода туда.

— Не позволяй нам тебя задерживать, — с полуулыбкой заявил Сэм. — Мы можем поговорить позже.

— О нет, друг мой. Это важнее всего. Поверь. Ладно, быстренько просвети меня. Вы в тюрьме? Сколько местных законов вы нарушили?

— Нет, мы не в тюрьме. А если и нарушили местные законы, то не знаем, какие, — ответила Реми. — Пусть Сэм объяснит.

Хотя Сэм знал, что кое-какую предварительную информацию Руб получил от Сельмы, он начал с самого начала, с того, как Чжилань Су поднялась на их борт у Пулау-Легунди, и закончил бегством с тайных археологических раскопок Кинга.

Накануне вечером, оторвавшись от застрявших на мосту преследователей, Сэм ехал сквозь тьму и искал ориентиры, которые Реми могла бы отыскать на карте. Несколько часов кряду они впустую колесили по петляющим дорогам и по тупикам и наконец пересекли узнаваемый горный перевал — Лауребину — и вскоре въехали на окраины Феды, двадцатью с небольшим милями восточнее лагеря. Как и следовало ожидать, деревня была пуста, без признаков жизни, кроме одного строения из шлакобетона, под жестяной крышей; строение оказалось местным пабом. Преодолев существенный языковой барьер, они умудрились провернуть обмен с владельцем — свой грузовик на тридцатилетний оранжевосерый «Пежо» — и направились в Катманду. И незадолго до рассвета въехали на парковку «Хаятт Ридженси».

Руб молча выслушал рассказ Сэма. Наконец он спросил:

— Позволь удостовериться, что я все верно понял: вы сунулись в лагерь Кинга, стали свидетелями убийства, причинили серьезный ущерб силам охраны, скорее всего, из китайских солдат, угнали их грузовик, загруженный окаменелостями для черного рынка, и использовали их, как глубинные бомбы, чтобы задержать преследователей. Я ничего не упустил?

— Более или менее, — сказал Сэм.

Реми добавила:

— И еще мы привезли тридцать или больше гигов разведданных.

Руб вздохнул.

— Знаете, что я делал вчера вечером? Красил нашу главную ванную. А вы… Ладно, шлите ваши данные.

— Они уже у Сельмы. Свяжись с ней, и она даст тебе ссылку на безопасный файлообменник.

— Понятно. Я знаю, что моих боссов в Лэнгли заинтересует китайский след, и, уверен, мы найдем в ФБР тех, кому будет интересно узнать о

незаконной деятельности Кинга на черном рынке окаменелостей. Ничего не могу обещать, но попробую.

— А нам больше и не надо, — сказал Сэм.

— Более чем вероятно, что Кинг уже приказал свернуть раскопки. Сейчас это может быть только заброшенная яма в лесу.

— Мы знаем.

— Что насчет вашего друга Алтона?

— Мы наполовину надеемся, наполовину догадываемся, что разобрались с тем, что нужно Кингу, — ответила Реми. — Или по крайней мере знаем достаточно, чтобы привлечь его внимание. Позвоним ему после разговора с тобой.

— Кинг Чарли мерзавец, — предупредил Руб. — Всю его жизнь его старались свалить. И все эти люди мертвы или разорены, а ему хоть бы что.

Реми ответила:

— Что-то подсказывает нам: то, что у нас есть, для него очень важно в личном плане.

— Теурок...

— Теуранг, — поправила Реми. — Золотой Человек.

— Верно. Рискованная игра, — ответил Руб. — Если вы ошибаетесь и Кингу на эту штуку глубоко плевать, у вас останутся только обвинения в нелегальной торговле окаменелостями — и, повторяю, не поручусь, что удастся что-нибудь ему предъявить.

— Знаем, — ответил Сэм.

— И все равно собираетесь бросить кости?

— Да, — сказала Реми.

— Какой сюрприз! Кстати, пока не забыл, я кое-что еще узнал о Льюисе Кинге. Полагаю, вы слышали о Генрихе Гиммлере?

— Близкий друг Гитлера и нацист-психопат? — спросил Сэм. — Слышали о таком.

— Гиммлер и почти весь высший эшелон нацистской партии были одержимы оккультными идеями, особенно тем, что относилось к арийской чистоте и Тысячелетнему рейху. Больше всех этим интересовался Гиммлер. В тридцатые годы и во время Второй мировой войны он профинансировал несколько научных экспедиций в самые

глухие уголки мира в надежде найти доказательства, которые подкрепили бы притязания нацистов. Одна из этих экспедиций, организованная в 1938 году, за год до начала войны, отправилась в Гималаи в поисках свидетельств происхождения арийцев. Угадайте, как звали одного из ведущих ученых?

— Льюис Кинг, — ответила Реми.

— Или, как он тогда звался, профессор Льюис Кёниг.

Сэм спросил:

— Отец Чарли Кинга нацист?

— И да и нет. Если верить моим источникам, он, скорее всего, вступил в партию по необходимости, а не из идейных соображений. В те времена, если тебе требовалось государственное финансирование, нужно было вступить в партию. Есть множество отчетов ученых, проводивших поверхностное изучение нацистских теорий ради возможности заниматься чистой наукой. Льюис Кинг — превосходный образец такого поведения. По всем данным он был увлеченным археологом. Его абсолютно не интересовали арийская кровь или арийское происхождение.

— Зачем же он участвовал в экспедиции?

— Не знаю, но, возможно, причина — то, что вы нашли в пещере, этот Золотой Человек и прочее. Если Кинг не солгал, похоже, что Льюис Кинг начал свои путешествия по земному шару вскоре после иммиграции в США.

— Может, в этой экспедиции Гиммлера он нашел нечто обостривлее его интерес, — размышлял Сэм.

— И не хотел, чтобы оно попало в руки нацистов, — добавила Реми. — Он оставил его себе, выждал, пока не кончится война, и годы спустя продолжил свою работу.

— Вопрос в том, — заметил Руб, — почему Чарли Кинг продолжил дело отца? Насколько нам известно, работа отца его никогда не интересовала.

— Что если дело в Теуранге? — сказал Сэм. — Возможно, для него это еще одна окаменелость, которую можно продать?

— Может, ты прав. Если описание этой штуки хотя бы немного соответствует действительности, она должна стоить целое состояние.

Реми спросила:

— Руб, а известно, сказались ли как-нибудь обвинения Льюиса в нацизме на его сыне?

— Нет, насколько удалось узнать. Думаю, его успех говорит сам за себя. И, учитывая, насколько он безжалостен, сомневаюсь, что теперь кому-нибудь хватит духу его обвинить.

— Это скоро изменится, — заявил Сэм. — Пора поджать зону комфорта Чарли Кинга.

Они обговаривали стратегию еще несколько минут, прежде чем повесить трубку, потом Сэм набрал прямой номер Кинга. Ответили после первого же звонка.

— Кинг.

— Мистер Кинг? Это Сэм Фарго.

— А я гадал, когда вы наконец позвоните. Ваша красавица жена с вами?

— В целости и сохранности, — любезно ответила Реми.

— Кажется, наше партнерство забуксовало, — заявил Кинг. — Дети сказали мне, что вы не хотите играть в команде.

— Мы играем в команде, — ответил Сэм. — Просто в другую игру. Чарли, это вы похитили Фрэнка Алтона?

— Похитил? Зачем мне это делать?

— Это не ответ, — заметила Реми.

— Я отправил Фрэнка Алтона сделать для меня определенную работу. Он по излишней самонадеянности наступил на мозоль не тем людям. Я понятия не имею, где он.

— Еще один бессодержательный ответ, — констатировал Сэм. — Ладно, пойдем дальше. Вам нужно только слушать. Мы нашли то, что вам нужно…

— И что же это?

— Вы не слушаете. Мы нашли то, что вам нужно — то, что всю жизнь искал ваш отец. И, как вы, вероятно, догадались, нанесли визит в ваш концентрационный лагерь в долине Лангтанг.

— Не понимаю, о чем вы.

— Мы сделали тысячи снимков, в основном документов, которые мы нашли в офисе в вагончике, но есть также снимки вашей жены, или наложницы, или как вы ее там называете в уединении своего

«Гольфстрима». Нам повезло: мы сфотографировали, как она убила одного из ваших рабочих. Сфотографировали и его лицо.

Долгих десять секунд Чарли Кинг молчал. Наконец он вздохнул.

— Думаю, вы несете чушь, Сэм, но вас определенно что-то взволновало. Я вас внимательно слушаю.

— Прежде всего отпустите Фрэнка…

— Я уже сказал вам, что не знаю…

— Заткнитесь. Освободите Фрэнка Алтона. Когда он позвонит нам и скажет, что цел, невредим и находится у себя дома, мы встретимся с Расселом и Марджори и достигнем взаимопонимания.

— Так кто же сейчас говорил-говорил и ничего не сказал? — ответил Кинг.

— Это единственная сделка, какую вы можете заключить, — ответил Сэм.

— Простите, приятель, но я вынужден отклонить ваше предложение. Думаю, вы блефуете.

— Как угодно, — и Сэм дал отбой.

Он положил телефон на кофейный столик. Они с Реми переглянулись. Она спросила:

— Каковы шансы?

— Шестьдесят против сорока на то, что через минуту нам позвонят.

Она улыбнулась.

— Спорить не стану.

Через пятьдесят секунд телефон Сэма зазвонил. Сэм позволил ему прозвенеть трижды, потом поднял трубку. Чарли Кинг сказал:

— Из вас вышел бы отличный игрок в покер, Сэм Фарго. Рад, что мы в состоянии договорится. Я сделаю несколько звонков и посмотрю, что можно узнать о Фрэнке Алтоне. Ничего не обещаю, конечно, но…

— Если он не позвонит нам в течение двадцати четырех часов, сделка не состоялась.

Чарли Кинг несколько секунд молчал. Потом сказал:

— Держите телефон под рукой.

Сэм разъединил их.

Реми спросила:

— А если Кинг решит, что доказательства при нас?

— Он должен понимать, что это не так.

— Думаешь, он сделает, что обещал?

Сэм кивнул.

— Кинг достаточно умен, чтобы обезопасить себя. Те, кто похитил Фрэнка, позаботились о том, чтобы их лиц не было видно. К Кингу не ведут никакие нити, поэтому, выполняя условия, он ничего не теряет, но многое выигрывает.

— Тогда почему ты так встревожен? — спросила мужа Реми.

— Правда?

— У тебя глаза косят.

Сэм медлил.

— Говори, Сэм.

— Мы только что нанесли поражение одному из самых богатых в мире людей, помешанному на контроле социопату, который достиг своего нынешнего положения, сокрушая врагов. Он освободит Фрэнка, но что-то подсказывает мне, что сейчас он сидит в своем кабинете и планирует контратаку.

Хьюстон, Техас

В восьми тысячах миль от них Чарлз Кинг был занят именно этим.

Повесив трубку, он принялся расхаживать по кабинету, уставясь в пространство перед собой, но, ослепленный гневом, ничего не видел. Что-то бормоча себе под нос, он подошел к окну кабинета и посмотрел на город. На западе садилось солнце.

— Отлично, Фарго! — прохрипел он. — Раунд вы выиграли. Радуйтесь. Больше такого не случится. — Он подошел к столу и нажал кнопку селектора. — Марша, свяжите меня с Расселом и Марджори.

— Да, мистер Кинг, секундочку.

Через секунду он услышал:

— Папа...

— Заткнись и слушай. Марджори здесь?

— Да, папа.

— Чжилань?

— Да, мистер Кинг.

— Какого черта, по-вашему, вы, три идиота, там делаете? Фарго только что позвонили мне и разделали под орех. Говорят, Чжи, что сняли, как ты убиваешь кого-то из местных на раскопках в Лангтанге. Что там произошло?

Рассел ответил:

— Сегодня утром позвонил тамошний начальник охраны. Сказал, что они нашли подозрительную машину и подняли тревогу. Одного охранника нашли в отключке, но как будто ничего не пропало.

— Как он отключился?

— Они не знают. Может быть, упал.

— Дьявольщина! У нас есть готовый к отправке товар?

— Два грузовика, — ответила Марджори. — Как только подняли тревогу, люди полковника Чжоу их эвакуировали. Это стандартная процедура, папа.

— Не учи меня, девчонка. Грузовики прибыли к месту передачи?

Рассел ответил:

— Мы еще не получили подтверждения, но, принимая во внимание возможные задержки…

— Это все предположения. Не гадай. Возьми телефон и найди грузовики.

— Да, папа.

— Чжи, что насчет убийства? Это правда?

— Да. Один из рабочих пойман на краже. Мне нужен был показательный пример. О трупе уже позаботились.

Кинг помолчал, потом хмыкнул:

— Ну ладно. Молодец. Что касается вас, придурки… Фарго сообщили мне, что раздобыли Золотого Человека.

— Как? — спросила Марджори. — Где?

— Они лгут, — добавил Рассел.

— Возможно, но такие дела — их профиль. Потому мы их и привлекли. Думаю, мы их недооценили. Посчитали, что Алтона достаточно, чтобы держать их в узде.

Марджори сказала:

— Не суди себя слишком строго, папа.

— Цыц. Надо исходить из того, что они говорят правду. Они хотят, чтобы мы освободили Алтона. Он мог кого-нибудь увидеть или опознать?

Чжилань ответила:

— Я лишь проверила, когда прибыла сюда, мистер Кинг. Алтон ничего не знает.

— Хорошо. Освободите его. Вымойте, накормите и посадите в «Гольфстрим». Фарго сообщили, что, как только Алтон окажется дома, они встретятся с Расселом и Марджори и поговорят о передаче этого как-его-там.

— Нельзя им доверять, папа, — сказал Рассел.

— Знаю, тупица. Вы, главное, посадите Алтона в самолет, а остальное предоставьте мне. Фарго хотят жесткой игры? Они увидят, что такое по-настоящему жесткая игра.

16

Деревня Джомсом

Район Дхаулагири, Непал

Одномоторный «Пайпер Каб» резко накренился и спустился на три тысячи футов. Сидя через проход друг от друга, Сэм и Реми наблюдали, как поднимаются известково-серые утесы, грозя поглотить самолет, когда он наконец заходил на посадку. За вершинами и выше их вздымались темные, покрытые снегом пики хребтов Дхаулагири и Нилгири; их вершины скрывались в облаках.

Хотя они покинули Катманду всего часом раньше, прибытие сюда было только началом их пути: остальная его часть, езда по дороге, должна была занять еще двенадцать часов. Как все вообще в Непале, измерять расстояния по карте было почти бесполезно. Их цель, бывшая столица королевства Мустанг Ло-Монтанг, лежала всего в ста сорока милях к северо-западу от Катманду, но по воздуху туда было не добраться. Нанятый ими самолет высадит их здесь, в Джомсоме, ста двадцатью милями восточнее Катманду. Отсюда они пятьдесят миль проедут на север по долине реки Кали до Ло-Монтанга, где их встретит местный контакт Сушанта Дхарела.

Сэму и Реми приятно было уехать из относительно шумного Катманду и, как они надеялись, оказаться вне пределов досягаемости клана Кинга.

Самолет продолжал спуск, быстро снижая скорость, пока, по оценке Сэма, она не оказалась на всего несколько узлов выше скорости сваливания. Реми вопросительно посмотрела на мужа. Он улыбнулся и сказал:

— Короткая посадочная полоса. Либо гасить скорость здесь, либо бить по тормозам внизу.

— О радость!

Послышался скрип, самолет пронизала дрожь, колеса коснулись бетона, и вскоре самолет уже катил к группе зданий на южном конце посадочной полосы. Он остановился, и шум двигателей начал затихать. Сэм и Реми взяли свои рюкзаки и направились к уже открытой двери. Механик в темно-синем комбинезоне улыбнулся и жестом показал на лестницу под дверью. Реми спустилась первой, за ней Сэм.

Они пошли к зданию аэровокзала. Справа от них у ангара щипало бурую траву стадо коз. Дальше на грязной дороге виднелись несколько овцебыков, которых гнал куда-то старик в красной круглой шапочке и зеленых брюках. Изредка он хлестал отбившегося от сородичей овцебыка хворостиной, прищелкивая языком.

Реми плотнее запахнула воротник парки и заявила:

— Я бы сказала, свежо.

— Я хотел сказать «бодрит», — ответил Сэм. — Высота почти десять тысяч футов, но здесь гораздо меньше укрытий.

— И гораздо больше ветра.

Словно подчеркивая слова Реми, над бетоном пронесся порыв ветра. На несколько секунд обзор закрыли облака рыжей пыли, потом они рассеялись, и во всех подробностях открылась местность за зданиями аэропорта. Серо-коричневые утесы высотой несколько сот футов были сверху донизу покрыты бороздами, словно проведенными гигантскими пальцами. Сглаженные временем и эрозией, они казались почти рукотворными, словно стены какой-то древней крепости.

Голос у них за спиной произнес:

— Так выглядит большая часть Мустанга. По крайней мере там, где пониже.

Сэм и Реми остановились и, обернувшись, увидели мужчину лет двадцати пяти, с лохматыми светлыми волосами. Мужчина улыбался. Он спросил:

— Первый раз?

— Да, — ответил Сэм. — Но, готов спорить, вы — нет.

— В пятый. Меня можно назвать фанатом пеших походов. Для таких, как я, Джомсом — нечто вроде базового лагеря в этих местах. Меня зовут Уолли.

Сэм назвался, назвал Реми, и втроем они пошли к зданиям аэропорта. Уолли показал на несколько групп людей, стоявших вдоль поля. Большинство было одето в яркие парки, с большими рюкзаками.

— Тоже любители? — спросила Реми.

— Да. Много знакомых лиц. Думаю, можно сказать, что мы часть местной экономики. Сезон походов позволяет деревне жить. Тут никуда нельзя пойти без толпы проводников.

— А если без проводника? — спросил Сэм.

— Здесь стоит отряд непальских солдат, — ответил Уолли. — На самом деле это рэкет, но нельзя их винить. Большинство местных за год зарабатывают меньше, чем мы за неделю. Вообще-то, все не так уж плохо. Докажите, что знаете, что делаете, и проводники будут просто идти за вами и постараются не путаться под ногами.

Женщина из ближайшей группы походников крикнула:

— Эй, Уолли, мы здесь!

Тот повернулся, помахал рукой и спросил у Сэма и Реми:

— Куда направляетесь?

— В Ло-Монтанг.

— Замечательное место. Подлинное средневековье. Настоящая машина времени. У вас уже есть проводник?

Сэм кивнул.

— Наш человек в Катманду уже все устроил.

Реми спросила:

— Сколько времени займет дорога туда? На карте...

— Карты! — со смехом ответил Уолли. — Они недурны и достаточно точны на равнине, но здесь местность — как скомканная газета, которую расправили только наполовину. Все меняется. Сегодня тут земля ровная, плоская и легко пройти, а завтра это симпатичное место наполовину завалит оползнем. Ваш проводник, вероятно, пойдет в основном по ущелью реки Кали-Гандаки — сейчас там должно быть в основном

сухо, — так что считайте в целом шестьдесят миль. Не меньше двенадцати часов на машине.

— А значит, придется заночевать, — сказал Сэм.

— Угу. Спросите своего проводника. Либо у него для вас приготовлена уютная палатка, либо он приведет вас к хижине, в которой ночуют туристы. Получите удовольствие. Тропа идет по ущелью Кали-Гандаки, самому глубокому в мире. С одной стороны горы Аннапурна; с другой — Дхауалагири. В целом восемь из двадцати величайших вершин мира! А сама тропа — нечто среднее между Ютой и Марсом, парень! Взять только ступы и пещеры — они...

Женщина снова крикнула:

— Уолли!

Он сказал Сэму и Реми:

— Мне пора. Приятно было познакомиться. Счастливого пути! И держитесь после сумерек подальше от чоков.

Они обменялись рукопожатиями, и Уолли побежал к своей группе.

Сэм крикнул:

— А что такое «чоки»?

— Проводник вам расскажет, — ответил Уолли через плечо.

Сэм повернулся к Реми:

— А ступы?

— Здесь их обычно называют чортенами. В основном усыпальницы — насыпи вроде сооружений, в которых содержатся священные буддийские артефакты.

— Большие?

— Разные, размером от садового гнома до собора. Одна из крупнейших находится в Катманду. Знаменитый Будханат.

— Купол, весь обернутый молитвенными флажками?

— Он самый. В Мустанге таких очень много, в основном маленьких разновидностей. Некоторые оценивают их число в несколько тысяч, и это только вдоль реки Кали-Гандаки. Несколько лет назад Мустанг был вообще закрыт для туристов из-за боязни осквернения.

— Фарго! — послышался мужской голос. — Фарго!

Сквозь толпу пешеходов пробирался лысый непалец лет сорока пяти.

— Вы Фарго?

— Да, — ответил Сэм.

— Меня зовут Басанта Тхуле, — ответил непалец на приличном английском. — Да, я ваш проводник.

— Вы друг Прадхана? — спросила Реми.

Человек прищурился.

— Не знаю, кто это. Меня попросил встретить вас мистер Сушант Дхарел. Вы ожидали кого-то еще? Вот мои документы…

И он стал рыться в боковом кармане куртки.

— Нет, все в порядке, — с улыбкой успокоил его Сэм. — Рады познакомиться.

— И я, и я. Я возьму.

Тхуле подхватил их рюкзаки и кивком указал на здание терминала.

— Там моя машина. Идите за мной, если не возражаете.

И он пошел.

Сэм сказал Реми:

— Очень хитро, миз Бонд.

— Я что, в свои зрелые годы нажила паранойю?

— Нет, — с улыбкой ответил Сэм. — Только стала еще прекрасней. Пошли, догоним его, не то останемся без проводника.

* * *

После короткой остановки у стойки таможни, чтобы потрафить тому, что Сэм и Реми полагали молчаливой верой Мустанга в свою полуавтономию, они вышли наружу и увидели Тхуле рядом с белой «Тойотой-Лендкрузер». Судя по десятку таких же «тойот» с одинаковыми логотипами туристических компаний, этот район выбирал «тойоту». Тхуле улыбнулся им, сунул рюкзак Сэма в багажник и захлопнул крышку.

— Я договорился о ночевке, — провозгласил Тхуле.

— Разве мы не сразу выезжаем в Ло-Монтанг? — спросила Реми.

— Нет, нет. Очень плохо пускаться в путь в этот час. Лучше выехать завтра утром. Вы перекусите, отдохнете, полюбуетесь Джомсомом, а рано утром мы выедем. Идемте, идемте…

— Мы предпочитаем выехать немедленно, — сказал Сэм, не двигаясь.

Тхуле помолчал. Ненадолго задумался, поджав губы, потом заявил:

— Ну, если хотите, конечно, но оползень все равно не расчистят до утра.

— Какой оползень? — спросила Реми.

— Оползень. На дороге к Кагбени. Мы проедем по долине не больше нескольких километров. И, конечно, там будет пробка. В Мустанге сейчас много путешественников. Лучше подождать до утра, да?

Тхуле открыл заднюю дверцу «тойоты» и театральным жестом пригласил садиться.

Сэм и Реми переглянулись, пожали плечами и сели в «универсал».

Через десять минут езды по узким извилистым улицам Тхуле остановил машину перед зданием в нескольких милях на юго-запад от аэропорта. Коричневым по желтому вывеска сообщала: «Гостиница «Лунный свет». Ванны, ванные в номерах, общие ванные».

Реми с улыбкой, приподняв бровь, заметила:

— Кажется, ванны — главная достопримечательность Джомсома.

— И еще одноцветная архитектура, — добавил Сэм.

Тхуле с переднего сиденья подтвердил:

— Истинная правда. Джомсом предлагает лучшие условия проживания в округе.

Он вышел, торопливо обошел машину и открыл дверцу для Реми и подал ей руку. Она изящно оперлась на нее и вышла, Сэм за ней.

Тхуле сказал:

— Я принесу ваш багаж. Заходите. Мадам Роджа поможет вам.

Пятью минутами позже они уже были в королевском номере «Лунного света», в котором все оправдывало название, в том числе двуспальная кровать и гостиная с набором плетеной садовой мебели. Как и пообещала мадам Роджа, в номере была ванная.

— Вернусь за вами в одиннадцать утра, да? — сказал Тхуле от двери.

— Почему так поздно? — спросил Сэм.

— Из-за оползня будет…

— …а да, пробка, — закончил Сэм. — Спасибо, мистер Тхуле. Увидимся завтра.

Сэм закрыл дверь. Он услышал голос Реми из ванной:

— Сэм, посмотри-ка.

Реми с широко раскрытыми глазами стояла у гигантской медной ванны на ножках в виде когтистых лап.

— Это Бисли.

— Мне казалось, более общепринятое название «ванна», Реми.

— Очень забавно. Бисли чрезвычайно редки. Последняя была изготовлена во второй половине девятнадцатого века. Ты представляешь себе, сколько она стоит?

— Нет, но что-то подсказывает мне, что ты представляешь.

— Двенадцать тысяч долларов, плюс-минус. Это настоящее сокровище, Сэм.

— Вдобавок размером со «студебеккер». Даже не думай утащить ее в сумочке.

Реми оторвала взгляд от ванны и озорно посмотрела на Сэма.

— Большая, верно?

Сэм ответил улыбкой.

— Определенно.

— Будешь моим телохранителем?

— К вашим услугам, мадам.

Час спустя, чистые и счастливые, они сидели в гостиной. Сквозь окна балкона им видны были далекие вершины Аннапурны.

Сэм проверил телефон.

— Голосовое сообщение, — сказал он. Он выслушал его, подмигнув, дал прослушать Реми и набрал номер. Тридцать секунд спустя послышался голос Сельмы.

— Где вы?

— В краю лозы и меди, — ответил Сэм.

— Прошу прощения?

— Это я так. Есть для нас хорошие новости?

— Есть, подождите.

Мгновение спустя послышался мужской голос. Это был Фрэнк Алтон.

— Сэм, Реми... не знаю, как вы это сделали, но я обязан вам жизнью.

— Ерунда, — ответила Реми. — Ты несколько раз спасал нас в Боливии.

— Ты в порядке? — спросил Сэм.

— Несколько шишек и ушибов, но ничего серьезного.

— Джуди и детей видел?

— Да, как только вернулся домой.

Сэм сказал:

— Сельма, как дела?

— Ужасно, — ответила она.

— Рад слышать.

Основываясь на здравом уважении к возможностям Чарли Кинга и, пожалуй, отдавая небольшую дань паранойе, Сэм и Реми установили «правило принуждения»: если Сельма или кто-нибудь из них окажется под прицелом или в иной опасности, любой ответ, кроме «ужасно», будет означать «тревога».

Реми спросила:

— Фрэнк, а что ты нам можешь сказать?

— Боюсь, ничего такого, чего вы еще не знаете. Сельма ввела меня в курс. Я согласен с тем, что Кинг гад и не говорит всей правды, но ничем не могу доказать, что он стоял за похищением. Меня отправили в нокаут и схватили прямо на улице. Я не видел, как они подходят. Не могу сказать, где меня держали. Когда я очухался, у меня были завязаны глаза. Потом меня снова засунули в машину. А когда я снял повязку, я стоял у трапа «Гольфстрима».

— Кстати о необычном — ты знаком с близнецами Кинг?

— А, с этой парочкой. Они ждали меня в аэропорту. Я подумал, что попал в бертоновский ремейк «Семейки Адамсов». Полагаю, их состряпали Кинг и его Леди Дракон.

— Да, — ответил Сэм. — Что скажешь о Льюисе Кинге?

— Сто к одному, что он мертв уже не один десяток лет. Думаю, я был просто приманкой для вас.

— Мы тоже так считаем, — согласилась Реми. — Мы еще выясняем подробности, но считаем, что это как-то связано со старинной гималайской легендой.

— Золотой Человек, — ответил Фрэнк.

— Верно. Теуранг.

— Из того немногого, что мне удалось нарыть до того, как меня схватили, именно этим занимался Льюис Кинг перед своим исчезновением.

— Мы думаем, так и есть, — сказал Сэм. — Завтра мы увидимся с одним человеком в Ло-Монтанге. Если повезет, он сможет пролить больше света на эту загадку.

17

Ущелье Кали-Гандаки

Район Дхаулагири, Непал

Басанта Тхуле в четвертый раз за час остановил «Тойоту-Лендкрузер», под пупырчатыми шинами мелкие камешки, покрывавшие дно долины. Небо над головой было безоблачно голубым, холодный воздух совершенно неподвижным.

— Еще ступы, — провозгласил Тхуле, показывая в боковое окно. — Там… и там. Видите?

— Видим, — ответил Сэм; вместе с Реми они смотрели в опущенное окно со стороны Сэма. Вскоре после того, как утром они покинули Джомсом, Фарго опрометчиво выказали интерес к чортенам. И теперь Тхуле показывал им все попадающиеся по дороге ступы. До сих пор они проехали меньше двух миль.

Сэм и Реми из вежливости вылезли, обошли вокруг и сделали несколько снимков. Хотя все чортены были не выше нескольких футов, они производили впечатление: миниатюрные храмы, выкрашенные белой краской, стояли на вершинах кряжей над ущельем, как безмолвные стражи.

Сэм и Реми вернулись в «тойоту» и поехали дальше. Какое-то время ехали молча, потом Реми спросила:

— А где оползень?

Наступила долгая пауза.

— Недавно проехали, — наконец ответил Тхуле.

— Когда?

— Двадцать минут назад… каменистая осыпь возле валуна, которую мы видели. Понимаете, чтобы перекрыть эту дорогу, нужно немного.

После очередной остановки — на ланч и чтобы в очередной раз посмотреть на чортены, которую Сэм и Реми тактично объявили последней, они поехали дальше на север по извилистому руслу Кали-Гандаки и миновали несколько деревушек, которые почти не отличались от Джомсома. Иногда в предгорьях над собой они замечали пешеходов, издалека похожих на муравьев.

В начале шестого они въехали в более узкую часть ущелья. Утесы, поднимавшиеся над ними на пятьдесят футов, сомкнулись, солнце потускнело. Воздух, врывавшийся в открытое окно Сэма, заметно посвежел. Наконец Тхуле сперва сбавил скорость до пешеходной, потом свернул с дороги в каменную арку едва шире «тойоты», а потом в извилистый туннель. Шины с плеском проехали по воде ручья, и эти звуки эхом отражались от стен туннеля.

Через пятьдесят футов они выехали на продолговатую поляну примерно сорок футов шириной и полмили длиной. На северной стороне долины в скале виднелась вторая расселина. Справа по проточенной в подножии утеса канаве журчала река.

Тхуле повернул налево, сделал широкий круг, так что нос «тойоты» нацелился туда, откуда они приехали, и затормозил.

— Здесь разобьем лагерь, — объявил он. — Здесь мы защищены от ветра.

— Почему так рано?

Тхуле повернулся на своем сиденье и широко улыбнулся.

— Здесь ночь наступает быстро, и температура падает. Лучше до темноты приготовить убежище и разжечь костер.

Работая втроем, они быстро поставили палатки — пару старых штурмовых палаток фирмы «Ванго», с тонкими «пенками» и спальными мешками для минусовых температур. Когда Тхуле развел небольшой костер, Сэм зажег три керосиновые лампы, подвешенные на шестах на краю лагеря. С фонариком в руке Реми прошлась по ущелью. Тхуле упомянул, что пешеходы находили в этих местах следы канг адми. «Снежный человек» в вольном переводе, это было одно из десятка

названий для обозначения йети, гималайского бигфута. Фарго не были фанатиками этой легенды, но встречали в своих путешествиях столько необычного, что знали: не стоит легкомысленно отбрасывать местные верования; Реми решила удовлетворить свое любопытство.

Через двадцать минут она вернулась в желтый свет ламп на краю лагеря. Сэм протянул ей шерстяную шапку и спросил:

— Повезло?

— Ни следочка, — ответила Реми, убирая под шапку несколько непослушных прядей рыжеватых волос.

— Не теряйте надежды, — сказал Тхуле от костра. — Ночью мы можем услышать рев этого зверя.

— И что же мы слушаем? — спросил Сэм.

— Зависит от человека, так, да? Ребенком я однажды слышал этот крик. Похоже на… отчасти на человеческий, отчасти на медвежий. Одно из тибетских названий снежного человека «мехтех» — «человек-медведь».

— Мистер Тхуле. Это похоже на басню, сочиненную для туристов, — сказала Реми.

— Вовсе нет, мисс. Я сам его слышал. Знаю людей, которые его видели. Я лично видел овцебыка, голову которому…

— Картина нам ясна, — перебила Реми. — Так что у нас на ужин?

Ужин состоял из сухих концентратов — смешанные с кипятком, они превращались в гуляш. Сэм и Реми едали и худшее, но ненамного. После еды Тхуле искупил свой грех, разлив по чашкам дымящийся тонгба, слегка алкогольный тибетский просяной чай; пока они пили чай, на ущелье опустилась ночь. Они поболтали, еще с полчаса посидели молча, потом погасили лампы и забрались в палатки.

Уютно устроившись в своем спальном мешке, Реми читала путеводитель для пеших туристов, который загрузила в свой айпад, а Сэм при свете фонарика изучал карту местности.

Реми прошептала:

— Сэм, помнишь, Уолли в аэропорте упоминал «чоки»? Мы не расспрашивали Тхуле о них.

— Утром.

— Я думаю, лучше сейчас, — ответила она и протянула Сэму свой айпад, указав на одно место в тексте. Он прочел:

«Известные в просторечии как «чоки», эти узкие лощины, которые встречаются на протяжении всего ущелья Кали-Гандаки, весной могут становиться предательски опасными. По ночам талые воды с окрестных гор нередко мгновенно затапливают эти лощины, поднимаясь до уровня...»

Сэм перестал читать, вернул Реми айпад и прошептал:

— Упакуй вещи. Только самое необходимое. Тихо. — Потом громко крикнул: — Мистер Тхуле?

Никакого ответа.

— Мистер Тхуле?

Через несколько секунд они услышали шорох шагов по гравию, затем последовало:

— Да, мистер Фарго?

— Расскажите нам о чоках.

Долгая пауза.

— Хм... боюсь, это выражение мне незнакомо.

Снова шорох по гравию, отчетливый звук открываемой дверцы «тойоты».

Сэм торопливо расстегнул спальный мешок и выкатился из него. Уже почти одетый, он схватил куртку, натянул и тишком расстегнул клапан палатки. Выполз, посмотрел налево, направо, потом встал. В тридцати футах он с трудом различил силуэт Тхуле, рывшегося в салоне «тойоты». Сэм начал подкрадываться к «тойоте». Он был в двадцати футах от нее, когда вдруг остановился и наклонил голову.

Он услышал вначале слабый, потом все более отчетливый рев воды. Он увидел, что ручей на другой стороне лощины взбурлил, белая вода плескалась об утесы.

Позади Сэм услышал «тссс», оглянулся и увидел, что Реми высунула голову из палатки. Она показала ему поднятые вверх большие пальцы, он выставил ладонь: подожди.

Сэм подкрадывался к «тойоте». Когда до нее оставалось десять футов, он пригнулся, продолжил движение и обогнул задний бампер со стороны водителя. Там он остановился и выглянул.

Тхуле еще рылся в «тойоте», видны были только его ноги. Сэм прикинул расстояние между ними: пять футов. Он вытянул ногу, прочно поставил ее и начал перемещать свой вес вперед.

Тхуле резко обернулся. В его руке был револьвер из нержавеющей стали.

— Стойте, мистер Фарго.

Сэм остановился.

— Встаньте.

Очаровательная ломаная речь Тхуле исчезла. Сохранился лишь едва заметный акцент.

Сэм встал. Он сказал:

— Кажется мне, что следовало пробить ваши личные данные, когда вы предложили свои услуги.

— Очень не помешало бы.

— Сколько вам заплатили?

— Для богачей вроде вас и вашей жены — мелочь. Для меня — жалованье за пять лет. Хотите предложить больше?

— Разве это даст что-нибудь?

— Нет. Эти люди четко объяснили, что со мной будет, если я предам их.

Краем глаза Сэм видел, что река наступает, разливаясь, вода гудела все громче. Сэм понимал: необходимо выиграть время. Он надеялся, что человек перед ним утратит бдительность хотя бы на мгновение.

— А где настоящий Тхуле? — спросил Сэм.

— В двух футах справа от вас.

— Вы его убили?

— Это входило в задание. Когда вода спадет, его найдут — вместе с вами и вашей женой, ему разбило голову о камень.

— Вместе с вами.

— Прошу прощения?

— Если только у вас есть запасной ключ от зажигания, — ответил Сэм, похлопав себя по карману.

Тхуле невольно посмотрел внутрь «тойоты». Предвидящий это Сэм начал движение, когда еще хлопал по карману. Он был на середине

прыжка, руки в футе от Тхуле, когда тот опять резко обернулся и хлестнул его дулом пистолета; удар пришелся Сэму в лоб — скользящий удар, который тем не менее рассек кожу. Сэм, спотыкаясь, попятился и опустился на колени, он тяжело дышал.

Тхуле сделал шаг вперед и замахнулся ногой. Сэм видел, что сейчас получит пинок, и приготовился, одновременно пытаясь откатиться в сторону. Тхуле носком ноги саданул его в бок и опрокинул на спину.

— Сэм! — крикнула Реми.

Он повернул голову вправо и увидел бегущую к нему Реми.

— Хватай вещи! — прохрипел Сэм. — Следуй за мной!

— За тобой? Куда?

Двигатель «тойоты» ожил.

Двигаясь на автомате, Сэм перевернулся на живот, заставил себя подняться на колени, потом на ноги. Спотыкаясь, он добрался до шеста с лампой в шести футах от него слева. В глазах темнело от боли, но Сэм увидел вдали в расселине бурлящий двадцатифутовый белый водяной вал. Левой рукой он схватил шест с лампой, повернулся к «тойоте» и заставил себя побежать, приволакивая ноги.

Включилась коробка передач «тойоты», колеса машины закрутились, разбрасывая гравий, осыпавший ноги Сэма. Не обращая на это внимания, он продолжал двигаться. Когда «тойота» тронулась вперед, Сэм прыгнул. Его левая нога приземлилась на задний бампер, а правой рукой он ухватился за багажный рейлинг на крыше.

«Тойота» устремилась вперед, рыская на гравии, так что Сэма бросало из стороны в сторону. Он держался, подтягиваясь поближе к багажнику. Тхуле выровнял машину и помчался к выходу из ущелья, до которого теперь оставалось пятьдесят футов. Зажав ручку лампы зубами, Сэм левой рукой подкрутил фитиль. Пламя затрещало, замерцало, потом вспыхнуло ярче. Сэм снова перехватил лампу в левую руку.

«Всего один шанс», — сказал он себе.

Переведя дух, он мгновение держал лампу на расстоянии вытянутой руки, потом размахнулся и бросил ее, как гранату. Лампа крутясь пролетела над крышей машины, ударилась о капот и разбилась. Горящий керосин разлился по ветровому стеклу.

Эффект был немедленным и драматическим. Ошеломленный огненной волной перед лобовым стеклом, Тхуле запаниковал, крутанул руль сперва влево, потом вправо, и этот двойной зигзаг поставил «тойоту» на два колеса. Сэм сорвался. Он почувствовал, что летит. Увидел несущуюся

навстречу землю. В последнее мгновение свернулся в клубок, врезался бедром в землю и покатился. Сознание смутно отметило грохот, звон стекла и скрежет металла. Сэм перевернулся и заморгал, чтобы прочистить глаза.

Разбитая «Тойота» застряла капотом в узком выходе из расщелины.

Сэм услышал шаги, потом голос наклонившейся к нему Реми:

— Сэм... Сэм! Ты ранен?

— Не знаю. Не думаю.

— У тебя кровь.

Сэм коснулся пальцами лба и посмотрел на кровь.

— Рассечение, — понял он. Схватил горсть земли и приложил к ране.

Реми сказала:

— Сэм, не надо...

— Видишь? Уже лучше.

— Что-нибудь сломано?

— Не чувствую. Помоги мне встать.

Она поднырнула ему под плечо, и вместе они встали.

Сэм спросил:

— Где...

Словно в ответ на его вопрос, их ноги окатило водой. Через несколько секунд она добралась до лодыжек.

— Помяни черта, — сказал Сэм.

Они одновременно повернулись. Вода врывалась через северный конец ущелья.

Теперь вода поднялась до икр.

— Холодная, — заметила Реми.

— «Холодная» — это очень мягко сказано, — ответил Сэм. — Что наше снаряжение?

— Все стоящее — в моем рюкзаке, — сказала Реми, поворачиваясь, чтобы он увидел рюкзак у нее за плечами. — Он мертв?

— Либо мертв, либо без сознания. Иначе бы он уже стрелял. Надо завести эту колымагу. Единственный способ обогнать воду.

Они направились к «тойоте». Реми впереди, Сэм хромал следом. Подойдя к заднему бамперу, она сбавила шаг, прокралась к дверце со стороны водителя и заглянула.

Потом сказала:

— Вырубился.

Шаркая, подошел Сэм, вдвоем они открыли дверцу и вытащили Тхуле. Он упал в воду.

На невысказанный вопрос Реми Сэм ответил:

— За него переживать некогда. Через минуту тут все уйдет под воду.

Реми залезла в «тойоту» и перебралась на пассажирское сиденье. Сэм последовал за ней и захлопнул дверцу. Повернул ключ зажигания. Стартер зашумел, затарахтел, но двигатель отказывался заводиться.

— Ну же… — потребовал Сэм.

Он снова повернул ключ. Мотор завелся, кашлянул, стих.

— Еще раз, — сказала Реми, улыбнулась и скрестила пальцы.

Сэм закрыл глаза, перевел дух и снова повернул ключ.

Стартер затрещал, двигатель кашлянул, потом снова и с грохотом заработал.

Сэм уже собрался включить передачу, как они почувствовали, что «тойота» дернулась вперед. Реми повернулась и увидела, что вода плещется о нижний край дверцы.

— Сэм, — предупредила она.

Не отрывая взгляда от зеркала заднего обзора, Сэм ответил:

— Вижу.

Он дал задний ход и вдавил акселератор. Колеса четырехприводной машины вгрызлись в землю. «Тойота» начала пятиться, задние боковые панели заскрежетали о скалы.

Их снова заталкивало вперед.

— Пробуксовываю, — сказал Сэм, тревожась, что поднимающаяся вода зальет двигатель.

Он снова нажал на газ, и они почувствовали, как шины сцепились с поверхностью, но тотчас снова утратили сцепление.

Сэм ударил по рулю.

— Проклятие!

— Мы поплыли, — сообщила Реми.

Не успели эти слова слететь с ее губ, как капот «тойоты» глубже оттолкнуло в расселину. Нос у нее был тяжелее из-за двигателя, и машина начала наклоняться вперед. Поток толкал ее под заднюю часть вверх.

Мгновение Сэм и Реми молчали, слушая, как шумит вокруг машины быстрая вода, и упираясь в приборную доску по мере того, как машина все больше наклонялась.

— Сколько мы продержимся в воде? — спросила Реми.

— Если нас не раздавит в кашу? Пять минут. Потом до нас доберется холод, а затем тело перестанет нас слушаться и мы уйдем под воду.

Вода хлынула сквозь щели в дверцах.

Реми предложила:

— Тогда давай не будем так делать.

— Верно. — Сэм закрыл глаза, соображая. Потом: — Лебедка. Они есть в каждом бампере.

Он поискал на приборной доске. Нашел переключатель с надписью «Назад» и переставил его из положения «выключено» в нейтральное. Потом сказал Реми:

— Когда я скажу, переставь на «включено».

— Думаешь, он достаточно мощный, чтобы вытащить нас?

— Нет, — ответил Сэм. — Мне нужен налобный фонарь.

Реми порылась в рюкзаке и достала фонарь. Сэм прикрепил его к голове, чмокнул жену в щеку и перебрался через сиденье, используя в качестве опоры подголовник. Он повторял этот маневр, пока не оказался в грузовом отсеке «тойоты». Потом отпер замок стекла пятой двери, лег на спину, уперся в сиденье и пинал это стекло, пока то не сорвалось с петель в воду.

Внизу вода струилась под шасси «тойоты». Вокруг клубился ледяной туман. Реми крикнула:

— Мотор заглох.

Сэм высунулся из машины по пояс, опустил руки и ухватился за крюк лебедки. Перебирая руками, он начал выбирать слабину.

Лебедку заело.

— Перебирайся ко мне!

Реми перелезла через спинку переднего сиденья, потянулась назад, вытащила оттуда свой рюкзак и передала Сэму. Потом, держась за его вытянутую руку, начала перелезать к нему.

— Нет! — вскрикнула она.

— Что?

Сэм посмотрел вниз. Луч его фонаря осветил призрачно белое лицо, прижатое к пластику.

— Прости, — извинился Сэм. — Забыл тебя предупредить. Познакомься с настоящим мистером Тхуле.

— Бедняга.

«Тойота» содрогнулась, скользнула на несколько футов в сторону и остановилась, крепко зажатая в узком выходе, стоя строго вертикально.

Реми оторвала взгляд от мертвеца и сказала:

— Полагаю, придется опять лезть по скалам.

— Если повезет.

Сэм заглянул за заднюю дверь. Вода уже закрыла задние колеса.

— Сколько у нас времени? — спросила Реми.

— Две минуты. Помоги.

Он повернулся боком, и Реми помогла ему надеть рюкзак. Затем Сэм перекинул через край заднего окна правую ногу, потом левую, потом медленно встал, раскинув руки для равновесия. Обретя устойчивость, он осветил фонарем скалу рядом с «тойотой».

Только с третьего раза он нашел, что искал: вертикальную щель два дюйма шириной в пятнадцати футах над ними и в пяти футах справа. Выше ряд опор для рук вел к вершине утеса.

— Хорошо, давай сюда, — предложил Сэм Реми.

Она протянула ему крюк лебедки. Сэм наклонился и схватил его. Поскользнулся и упал на колено. Вернул себе равновесие и снова

выпрямился, на этот раз левой рукой ухватившись за багажник на крыше «тойоты».

— Лови, ковбой, — с отважной улыбкой сказала Реми.

Держа трос с болтающимся на нем крюком в правой руке, Сэм раскрутил его, как пропеллер, и когда крюк набрал достаточную инерцию, Сэм метнул его. Крюк со звоном ударился о скалу, скользнул по трещине вбок и упал в воду.

Сэм вытащил его и повторил попытку. Вновь неудачно.

Почувствовав, как вода заливает левую ступню, он посмотрел вниз. Вода поднялась выше бампера и теперь плескалась о заднюю дверь.

— У нас прибавилось течей, — сообщила Реми.

Сэм снова метнул крюк. На этот раз он аккуратно вошел в трещину, но сразу выскочил и съехал вниз.

— Три раза отмерь, в четвертый отрежь, верно?

— Мне кажется, там говорится...

— Фарго, поддержи меня.

Сэм усмехнулся.

— Ладно.

Сэм постарался забыть о воде и о том, как колотится его сердце. Он закрыл глаза, собрался, открыл глаза и снова начал раскручивать крюк.

И бросил.

Крюк полетел вверх, лязгнул о камень и заскользил к трещине. Сэм понял, что скорость слишком велика. И, когда крюк оказался над трещиной, рванул трос в сторону. Крюк, как атакующая змея, дернулся назад и засел в трещине.

Сэм осторожно потянул трос. Тот выдержал. Сэм потянул снова. Крюк сорвался и снова закрепился. Тогда, перебирая руками, Сэм начал выбирать слабину, пока крюк не ушел в расселину по самое ушко.

— Йии-хо! — крикнула Реми.

Сэм протянул руку и помог Реми перебраться через задний борт. Вода заливала им ноги и лилась в салон «тойоты». Реми кивком показала на труп мистера Тхуле.

— Мы ведь не сможем взять его с собой?

— Давай не искушать судьбу, — ответил Сэм. — Но мы добавим его к списку дел, за которые придется ответить Чарлзу Кингу и его злобным отродьям.

Реми со вздохом кивнула.

Сэм величественно показал на трос.

— Дамы вперед.

18

Ло-Монтанг,

Мустанг, Непал

Через двадцать часов после того как Сэм и Реми поднялись на вершину утеса, бросив «тойоту» на милость вод Кали-Гандаки, грузовик-пикап, в кузове которого они ехали, затормозил на развилке немощеной дороги. Водитель, беззубый непалец со стрижкой ежиком, крикнул через окно в задней стенке кабины:

— Ло-Монтанг, — и показал на дорогу, уходящую к северу.

Сэм осторожно разбудил Реми, которая спала, свернувшись возле мешка с кормом для коз, и сказал:

— Дом, милый дом.

Реми застонала, оттолкнулась от грубой мешковины и села, зевая.

— Я видела очень странный сон, — сообщила она. — Что-то вроде «Приключений Посейдона», но мы застряли внутри «Тойоты-Лендкрузер».

— Правда бывает удивительней выдумки.

— Мы на месте?

— Более или менее.

Сэм и Реми поблагодарили водителя, вышли и посмотрели, как грузовик повернул на южную дорогу и исчез за поворотом.

— Языковой барьер очень мешает, — заметила Реми.

Владевшие вместе всего несколькими разрозненными непальскими словами и фразами, Сэм и Реми не сумели объяснить шоферу, что тот, вероятно, спас им жизнь. Сам он считал, что подобрал двух туристов,

отставших от своей группы. Его снисходительная улыбка свидетельствовала, что такое в этих местах не редкость.

Теперь, усталые, но, к счастью, согревшиеся и сухие, они стояли на подступах к месту своего назначения.

Окруженная высокой стеной из пестрого набора камней, кирпича и замешанного из соломы и глины раствора, древняя столица некогда великого королевства Мустанг была невелика и занимала квадрат со стороной половина мили в неглубокой долине, окруженной низкими пологими холмами. Внутри стен Ло-Монтанга большая часть строений также была из глины и кирпича, все — выкрашены в разнообразные оттенки белого цвета, от сероватого до коричневатого, и накрыты многослойными соломенными крышами. Над всеми поднимались четыре здания: королевский дворец, и храмы Чоди, Чампа и Тугчен с красными крышами.

— Цивилизация, — сказала Реми.

— Все относительно, — согласился Сэм.

После того как они, как им казалось, много дней скитались по диким просторам Мустанга, средневековый Ло-Монтанг казался положительно столицей.

Они пошли по немощеной дороге к главным воротам. На полпути рядом с ними появился мальчик лет восьми-десяти, который рванулся к ним с криком:

— Фарго? Фарго?

Сэм приветственно поднял руку и сказал по-непальски:

— Намаете. Хойна (Да. Здравствуй).

Мальчик, теперь широко улыбавшийся, остановился перед ними и произнес:

— За мной, да? За мной?

— Хойна, — ответила Реми.

Проведя их по извилистым переулкам Ло-Монтанга под любопытными взглядами сотен поселян, мальчик остановился перед толстой деревянной дверью в побеленной стене. Он поднял потускневший латунный дверной молоток, дважды постучал и сказал Сэму и Реми:

— Фери бхетаунла, — после чего скрылся в переулке.

Они услышали внутри здания шаги по деревянному полу, и несколько секунд спустя дверь распахнулась, показался хрупкий мужчина за шестьдесят, с длинными седыми волосами и такой же бородой. У него было очень морщинистое загорелое лицо. К их удивлению, он произнес на превосходном английском, на каком говорят сливки общества:

— Доброе утро. Сэм и Реми Фарго, я полагаю?

После недолгого колебания Сэм ответил:

— Да. Доброе утро. Мы ищем мистера Карна. Эту встречу организовал Сушант Дхарел из университета Катманду.

— Да, организовал. И да, вы нашли.

— Прошу прощения? — переспросила Реми.

— Джек Карна — это я. Но что же это я! Пожалуйте в дом.

Он посторонился, Сэм и Реми вошли. Внутри, как и снаружи, стены были оштукатурены и выбелены, а пол состоял из старых, но хорошо выскобленных досок. Пол покрывало несколько ковров в тибетском стиле, а на стенах кое-где висели гобелены и пергаменты в рамках. Вдоль западной стены под окнами с широкими подоконниками была зона отдыха с подушками и низким кофейным столиком. У восточной стены — пузатая печь. Небольшой коридор вел из комнаты в помещение, похожее на спальню.

Карна сказал:

— Я собирался высылать за вами поисковую группу. У вас усталый вид. Все ли в порядке?

— На пути мы встретились с некоторыми препятствиями, — ответил Сэм.

— Да уж, действительно встретились. Я узнал об этом несколько часов назад. Группа пеших туристов нашла разбитую машину проводника в одном из чоков к югу отсюда. Около Кагбени на берег выбросило два тела. Я опасался худшего. — Прежде чем они успели ответить, Карна повел их к подушкам и усадил. — Чай готов. Секундочку.

Через несколько минут он поставил на стол серебряный чайный сервиз и тарелку с грудой пшеничных лепешек и сэндвичей с огурцами на хлебе без корочки.

— Ну вот. Теперь рассказывайте, — предложил Карна.

Сэм рассказал об их путешествии начиная с прибытия в Джомсом и заканчивая приездом в Ло-Монтанг. Он ни разу не упомянул об участии Кинга в попытке убийства. На протяжении всего рассказа Карна не

задал ни одного вопроса и никак не реагировал, разве что изредка приподнимал бровь.

— Необычайная история, — сказал он наконец. — И вы не знаете имени этого самозванца?

— Нет, — заявила Реми. — Он торопился.

— Могу себе представить. И совершенно голливудское спасение.

— К несчастью, это в порядке вещей, — произнес Сэм.

Карна усмехнулся.

— Прежде чем мы продолжим, мне необходимо известить о случившемся местных брахманов — наш совет.

— Это необходимо? — спросил Сэм.

— Необходимо и пойдет вам во благо. Вы в Ло-Монтанге, мистер и миссис Фарго. Возможно, мы и часть Непала, но мы вполне автономны. Не бойтесь, вас не сочтут ответственными за происшедшее, и, если только совет не сочтет это абсолютно необходимым, непальское правительство не поставят в известность. Здесь вы в безопасности.

Сэм и Реми обдумали его слова и дали согласие.

Карна взял с пола у своей подушки медный колокольчик и один раз позвонил. Десять секунд спустя из бокового коридора появился тот самый мальчик, что встретил их на дороге. Он остановился перед Карной и коротко поклонился.

Тридцать секунд Карна быстро говорил что-то мальчику на языке, похожем на лова. Мальчик задал один вопрос, снова поклонился, прошел к парадной двери и вышел.

Карна сказал:

— Долой страх. Все будет хорошо.

— Простите, — обратилась к нему Реми, — но мы умираем от любопытства: вы говорите как…

— В Оксфорде, да. На самом деле я британец, хотя не был дома… лет пятнадцать, наверное. Этим летом исполнилось тридцать восемь лет, как я живу в Мустанге. И почти все это время в этом самом доме.

— Как вы оказались здесь? — спросил Сэм.

— Собственно говоря, я приехал сюда студентом. В основном антропология, но и некоторые побочные интересы. Провел здесь три месяца в 1973 году, потом уехал домой. Но не прошло и двух недель, как

я понял, что, как говорится, заболел Мустангом, поэтому вернулся и больше уже не уезжал. Местные священники считают меня одним из них — реинкарнацией, конечно. — Мистер Карна улыбнулся и пожал плечами. — Кто знает? Но, несомненно, только здесь я чувствую себя дома.

— Захватывающе, — сказал Сэм. — Чем вы занимаетесь?

— Думаю, меня можно назвать архивариусом. И историком. Моя главная цель — документирование истории Мустанга. Но не той, о которой вы читаете в «Википедии». — Он заметил удивление Реми и с улыбкой заявил: — Да, я знаю о «Википедии». У меня здесь спутниковый Интернет. Удивительно, принимая во внимание удаленность этого места.

— Весьма, — согласилась Реми.

— Я пишу — уже почти двенадцать лет — книгу, которая, если повезет, станет всесторонней и исчерпывающей историей Мустанга и Ло-Монтанга. Тайной историей, если угодно.

— Это объясняет, почему Сушант решил, что мы нам необходимо встретиться с вами, — сказал Сэм.

— Действительно. Он говорил мне, что вас особенно интересует легенда о Теуранге. О Золотом Человеке.

— Да, — ответила Реми.

— Но он, однако, не сказал мне почему. — Карна стал серьезен и проницательно смотрел на Сэма и Реми. Прежде чем они смогли ответить, он продолжил: — Пожалуйста, поймите. Не хочу вас обидеть, но ваша слава вас опередила. Вы профессиональные охотники за сокровищами, не так ли?

— Мы предпочитаем другие названия, — ответил Сэм, — но технически это верно.

Реми добавила:

— Мы не оставляем себе ничего из найденного. Все финансовые компенсации уходят в наш фонд.

— Да, я читал об этом. На самом деле у вас прекрасная репутация. Но понимаете, беда в том, что у меня уже были гости. Люди, которые искали Теуранг. Боюсь, из самых низменных побуждений.

— А эти люди случайно не были молодыми мужчиной и женщиной? — спросил Сэм. — Близнецы, белые, но с азиатскими чертами.

Карна вскинул левую бровь:

— Точное описание. Они побывали здесь несколько месяцев назад.

Сэм и Реми переглянулись. Про себя оба они решили, что могут и должны довериться Карне. Они были в очень далеком глухом месте, а попытка покушения накануне подсказала им, что Чарлз Кинг перестал церемониться. Им теперь нужны не только знания Карны — нужен верный союзник.

— Их зовут Рассел и Марджори Кинг. Их отец Чарлз Кинг…

— Король Чарли, — перебил Карна. — В прошлом году я читал о нем статью в «Уолл-стрит джорнел». Как я понял, человек не без удальства. Игрок. Неотесанный кретин, да.

— Очень могущественный неотесанный кретин, — заметила Реми.

— Но почему он хочет вашей смерти?

— Точно не знаем, — ответил Сэм, — но убеждены, что он охотится за Теурангом.

И Сэм рассказал обо всем, что связывало их с Чарлзом Кингом, на сей раз он ни о чем не умолчал. Он объяснил Карне, что они знают, о чем подозревают и что остается загадкой.

— Что ж, одну загадку я могу разгадать немедленно, — заявил Кинг. — Эти злобные близнецы, дети Кинга, назвали мне вымышленное имя. Но, будучи у меня, упоминали Льюиса «Булли» Кинга. Когда я рассказал им то, что собираюсь сейчас рассказать вам, их это как будто бы не потрясло. Странно, если учесть, кто они.

— А что вы им сказали?

— Что Льюис Кинг мертв. Он умер в 1982 году.

19

Ло-Монтанг,

Мустанг, Непал

Потрясенные, Сэм и Реми несколько мгновений молчали. Наконец Реми произнесла:

— Как он умер?

— Упал в расщелину в десяти милях отсюда. Вообще-то я помогал извлекать его тело. Он похоронен на местном кладбище.

— И вы рассказали об этом близнецам? — спросил Сэм.

— Конечно. Их реакцией было… разочарование, я полагаю. Теперь, когда я знаю, кто они, это кажется мне особенной бесчувственностью, верно.

— Это в семейном характере, — ответила Реми. — Они объяснили, зачем его ищут?

— Они были чрезвычайно скрытны, почему я и нашел предлог, чтобы сократить их визит. Тогда я смог только понять, что они ищут Кинга и интересуются Теурангом. Мне не очень хотелось разоблачать их ложь. Приятно знать, что чутье меня не подвело. Итак, ясно, что, нанимая вас, Чарлз Кинг знал, что его отец мертв.

— И знал, нанимая Алтона, — заметил Сэм. — Рассказ о снимке Льюиса — очередная фальшивка.

— И все это придумано, чтобы вовлечь вас в охоту за Золотым Человеком, — добавил Карна. — Этот Кинг мыслит не очень глубоко, да? Он рассчитывал, что вы явитесь сюда в поисках своего друга, потом, ничего не подозревая, включитесь в охоту за Теурангом и приведете близнецов прямо к нему.

— Кажется, так, — согласился Реми. — Лучший план…

— Для неотесанного кретина и его отвратительных отпрысков, — закончил Карна. — Главный вопрос: почему Теуранг так важен для Кинга? Может, он тайный нацист и подхватил знамя экспедиции своего отца?

— Мы так не думаем, — сказал Сэм. — Мы начинаем гадать, не ответвление ли это его побочного бизнеса — нелегальной торговли окаменелостями. В любом случае, ради обладания Теурангом Кинги похищали и убивали людей.

— Не говоря уж о рабском труде, — добавила Реми. — Люди на раскопках не могут приходить и уходить по своему желанию.

— Это тоже. Независимо от мотивов мы не можем допустить, чтобы Золотой Человек попал к ним в руки.

Карна взял чашку и поднял ее в салюте.

— Итак, решено: мы объявляем войну семье Кинг. Все за одного?

Сэм и Реми подняли свои чашки и в один голос ответили:

— И один за всех.

* * *

— Расскажите подробней о погребальной камере, которую вы обнаружили, — сказал Карна. — Ни о чем не умалчивайте.

Реми кратко описала нишу, которую они нашли в пещере ущелья Чобар, потом достала из рюкзака свой айпад и нашла снимки, сделанные во время исследования. Она протянула планшет Карне.

Зачарованный айпадом, он некоторое время вертел его в руках и возился с интерфейсом, потом круглыми глазами посмотрел на Сэма и Реми.

— Нужно купить такой! Ну ладно… к делу.

Следующие десять минут он разглядывал сделанные Реми снимки, панорамируя и увеличивая изображение, цокая языком и бормоча «поразительно» и «невероятно». Наконец он вернул айпад Реми.

— Вы внесли огромный вклад в историю, — заявил Карна. — Хотя сомнительно, что большой мир осознает значение вашей находки, народ Мустанга и Непала определенно оценит ее. Вы обнаружили место упокоения Хранителя. Четыре значка, выгравированные на крышке ларца… Нет ли у вас фото получше?

— Нет, к сожалению.

— А где сейчас ларец?

Сэм ответил:

— В Сан-Диего, у Сельмы, нашего главного исследователя.

— О боже. А она…

— Вполне понимает, что делает, — сказала Реми. — Она старается открыть ящик — осторожно, чтобы не повредить.

— Очень хорошо. Я, пожалуй, мог бы помочь ей в этом.

— Вы знаете, что там внутри?

— Возможно. Вскоре я к этому перейду. Что рассказал вам Сушант о Хранителях и Теуранге?

— Дал хороший обзор, — сообщила Реми, — и дал понять, что настоящий эксперт — вы.

— Это чрезвычайно верно. Ну-с, Хранители были стражами Теуранга. Эта честь передавалась от отца к сыну. С шести лет их готовили только к одной цели. Указ Химаншу 1421 года — это один из четырех случаев, когда Теуранг эвакуировали из Ло-Монтанга. Предыдущие три случая, каждому из которых предшествовало вторжение, закончились

благополучно, и Теуранг впоследствии возвращался в столицу. Но вторжение 1421 года было иным. «Военачальник» того времени Долма убедил короля и его советников, что это вторжение будет иным. Он был уверен, что оно означает конец эры Мустанга. Не говоря уж о пророчестве.

— О пророчестве? — переспросил Сэм.

— Да. Избавлю вас от подробностей, связанных с буддистской легендой и нумерологией, но пророчество утверждало, что настанет время, когда королевство Мустанг падет, и единственный способ восстановить его — вернуть Теуранг на место его рождения.

— Сюда? — спросила Реми. — Так нам сказал Сушант.

— Мой дорогой друг ошибается. Но, право же, это не его вина. Распространенная история Мустанга и Теуранга в лучшем случае полна слепых пятен. Прежде всего вы должны кое-что понять: народ Мустанга никогда не считал себя владельцем Золотого Человека, скорее, его стражем и хранителем. Как Сушант описал вам природу Теуранга?

— Его наружность?

— Нет, его… природу.

— Мне кажется, он использовал термин «жизнедаритель».

Карна ненадолго задумался, потом пожал плечами.

— Возможно, метафора. Миссис Фарго, вы ведь по образованию антрополог?

— Верно.

— Хорошо, хорошо. Минуточку.

Карна встал и исчез в боковом коридоре. Они услышали такие звуки, будто на полке перебирали книги, потом Карна вернулся. Он принес два тома в кожаных переплетах и конверт из плотной бумаги, толщиной в дюйм. Сел, полистал книги, нашел то, что искал, потом отложил книги в сторону, раскрытыми страницами на пол.

И сказал:

— Королевство Мустанг никогда не могло похвастать пышностью и великолепием. Архитектура здесь в основном функциональная, скромная, как и люди — но когда-то они были очень образованными и во многих отношениях превосходили Запад.

Карна повернулся к Реми. И спросил:

— Вы антрополог. Что вы знаете об Арди?

— Об археологической находке?

— Верно.

Реми на минуту задумалась.

— Я давно не читала отчеты, но вот что я помню: Арди — прозвище, данное окаменелости возрастом четыре с половиной миллиона лет, найденной в Эфиопии. Насколько помню, научное название Ardipithecus ramidus.

Хотя находка вызывает многочисленные споры, принято считать, что Арди — недостающее звено в эволюции человека, мостик между высшими приматами вроде обезьян, человекообразных обезьян и собственно человека, и их более отдаленными предками вроде лемуров.

— Отлично. И его характеристики?

— Скелет как у лемура, но с признаками приматов: руки, способные держать предмет, противопоставленные большие пальцы, пальцы с ногтями, но без когтей, короткие конечности. Я что-нибудь упустила?

— Пятерка! — ответил Карна. Он раскрыл конверт, достал оттуда цветную фотографию десять на восемь и протянул Сэму и Реми. — Вот Арди.

Как и описала Реми, окаменелое существо, лежащее на боку на земле, походило на помесь лемура с обезьяной.

— А теперь, — сказал Карна, — вот как нарисовал Теуранга известный художник.

Он достал другой листок и протянул им. На цветной репродукции было изображено гориллоподобное существо с массивными руками и приплюснутой головой, на которой бросались в глаза широкий рот с клыками и огромный торчащий наружу язык. Вместо ног существо поддерживала колонна из мышц, оканчивавшаяся единственной ступней с перепонками.

— Видите какое-нибудь сходство с Арди? — спросил Карна.

— Нет, — ответил Сэм. — Похоже на мультик.

— Поистине. Рисунок сделан по легенде о первом короле Тибета Ньятри Ценпо, который, как говорят, был потомком Теуранга. За тысячелетия Теуранг стал в Тибете чем-то вроде страшилища. Но версия Мустанга совершенно иная.

Он поднял одну из книг и подал Сэму и Реми.

На открытой странице был примитивный, но очень стилизованный рисунок. Общий стиль был бесспорно буддийский, но не узнать изображение было невозможно.

Реми спросила:

— Арди?

— Да, — ответил Карна. — Словно вдруг оживший. Я считаю, что это наиболее точное изображение Теуранга. То, на что вы смотрите, мистер и миссис Фарго, и есть Золотой Человек.

Сэм и Реми целую минуту молчали; они смотрели на рисунок и пытались усвоить слова Карны. Наконец Сэм сказал:

— Вы ведь не хотите сказать, что это существо...

— Жило в современном Мустанге? Нет, конечно нет. Я подозреваю, что Теуранг — это дальний родственник Арди, вероятно, гораздо более позднее недостающее звено, но определенно возрастом в миллионы лет. У меня есть и другие рисунки, на которых Теуранг изображен со всеми признаками Арди: хватательной кистью, противопоставлением больших пальцев. На этих рисунках черты лица более схожи с приматами.

— А почему его назвали Золотым Человеком? — спросил Сэм.

— Легенда утверждает, что в королевском дворце в Ло-Монтанге скелет Теуранга был полностью собран — так, что казался человеческим. В 1315 году, вскоре после основания Ло-Монтанга, первый король Мустанга Аме Пал решил, что Теурангу недостает величия. Он приказал одеть кости Теуранга в золото, а глаза и кончики пальцев украсить драгоценными камнями. Зубы, которые, по слухам, сохранились почти нетронутыми, покрыли золотым листом.

— Должно быть, вот была картина! — заявила Реми.

— «Кричащая», называю я это, но кто я такой, чтобы спорить с Аме Палом?

Реми сказала:

— То есть здешние люди выработали теорию эволюцию до Дарвина?

— Теорию? Нет. Твердое убеждение? Несомненно. За без малого тридцать лет, что я провел здесь, я нашел тексты и произведения искусства, которые свидетельствуют: люди Мустанга твердо верили, что человек произошел от более ранних существ, в особенности от приматов. Я могу показать вам пещерные рисунки, на которых отчетливо изображен путь развития от низших существ к современному человеку.

И что еще важнее, вопреки распространенным представлениям Теуранга почитали не в религиозном, а в историческом смысле.

— А откуда происходит легенда? — спросил Сэм. — Где и когда нашли Теуранга?

— Никто не знает — по крайней мере никто, кого я разыскал. Надеюсь, я сумею ответить на этот вопрос при жизни. Может, ваше открытие и есть недостающий кусочек головоломки.

— Вы считаете, что в найденном нами ларце Теуранг?

— Если только не произошла ужасная ошибка. Хранителей, помимо прочего, учили искусству ориентироваться по звездам. Нет, я совершенно уверен, что вы нашли Хранителя именно там, куда ему было приказано идти.

— Тогда что, по-вашему, внутри?

— Либо ничего, либо ключ к месту рождения Теуранга — к тому месту, куда его приказано было отнести в 1421 году.

— Что за ключ? — спросила Реми.

— Диск диаметром примерно четыре дюйма, выкованный из золота и украшенный определенными символами. Если совместить этот диск с еще двумя такими же и особой картой, он укажет место последнего отдохновения Теуранга.

— И вы больше ничего не знаете? — спросил Сэм.

— Знаю название места.

— Что же это за название?

— Древний перевод довольно сложен, но вы знаете это место под его распространенным названием — Шангри-Ла.

20

Ло-Монтанг,

Мустанг, Непал

Карна сказал:

— Судя по вашим лицам, вы думаете, что я вас подкалываю.

— Вы не кажетесь нам шутником, — заявил Сэм, — но согласитесь: Шангри-Ла — всего лишь сказка.

— Правда? А что вы о ней знаете?

— Это вымышленная утопия, долина где-то в Гималаях, где живут невероятно счастливые и свободные от тревог и забот люди.

—Ты забыл «бессмертные», — подсказала Реми.

— Да, верно, еще и бессмертные.

— Так Шангри-Ла описана в изданном в 1933 году романе Джеймса Хилтона «Утраченный горизонт». Очередной пример того, как массовая культура присваивает и опошляет захватывающую — и возможно, правдивую — историю.

— Мы вас внимательно слушаем, — сообщила Реми.

— Упоминания о Шангри-Ла и ее аналогах можно найти во многих азиатских культурах. Жители Тибета называют ее Нгхе-Бейул Кхимпалунг. Они считают, что она расположена в районе Макалу-Барун или в горах Куньлунь, а самый недавний кандидат — древний город Цапаранг в западном Тибете. Предполагалось также, что в действительности Шангри-Ла находится в Индии (предлагали несколько мест) — или в Китае (десятки мест, в том числе провинции Юннань, Сычуань, Чжуньдянь...). К этому перечню следует добавить Бутан и долину Хунза в Северном Пакистане.

А теперь самое интересное. Как вы знаете, нацисты были слегка помешаны на оккультном. Экспедиция Льюиса «Булли» Кинга 1938 года была частью этого увлечения... Одной из ее целей было найти Шангри-Ла. Нацисты не сомневались, что это родина древней расы господ, арийцев, не испорченных временем и генетическими примесями.

— Мы этого не знали, — призналась Реми.

— Возможно, Король Чарли ищет не только Теуранг, но и Шангри-Ла, — сказал Карна.

— Все возможно, — ответил Сэм. — Но Кинг не кажется мне человеком, верящим в фантастическое, даже если оно реально. Если он не может что-то увидеть, подержать...

— Или продать, — добавила Реми.

— ...или продать, то ему неинтересно, — закончил Сэм. — А вы как считаете, Карна? По-вашему, Шангри-Ла действительно существует? Из всех описанных вами возможностей, которая, на ваш взгляд, та самая?

— Ни одна. И мои исследования, и чутье говорят мне, что для народа Мустанга Шангри-Ла представляла исток — место рождения и место вечного упокоения Теуранга, существа, которое они считали своим всеобщим предком. Подозреваю, что наша сегодняшняя так называемая

Шангри-Ла — место первоначального обнаружения Теуранга. Не знаю, как давно это было, но вот во что я верю.

— А если бы вам пришлось заключать пари о его местонахождении? — спросила Реми.

— Думаю, ключ — в тибетской этимологии: «шанг», которое также произносится «цанг», в совокупности с «ри» означает горы, а «ла» означает проход.

— Итак, горный проход Цанг, — констатировала Реми.

— Не совсем. На королевском диалекте древнего Мустанга это также означает ущелье или каньон.

— Ущелье Цангпо, — сказал Сэм. — Но это огромная территория. Какова длина реки — Ярлунг Цангпо, — протекающей по ней? Сто двадцать миль?

— Сто пятьдесят, — ответил Карна. — Во многих отношениях больше вашего Большого Каньона. А горы поросли густым лесом. Одна из наиболее труднопроходимых территорий в мире.

— Если вы правы насчет расположения и легенды, — заметила Реми, — неудивительно, что Шангри-Ла до сих пор никто не обнаружил.

Карна улыбнулся.

— Возможно, сидя здесь, мы ближе к этой находке — и к Золотому Человеку, — чем кто бы то ни было в истории.

— Возможно, и ближе, — ответил Сэм, — но не там. Вы сказали, нужны все три диска. Предположим, в ларце, который сейчас у Сельмы, один из них. Но нужны еще два.

— И карта, — добавила Реми.

— Карта — наименьшая из наших забот, — заявил Карна. — Я определили четыре возможных варианта, один из которых наверняка послужит нашим целям. Что касается двух других дисков... Что вы думаете о Балканах?

Сэм и Реми переглянулись. Реми сказала:

— Однажды в Болгарии нас накормили испорченной ягнятиной, но в общем мы не имели ничего против.

— Рад слышать, — с лукавой улыбкой произнес Карна. — Тем, что я вам сейчас расскажу, я никогда ни с кем не делился. Хотя здесь меня

уважают, я не уверен, что названные соотечественники одобрят мою теорию.

— Мы снова вас внимательно слушаем, — заявил Сэм.

— Три года назад я обнаружил тексты, написанные, как я считаю, личным секретарем короля в недели перед вторжением 1421 года.

— Что за тексты?

— Что-то вроде личного дневника. Короля, конечно, поставили в известность по поводу силы вторгающейся в страну армии, и он согласился с пророчеством близкой гибели Мустанга. Далее, у него были сомнения, что Хранители сумеют выполнить свой долг. Он считал, что обстоятельства против них и мало преодолимы. Он также был убежден, что в его ближнем круге завелся предатель, передающий врагу информацию.

Он тайно поручил лучшему из Хранителей — человеку по имени Дхакал, — перевезти Теуранг в Шангри-Ла. В два из трех ларцов, якобы предназначенных для дисков, он поместил подделки. Один диск был подлинным.

— А что с остальными двумя дисками?

— Их передали двум священникам Восточной православной церкви.

Реми и Сэм молчали. Неожиданные слова Карны так не вязались с предыдущим, что они поначалу решили, будто ослышались.

— Повторите-ка, — потребовал Сэм.

— За год до вторжения Ло-Монтанг посетили два священника Восточной православной церкви.

— Это же было в пятнадцатом веке, — сказала Реми. — Тогда ближайшая территория этой Церкви была…

Она умолкла, пожав плечами.

— В наши дни это Узбекистан, — пояснил Карна. — Тысяча четыреста миль отсюда. А на ваш вопрос я отвечу: нет, я не нашел в истории церкви упоминаний о миссионерах, забиравшихся так далеко на восток. Но нашел кое-что получше. И вскоре перейду к этому.

Как говорится в дневнике, король принял миссионеров при дворе и вскоре подружился с ними. Через несколько месяцев после их прибытия на короля было совершено покушение. Священники пришли ему на помощь, и один из них был ранен. И король поверил, что эти двое

чужестранцев — часть пророчества, они посланы, чтобы обеспечить будущее возвращение Теуранга в Ло-Монтанг.

— Поэтому он отдал два диска им на хранение и за несколько месяцев до вторжения отправил на родину, — догадалась Реми.

— Совершенно верно.

— Пожалуйста, скажите, что нашли где-нибудь ссылки на них, — попросил Сэм.

Карна улыбнулся.

— Нашел. Отцы Бесим Мала и Арношт Денив. Оба имени есть в церковных записях пятнадцатого века. Оба священника в 1414 году были направлены в Самарканд, в нынешний Узбекистан. После смерти Чингисхана, ослабления Монгольской империи и возвышения Тамерлана Восточная православная церковь очень хотела распространить христианство среди язычников.

— Что стало с нашими отважными священниками? — спросила Реми.

— Мала умер в 1436 году на албанском острове Сазани. Денив умер шестью годами позже в Софии, в Болгарии.

— Время совпадает, — заметил Сэм. — Если они покинули Ло-Монтанг в 1421 году, то примерно за год могли добраться до Балкан.

Сэм и Реми сидели молча, глубоко задумавшись.

Карна произнес:

— Несколько фантастично, правда?

— Я рад, что вы это сказали, — ответил Сэм. — Не хотел быть грубым.

— Я не обижаюсь. Понимаю, как это звучит. Вы правы, что сохраняете скептический настрой. Я сам целый год после того, как нашел дневник, пытался развенчать его, но безуспешно. Вот что я предлагаю: я передам свои исследовательские записки этой вашей Сельме. Если она сможет опровергнуть мою теорию, да будет так. Если нет, тогда...

— Балканы, мы идем, — заявила Реми.

Карна принес из своих комнат лэптоп — «Эппл Макбук про» с семнадцатидюймовым экраном — и поставил на кофейный столик между ними. Один конец кабеля Ethernet он вставил в порт лэптопа, второй подключил к розетке, которая, как догадались Сэм и Реми, вела к спутниковой тарелке Карны.

Вскоре в окне iChat появилось лицо Сельмы. За ней, глядя ей через плечо, стояли Пит Джеффкоут и Венди Корден, а за ними виднелось рабочее пространство дома Фарго в Сан-Диего. Как и следовало ожидать, Сельма была в свой форме на данный день: очки в роговой оправе на цепочке и футболка с радужными разводами.

Приноравливаясь к трехсекундному запаздыванию спутникового сигнала, Реми всех познакомила и быстро ввела Сельму и остальных в курс дела. Как обычно, пока Реми говорила, Сельма ни о чем не спрашивала, а потом целую минуту молчала, обдумывая полученную информацию.

— Интересно, — вот все, что она сказала.

— Это оно? — спросил Сэм.

— Ну, полагаю, вы со своей обычной дипломатичностью уже объяснили мистеру Карне, как неправдоподобно это звучит.

Услышав это, Джек Карна издал смешок.

— Что верно, то верно, мисс Уондраш.

— Сельма.

— В таком случае — Джек.

— Ваши исследовательские материалы оцифрованы?

— Конечно.

Сельма сообщила Карне адрес сервера своего офиса, потом сказала:

— Выложите сюда, и я начну работать. А ларец пока передам Питу и Венди. Вы трое можете подумать, как его открыть.

Чтобы передать исследовательские записи Канны, потребовалось двадцать минут. Когда это было сделано, а Сэма и Реми заставили лечь вздремнуть в комнате для гостей, Сельма, Пит и Венди взялись за ларец. Карна первым делом попросил передать увеличенные снимки ларца, в том числе выгравированных на крышке символов.

Он всматривался в них на экране лэптопа, наклонив голову вначале в одну сторону, потом в другую, и что-то бормотал про себя. Потом вдруг встал, ушел в коридор и через минуту вернулся с маленькой книгой в переплете из красной ткани. Несколько минут листал ее, потом заявил:

— Ага! Как я и думал, эти буквы — вариант королевского письма лова и еще одного диалекта. Надпись следует читать по вертикали, справа

налево. В примерном переводе здесь написано: «При исполнении процветание, при сопротивлении боль…»

Венди заметила:

— Кажется, я это уже читала в книжке о нравственном самосовершенствовании.

— Не сомневаюсь, — сказал Карна, — но в данном случае это предостережение — проклятие. Полагаю, что эти символы стояли на каждом ларце Хранителей.

Пит предположи:

— Коротко выражаясь: «Отнесите это куда надо — и будет вам счастье; навредите — и вам крышка».

— Весьма выразительно, молодой человек, — заметил Карна. — Конечно, я бы такие слова не выбрал, но суть послания вы передали.

— Это предупреждение предназначено Хранителям? — спросила Венди.

— Нет, не думаю. Оно адресовано врагу или тому, кто обманом завладеет ларцом.

— Но если диалект такой непонятный, кто еще, кроме королевской свиты, смог бы прочесть предупреждение?

— А вот это неважно. Заклятие сохраняет силу, и будь проклято невежество.

— Жесть, — сказал Пит.

— Давайте внимательней посмотрим на ларец. На одном из снимков Реми я заметил тончайшую щель на дне вдоль края ларца.

— Мы тоже ее заметили, — сообщила Венди. — Подождите, я дам увеличение…

Несколько щелчков мышкой, и изображение заполнило экран. Карна несколько минут разглядывал его, потом заявил:

— Видите щель, о которой я говорю? Вроде цепочки из восьми черточек?

— Да, — сказал Пит.

— А сплошной шов напротив?

— Вижу.

— Забудьте о нем. Это обманка. Если не ошибаюсь, линия из черточек — это своего рода секретный замок.

— Щель толщиной в лист бумаги, — уточнила Венди. — Как можно…

— Я бы сказал, два миллиметра. Вам понадобится что-то вроде тонкой прокладки — тонкий, но прочный металл или сплав. Внутри каждой такой черточки должен быть медный или бронзовый фланец, и на каждом — три вертикальных углубления: вверху, до середины и до самого низа.

— Подождите, — сказала Венди. — Я посчитаю… Получается больше шести с половиной тысяч комбинаций.

— Не так уж страшно, — заметил Пит. — Если достаточно терпения и времени, можно найти нужную.

Карна прокомментировал:

— Это было бы верно, если бы не один факт: у вас единственная попытка. Наберете неверную комбинацию, и внутренний механизм запрется.

— Это усложняет положение.

— Мы еще и не начали распутывать сложности, мой мальчик. Только потом начнутся настоящие трудности.

— То есть? — спросила Венди. — Что?

— Когда-нибудь слышали о китайских головоломках?

— Да.

— Перед вами — прародительница всех китайских головоломок. Между прочим, я считаю, что знаю начальную комбинацию, открывающую замок. Приступим?..

Три часа спустя Сэм и Реми, проснувшиеся, отдохнувшие и вооружившиеся чашками с чаем, присоединились к Карне перед экраном лэптопа как раз вовремя, чтобы услышать возглас Пита в окошке айчата:

— Есть!

На экране они с Венди склонились к рабочему столу, между ними стоял ларец Хранителя. Ларец был ярко освещен галогеновой лампой над их головами.

Появилось новое окно айчата, в нем — лицо Сельмы.

— Что есть?

— Это китайская головоломка, — ответила Венди. — Как только мы подобрали комбинацию, открылась узкая панель. Внутри было три крошечных деревянных стерженька. Следуя инструкциям Джека, мы повернули один из них. Открылась новая панель, а в ней новые стерженьки и так далее… Сколько шагов уже сделано, Джек?

— Шестьдесят четыре. Остался последний. Если мы нигде не ошиблись, ларец откроется. Если нет, мы можем навсегда потерять содержимое.

— Объясните, — потребовал Сэм.

— О, боже, я не упомянул ловушку, нет? Простите.

— Упомяните сейчас, — сказала Реми.

— Если в ларце есть диск, он подвешен посреди главного отделения. В этом же отделении в стенки вделаны склянки с разъедающей жидкостью. Если ваш последний шаг неверен или если вы попытаетесь взломать это отделение… — Карна с шумом втянул воздух. — Увидите бесформенный кусок золота.

— Надеюсь, я ошибаюсь, — заметила Сельма, — но едва ли диск здесь.

— Почему? — спросил Пит.

— Вероятность. Сэм и Реми наткнулись на единственный ларец Хранителя, какой находили с тех пор, и именно в нем будет подлинный диск?

Карна сказал:

— Но они не просто «наткнулись» на него, верно? Они шли по следам Льюиса Кинга — человека, который потратил по меньшей мере одиннадцать лет жизни на поиски Теуранга. Каковы бы ни были его мотивы, я сомневаюсь, что в тот день он случайно оказался в ущелье Чобар. Похоже, он так и не нашел погребальный склеп Хранителя, но подозреваю, что он приходил туда не за пустым ларцом.

Сельма обдумала его слова.

— Логично, — согласилась она наконец.

— Есть только один способ узнать, — заявил Сэм. — Кому предоставим честь? Пит?.. Венди?

Пит сказал:

— Я рыцарь. Давай, Венди.

Венди глубоко вдохнула, просунула руку в ларец и повернула рычажок. Возле ее пальцев открылось прямоугольное отверстие шириной в дюйм.

Карна тихо произнес:

— Теперь осторожно ведите мизинцем вверх по внутренней поверхности ларца, пока не нащупаете квадратную кнопку.

Венди так и сделала.

— Хорошо. Нашла.

— Сдвиньте кнопку… дайте подумать… сдвиньте вправо — нет, влево! Сместите ее влево.

— Влево, — повторила Венди. — Уверены?

Карна помедлил, потом решительно кивнул:

— Да, влево.

— Начинаю.

Из динамика лэптопа до Сэма и Реми донесся деревянный щелчок.

Венди воскликнула:

— Крышка открылась!

— Теперь осторожно поднимите крышку строго по вертикали. Если диск здесь, он будет подвешен к ее изнанке.

С преувеличенной медлительностью Венди начала дюйм за дюймом поднимать крышку.

— Тяжелая.

— Не давайте ей покачнуться, — прошептал Карна. — Еще немного…

Пит сказал:

— Я вижу свисающую вниз нить. Похожа на струну или что-то такое.

Венди продолжала поднимать.

Галогеновый свет отразился от чего-то твердого — изогнутый край, блеск золота.

— Приготовьтесь, Питер, — сообщил Карна.

Венди подняла крышку до конца. Из ларца показалась нить. На ее конце висел приз — золотой диск шириной четыре дюйма.

Пит вытянул руки в латексных перчатках. Венди опустила диск ему в ладони, и он перенес его на выстланный ячеистым поролоном поднос на столе.

Все с облегчением выдохнули.

— А вот теперь самое трудное, — сказал Карна.

— Что? — раздраженно спросила Венди. — Это было не самое трудное?

— Боюсь, нет, голубушка. Теперь нужно удостовериться, что в наших руках подлинный предмет.

21

Влёра, Албания

Часы на приборной доске «фиата» показывали девять утра, когда Сэм и Реми миновали знак «Добро пожаловать в Влёру!». Второй по величине город Албании — сто тысяч жителей — примостился на западном берегу залива, «лицом» к Адриатическому морю; «спиной» к горам.

Если повезет, надеялись Сэм и Реми, во Влёре все еще будет один из дисков Хранителей.

Через час после того как Венди и Пит извлекли диск Теуранга из ларца и вместе с Карной принялись определять его происхождение, в окне айчата на экране лэптопа снова появилось лицо Сельмы.

С характерной для нее краткостью она сказала:

— Джек, ваш исследовательский метод безупречен. Сэм, Реми, я считаю, что его теория о двух священниках прошла проверку. Другое дело, сможем ли мы найти их и другие два диска.

— Что еще удалось установить? — спросил Сэм.

— Ко времени смерти оба священника, и Бесим Мала, и Арношт Денив — стали епископами и пользовались большим уважением в своих общинах. Оба открывали в своих родных странах церкви, школы и больницы.

— А значит, место их погребения — нечто более значительное, чем прямоугольная яма в земле, — сказал Карна.

— Никаких указаний на это я не нашла, но не могу оспаривать ваш вывод, — ответила Сельма. — В пятнадцатом и шестнадцатом веках ВПЦ...

— Что? — переспросила Реми.

— Восточная православная церковь. ВПЦ — особенно церкви на Балканах и в Южной России — превращала такие смерти в настоящее событие. Обычно таких людей погребали в склепах и мавзолеях.

— Вопрос в том, — заметил Карна, — где именно их похоронили.

— Я все еще занимаюсь Денивым, но церковные записи говорят, что епископ Бесим Мала нашел последнее упокоение во Влёре, в Албании.

Ожидая от Сельмы более точных указаний, Сэм и Реми, чтобы убить время, битый час разъезжали по Влёре, дивясь красоте архитектуры, в которой соединялись черты Греции, Италии и Средневековья. Около полудня они остановились на парковке отеля «Болонья», выходившего на голубые воды гавани, и сели за столик уличного кафе, окруженного пальмами.

Зазвонил спутниковый телефон Сэма. Сельма. Сэм включил громкую связь.

— Здесь Джек, — сообщила Сельма. — Мы...

— Если ты звонишь сообщить дурную или хорошую новость, Сельма, просто скажи, — перебила Реми. — Мы слишком устали, чтобы гадать.

— На самом деле новость хорошая — или потенциально хорошая.

— Выкладывай, — велел Сэм.

Джек Карна сказал:

— Я считаю, что диск Хранителя подлинный. Не могу быть уверен на сто процентов, пока не сверю его с картой, которую упоминал, но я настроен оптимистически.

Сельма заявила:

— Что касается места последнего упокоения Бесима Малы, то я могу сузить квадрат ваших поисков до четверти квадратной мили.

— Оно под водой? — скептически спросил Сэм.

— Нет.

— В болоте, кишащем аллигаторами? — вмешалась Реми.

— Нет.

— Дай угадаю, — сказал Сэм. — Пещера. Оно в пещере.

Карна ответил:

— Все три раза мимо, как говорят американцы. На основании наших исследований, мы считаем, что епископ Мала похоронен на кладбище монастыря Святой Марии на острове Звернец.

— И где этот остров? — спросила Реми.

— В шести милях выше по берегу. Найдите место с вай-фай, и я перешлю на ваш айпад подробности.

Они немного отдохнули в гостиничном кафе. Сэм и Реми заказали вкусный албанский ланч — фрикадельки из ягненка, приправленные мятой и корицей, хлеб со шпинатом и пряностями и соус из виноградного сока с сахаром и горчицей. Им повезло: в кафе оказался бесплатный вай-фай, поэтому, глотая очень вкусную еду, они продолжали знакомиться со своим пакетом путешественника, как это называла Сельма. Как и следовало ожидать, указания были очень подробные, с инструкциями по вождению, сведениями из местной истории и картой окрестностей монастыря. Единственное, чего они не смогли найти, — точное место захоронения епископа Малы.

Заплатив по счету, Сэм и Реми развернули свой «фиат» на север. Проехав десять миль, они оказались в деревне Звернец и, следуя указаниям одинокого дорожного знака, отправились к лагуне Натра. Лагуна была большая, почти двенадцать квадратных миль.

Свернув на земляную дорогу, огибающую лагуну, Сэм ехал на север, и наконец остановился на усыпанной гравием парковке, расположенной на пятачке земли, вдающемся в лагуну. Площадка была пуста.

Сэм и Реми вышли и потянулись. Погода стояла не по сезону теплая, 21 градус, и солнечная, над сушей плыло всего несколько облаков.

— Думаю, вот наша цель, — показала Реми.

От берега узкий пешеходный мост вел к острову Звернец, отделенному от суши восемьюстами футами, давшему приют монастырю Святой Марии, четырем средневековым церковным зданиям, занимающим треугольный заросший травой участок.

Они подошли к началу моста, и Реми остановилась, нервно уставившись на мост. Обветшалые мосты, с которыми они столкнулись сперва в ущелье Чобар, а после на пути к тайным раскопкам Кинга в долине Лантанг, определенно произвели на нее более глубокое впечатление, чем она сознавала.

Сэм вернулся туда, где она стояла, и обнял ее за плечи.

— Он прочный. Я инженер, Реми. Этот монастырь — достопримечательность. По этому мосту ежегодно проходят десятки тысяч человек.

Щурясь, она покосилась на него.

— Усыпляешь бдительность?

— Зачем мне это?

— С тебя станется.

— Не в этот раз. Пошли, — сказал он с ободряющей улыбкой. — Перейдем вместе. Все равно как по тротуару прогуляемся.

Она решительно кивнула.

— Назад в седло!

Он взял ее за руку, и они пошли. На полпути она неожиданно остановилась. Улыбнулась.

— Думаю, мне лучше.

— Излечилась?

— Я бы так не сказала, но я в порядке. Идем.

Через несколько минут они добрались до острова. Издалека церкви казались почти безупречными: выбеленные солнцем каменные стены и красные черепичные крыши. Но теперь, стоя перед зданиями, Сэм и Реми поняли, что церкви знали и лучшие дни. На крышах не хватало черепицы, кое-где стены покосились или частично обвалились. На одной часовне крыши не было вовсе, а колокол косо висел на своей балке.

По территории монастыря проходила аккуратно расчищенная земляная дорога. Тут и там под карнизами сидели голуби, ворковали и не мигая смотрели на двух новых гостей острова.

— Я никого не вижу, — заявил Сэм. — А ты?

Реми покачала головой.

— В инструкции Сельмы упомянут смотритель, а туристические бюро — нет.

— Тогда давай осмотримся, — предложил Сэм. — Остров большой?

— Десять акров.

— Кладбище должно найтись быстро.

Быстро обойдя внутри каждое здание, они пошли по тропе в сосновый бор за поляной. Едва они оказались под деревьями, солнце потускнело, а стволы словно сгрудились вокруг них. Лес был старый, с высоким, по колено, густым подлеском и в нем хватало поваленных гнилых стволов и пней, чтобы сделать продвижение затруднительным. Через несколько сотен ярдов тропа раздвоилась.

— Конечно, — сказала Реми. — Никаких указателей.

— Мысленно брось монетку.

— Налево.

Они пошли по левой ветке; тропа, петляя, привела их к ветхому полусгнившему причалу, выходящему на болото.

— Неудачно бросила, — заявила Реми.

Они вернулись к развилке и двинулись по правой тропе. Та, углубляясь в лес, шла в общем и целом на северо-восток, к более широкой оконечности острова.

Сэм бодрым шагом прошел вперед, на разведку, и, обернувшись, крикнул Реми:

— Вижу поляну!

Через несколько мгновений он появился из-за поворота и остановился перед Реми. Сэм улыбался. Широко.

— Обычно поляны не приводят тебя в такое волнение, — сказала Реми.

— Приводят, если на поляне надгробия.

— Веди, бвана.

Они вместе прошли по тропе туда, где сосны расступались. Поляна овальной формы, приблизительно двести футов в поперечнике, действительно оказалась кладбищем, но Сэм и Реми почти сразу поняли: здесь что-то очень неладно. На дальней стороне поляны были как попало навалены сосновые бревна; а рядом с ними несколько больших, с дом, груд высохших сучьев и ветвей. Земля на поляне была вся в ямах, словно после артобстрела, примерно половина могил недавно вскрыта.

На востоке виднелся другой просвет среди деревьев, почти прямой коридор; в конце его блестела вода лагуны.

Из нескольких десятков надгробий не пострадали лишь несколько; все остальные были либо разбиты, либо выворочены из земли. Сэм и Реми насчитали четырнадцать усыпальниц. Они тоже свидетельствовали о разрушении — покосились или в их стенах и крышах зияли проломы.

— Что здесь произошло? — спросила Реми.

— Думаю, буря, — предположил Сэм. — Налетела с океана и прошлась, как цепной пилой. Жаль.

Реми серьезно кивнула.

— Но, с другой стороны, возможно, это облегчит нашу работу. Мы технически не взламываем усыпальницу Мала.

— Хорошее соображение. Но есть еще одно препятствие.

— Какое?

— Давай сначала посмотрим. Не хочу сглазить.

Они разделились. Сэм пошел на север по восточной стороне, Реми — по западной. Обходя могильные камни, оба направились к ближайшей гробнице, останавливаясь только для того, чтобы прочесть надписи.

Наконец Реми добралась до северного угла кладбища возле груды сосновых бревен. Подходя к последнему мавзолею в своем ряду, она подумала, что он поврежден меньше прочих, в стенах всего несколько трещин. К тому же ни на одном из остальных не было таких украшений, поняла Реми, и сердце у нее екнуло.

— Сэм, думаю, я нашла приз.

Он подошел.

— Почему ты так считаешь?

— Такого большого креста я не видела. А ты?

— Нет.

На ближайшей к ним стене виднелся православный крест четыре на пять футов, с тремя перекладинами: двумя горизонтальными близ вершины и еще одной, косой, внизу.

— Я видела много таких крестов, но не такие большие. Интересно, почему нижняя перекладина наклонная? Вероятно, это имеет какое-то символическое значение?

— Ах, тайны религии, — сказал Сэм.

Они прошли несколько последних футов к усыпальнице, потом разделились и каждый обошел гробницу со своей стороны. Оказалось, что спереди она окружена чугунной оградкой по колено высотой. Одна сторона оградки была обрушена и лежала на земле. У подножия усыпальницы три каменные ступени, дверь открыта — точнее, ее вообще не было. Внутри было темно.

На фронтоне под двускатной крышей усыпальницы были вырезаны буквы М.А.Л.А.

— Приятно наконец отыскать вас, ваше преосвященство, — произнес Сэм.

Он перешагнули через изгородь, Реми за ним, и они спустились по ступеням. Перед отверстием они остановились: в ноздри ударил неприятный запах плесени. Сэм порылся в кармане и извлек микрофонарик. Они переступили порог, и Сэм включил свет.

— Пусто, — констатировала Реми.

Сэм посветил вокруг, надеясь увидеть расположенную ниже вторую камеру, но ничего не обнаружил.

— Видишь какие-нибудь отметки?

— Нет. Но пахнет тут неправильно. Похоже на...

— Стоячую воду.

Он выключил фонарик. Они снова поднялись по ступням. Сэм сказал:

— Кто-то куда-то его увез. Все усыпальницы, куда я заглядывал, пусты.

— У меня то же самое. Кто-то откопал этих людей, Сэм.

Вернувшись в монастырь, они заметили мужчину на деревянной лестнице, прислоненной к поврежденной колокольне. Мужчина был средних лет, коренастый, в черной шапочке велогонщика. Они подошли.

— Простите, — обратилась Реми по-албански.

Мужчина повернулся и посмотрел на них.

— А флисни англишт? Говорите по-английски?

Мужчина покачал головой.

-Йо.

— Проклятие, — сказала Реми и вытащила свой айпад.

Мужчина крикнул:

— Эрта?

Из-за края здания выбежала светловолосая девочка и остановилась перед Сэмом и Реми. Она улыбнулась им и посмотрела на мужчину.

-По?

Он несколько секунд говорил с ней по-албански, она кивнула. Сэму и Реми она сообщила:

— Добрый день. Меня зовут Эрта. Я говорю по-английски.

— И очень хорошо, — сказал Сэм, представился и представил Реми.

— Приятно познакомиться. Вы о чем-то хотите спросить моего отца?

— Да, — согласилась Реми. — Он смотритель?

Эрта наморщила лоб.

— Смотри… тель? Смотритель? О да, он смотритель.

— Нас интересует кладбище. Мы только что там были, и…

— Такая жалость, что так случилось, да?

— Да. А что случилось?

Эрта передала вопрос отцу, выслушала ответ и сказала:

— Два месяца назад в залив пришел шторм. Сильный ветер. Много повреждений. На следующий день море поднялось и затопило лагуну и часть острова. Кладбище ушло под воду. Там тоже многое повреждено.

Сэм спросил:

— А что произошло с… обитателями?

Эрта спросила отца, потом поинтересовалась:

— А почему вы спрашиваете?

Реми ответила:

— Возможно, мои дальние родственники родом отсюда. Тетя говорила, что один из них здесь похоронен.

— А, — сказала Эрта с некоторым испугом. — Мне жаль это слышать. — Она снова спросила отца; тот ответил не сразу. Эрта передала Реми: — Примерно половина могил уцелела. Остальные… когда вода спала, людей уже не было под землей. Отец и мы с сестрами потом находили их несколько дней. — Глаза у нее повеселели, и она улыбнулась. — Был даже череп на дереве! На ветках. Смешно.

Реми несколько мгновений недоуменно смотрела на улыбающуюся девочку.

— Ну хорошо.

— Приехали из правительства и решили, что тела нужно увезти, пока с кладбищем не… гм… разберутся. Это правильное слово?

Сэм улыбнулся.

-Да.

— Приезжайте на следующий год. Тогда будет гораздо приятнее. Не так вонюче.

— А где останки сейчас? — спросила Реми.

Эрта передала вопрос отцу. Кивнула, выслушав объяснение, и сказала Сэму и Реми:

— На острове Сазан. — Она показала на бухту Влёра. — Там старый монастырь, даже старше этого. Власти всех увезли туда.

22

Влёра, Албания

— Что ж, не повезло, — сказала несколько минут спустя Сельма, когда Сэм и Реми поделились с ней новостью. Они сидели на капоте своего «фиата» на автостоянке. — Подождите, я погляжу, что можно найти об острове Сазан.

Тридцать секунд они слушали стук клавишей, потом Сельма сообщила:

— Начнем. Остров Сазан, самый крупный остров Албании на площади в две квадратные мили, стратегически расположен между проливом Отранто и бухтой Влёра. Насколько я могу судить, не населен. Воды вокруг острова — часть Национального морского парка. На протяжении веков остров не раз переходил из рук в руки: Греция, Римская империя, Оттоманская империя, Италия, Германия, потом снова Албания. Похоже, во время Второй мировой войны Италия построила здесь какие-то укрепления… Да, вот оно: итальянцы превратили в крепость монастырь византийского периода. — Сельма помолчала. — Да, тут могут быть неприятности. Похоже, я ошиблась.

— Пещеры, — предрек Сэм.

— Болота, аллигаторы… о боже, — вступила Реми.

— Нет, я о необитаемости. На острове база егерей парка. Три или четыре катера и постоянно — три десятка егерей.

— То есть гражданским доступа нет, — подвела итог Реми.

— Я бы сказала, да, миссис Фарго, — согласилась Сельма.

Сэм и Реми какое-то время молчали. Им не нужно было спрашивать друг друга о том, что дальше. Сэм просто спросил у Сельмы:

— Как нам туда добраться так, чтобы нас не потопили егеря Морского парка?

Пропустив первое и вполне предсказуемое предложение Сельмы «не попадайтесь», они принялись исследовать свои возможности. Прежде всего, конечно, им понадобится транспорт. Задача довольно простая, заверила Сельма.

Предоставив Сельме заниматься порученным делом, Сэм и Реми вернулись на «фиате» на юг, во Влёру, где перебрались в свою фактическую штаб-квартиру — уличное кафе в отеле «Болонья». Со своих мест они видели вдали остров Сазан, клочок земли в голубых водах Адриатики.

Сельма позвонила час спустя.

— Как вы относитесь к каякам?

— Хорошо, пока они нас не обижают, — ехидно ответил Сэм.

Реми шлепнула Сэма по руке.

— Продолжай, Сельма.

— На северной оконечности полуострова есть зона отдыха: пляжи, скалолазание, морские пещеры, дайвинг — все такое. От оконечности полуострова до острова Сазан всего две мили, чуть больше. Вот в чем изъян: моторные суда туда не допускаются, а зона отдыха в сумерки закрывается. Полагаю, вы предпочитаете грабить могилы ночью?

— Как хорошо ты нас знаешь! — ответил Сэм. — Полагаю, ты нашла достойный доверия магазин, торгующий каяками.

— Нашла. И взяла на себя смелость нанять для вас два каяка.

— Как насчет погоды и течений? — спросила Реми.

— Ночью спокойно, частичная облачность, луна в четверти; но завтра утром обещают шторм. Если верить морским картам, которые я сумела найти, течение в заливе не быстрое, но, если далеко отойдете от острова Сазан и полуострова, окажетесь в Адриатике. Судя по тому, что я читала, там течение очень опасное.

Сэм сказал:

— Иными словами, получится рейс по Средиземному морю в один конец.

— Если даже вы зайдете так далеко и вас не...

— Мы поняли, Сельма, — перебила ее Реми. — На восток нельзя.

Сэм и Реми переглянулись и кивнули. Сэм спросил:

— Сельма, сколько до сумерек?

* * *

Как оказалось, приближение темноты было не главной их заботой. В магазине Орикума — города-курорта, расположенного в десяти милях от Влёры на изгибе залива, — был большой выбор надувных пластиковых каяков, однако все они были ядовито-красными, оранжевыми, желтыми или всех этих трех цветов в духе Джексона Поллока. Времени на поиски более неприметной окраски не было, пришлось купить самую приемлемую пару из предложенных вместе с двухлопастными веслами и спасательными жилетами.

Быстро заехав в хозяйственный магазин, они вернулись во Влёру. В Катманду их очень выручила армейская лавка, поэтому они и здесь отыскали магазин, где распродавали армейские запасы, и купили себе все необходимое: ботинки и носки, кальсоны, шерстяные брюки, вязаные шапки и большого размера свитеры с длинным рукавом, чтобы полностью скрыть оранжевые спасательные жилеты. Мешок разных мелочей и черные рюкзаки завершили ударный шопинг. После чего они выступили.

Несколько минут Сэм ездил вокруг зоны отдыха, но они никого не заметили. Парковки и пляжи пустовали. С утеса они осмотрели воду внизу и опять никого не увидели.

— Вероятно, еще не сезон, — сказал Сэм. — Школы еще работают.

— Надо исходить из того, что здесь есть патрули, — предупредила Реми. — Егеря или местная полиция.

Сэм кивнул.

— Разумно.

Если их «фиат» обнаружат, его либо заберут на штрафстоянку, либо выпишут штраф. В любом случае им такие осложнения не нужны. Хуже того, местные власти могут поднять тревогу, предполагая, что пара отдыхающих заблудилась в море, а это неизбежно привлечет внимание флота или береговой охраны — именно то, чего Сэм и Реми старались избежать.

После двадцатиминутной езды по проселкам курортного района Сэм нашел заросшую кустарником канаву и задним ходом заехал в нее на «фиате». Под цепким взглядом Реми они расправили ветки так, что машина стала не видна с дороги.

И отступили, восхищаясь своей работой.

— Ты бы пригодилась англичанам перед высадкой союзников.

— Да, у меня талант, — согласилась Реми.

Вскинув на плечи рюкзаки, они стащили каяки с холма к укромной бухточке, которую заметили раньше. Менее сорока футов шириной, с белым песчаным пляжем, бухточка длиной двести ярдов изгибаясь выходила в море, защищая их от посторонних глаз.

Оставшиеся до темноты сорок пять минут они использовали, чтобы замаскировать каяки. Используя черную и серую водостойкие аэрозольные краски, они покрывали бока, верх и днища суденышек накладывающимися друг на друга зигзагами, пока не осталось непокрашенным ни кусочка кричаще-яркого пластика. Малярной работе Сэма, функционально вполне пригодной, не хватало художественности Реми. Ее каяк поразительно напоминал маскировку военных кораблей времен Первой мировой войны.

Сэм отступил на несколько шагов, по очереди рассмотрел оба каяка и сказал:

— Ты уверена, что ты не инкарнация какого-нибудь сотрудника УСС[5]?

— Не вполне. — Реми кивком показала на его каяк. — Не возражаешь?

— Вовсе нет.

Было истрачено полминуты и полканистры краски, и вот уже каяк Сэма почти нельзя было отличить от второго. Реми обернулась:

— Что скажешь?

— Я… не чувствую себя мужиком.

Реми подошла к нему и поцеловала. Улыбнулась.

— Если это тебе поможет, я думаю, твой каяк больше моего.

— Очень смешно. Давай переодеваться.

* * *

Облачившись в купленную одежду, они упрятали обычную в рюкзаки, а рюкзаки уложили на носу каяков.

Больше делать было нечего, и они уселись на песок и стали смотреть, как заходит солнце, удлиняются тени на воде и темнота медленно поглощает бухточку.

Когда стало совсем темно, они сволокли каяки к воде и наполовину вытащили в воду, потом залезли в них и оттолкнулись кончиком весла. Вскоре они двигались по бухточке. Десять минут они потратили на то,

чтобы научиться управлять каяком, понять балансировку и привыкнуть к веслам, и наконец убедились, что готовы.

Сэм впереди, Реми позади и чуть правее — они гребли по проливу; весла входили в воду с едва слышным плеском. Вскоре показался выход из пролива, за ним расстилался бескрайний темный ковер воды. Как и предсказала Сельма, небо было частично затянуто облаками, и вода отражала лишь очень слабый лунный свет. В двух милях впереди, почти точно на севере, они видели темную массу острова Сазан.

Сэм вдруг перестал грести. Он поднял сжатый кулак: «стоп!». Реми вытащила весло из воды, положила поперек колен и ждала. Медленно, подчеркнутыми движениями Сэм показал сначала на свое ухо, потом на вершину утеса справа от них.

Прошло десять секунд.

Тогда Реми услышала: шум мотора, потом негромкий скрип тормозов.

Сэм оглянулся на Реми, показал на бок утеса, опустил весло в воду и поплыл в ту сторону. Реми последовала за ним. Сэм развернул каяк параллельно берегу, потом повернулся на сиденье, положил руку на нос каяка Реми и подтащил его.

— Егерь? — шепотом спросила Реми.

— Будем надеяться.

Они замерли, глядя вверх.

На краю утеса зажглась спичка, погасла и сменилась огоньком сигареты. В этом слабом свете Сэм разглядел край кепи, похожего на военное. Пять минут они сидели неподвижно, глядя, как курит человек наверху. Наконец он пошел туда, откуда пришел. Открылась, потом захлопнулась дверца машины. Заработал мотор, и машина поехала по хрустящему гравию.

Из осторожности Сэм и Реми ждали еще пять минут, прежде чем пуститься дальше.

Когда они на четверть мили углубились в бухту, стало ясно, что прогноз Сельмы касательно приливов и течений тоже верен. Ни Сэм, ни Реми не удивились: они знали, что у моря семь пятниц на неделе: даже относительно медленное, идущее на восток при одном узле течение вдвое усложнит их плавание, заставляя непрерывно вносить поправки в курс, приспосабливаясь к его воздействию. А если этого не делать, легко оказаться в Адриатическом море на пути к Греции.

Вскоре они нашли свой ритм, дружно взмахивая веслами и быстро преодолевая расстояние до Сазана. На полпути остановились передохнуть. Реми подвела свой каяк к каяку Сэма, и они несколько минут сидели молча, наслаждаясь мягким покачиванием на волнах.

— Патруль, — внезапно сказала Реми.

С северо-востока из-за острова со стороны базы показался большой быстроходный катер. Он продолжал поворот, пока его нос не нацелился прямо на них. Сэм и Реми сидели замерев, смотрели и ждали. Пусть хорошо замаскированные, уйти от луча прожектора в четверти мили от них каяки не смогут.

На носу катера вспыхнул прожектор, обшарил южный берег острова и снова погас. Патруль продолжал приближаться.

— Давай, — прошептал Сэм. — Поверни ближе к берегу.

Катер повернул на восток.

Реми сказала:

— Умница. Плыви, плыви.

Катер уплыл. Они несколько минут наблюдали, как кормовые огни становятся все тусклее, пока не слились с огнями далекой Влёры.

Сэм посмотрел на жену.

— Готова?

— Готова.

* * *

Оставшуюся милю они прошли за двадцать минут. Сэм с помощью Гугла уже ознакомился с внешним видом острова и заранее выбрал, где причалить. Длиной с севера на юг примерно три мили, миля в самом широком месте, остров напомнил Сэму рыбу гуппи. База егерей помещалась на спине гуппи, у бухточки на северо-восточном побережье, а высаживались на берег они у хвоста, в крайней южной точке, около старых укреплений времен Второй мировой войны.

Каменистую поверхность острова, почти лишенную растительности за исключением невысоких кустов и нескольких рощиц карликовых сосен, венчали два холма вблизи центра. На одном из этих холмов, если Эрта не ошиблась, они надеялись найти старый монастырь и прежних обитателей кладбища на острове Звернец, включая покойного епископа Бесима Малу.

Заходить далеко и лезть из кожи вон, опираясь на большое «если», для Сэма и Реми было в порядке вещей. За годы поисков они узнали, что такова жизнь профессионального охотника за сокровищами.

Когда они приблизились к острову, волны разыгрались, они с грохотом бились в скалы и полузатопленные плиты ракушечника. Пластиковые каяки вели себя превосходно, отскакивая от скал и скользя над отмелями, пока Сэм и Реми не получили возможность отчасти грести, отчасти отталкиваться от дна; оказавшись на мелководье, они вылезли из лодок и вброд пошли к берегу.

Там сели на корточки, чтобы отдышаться и осмотреться.

Усеянный камнями пляж в ширину немногим превосходил их каяки, а сзади его подпирала каменная стена высотой четыре фута; за стеной — крутой склон холма, заросший зеленым кустарником. На середине склона в холм было встроено что-то величиной с гараж.

— Дот, — прошептал Сэм.

Выше по холму стояло нечто вроде каменной сторожки — возможно, наблюдательный пункт, а еще выше, в ста ярдах от гребня холма — трехэтажное кирпичное здание типа казармы. Черные окна без стекол смотрели на море.

Пять минут они смотрели и слушали, потом Сэм прошептал:

— Никого нет. Обратила на что-нибудь внимание?

— Нет.

— Не вижу граффити, — заметил Сэм.

— Это что-то значит?

— Если бы я был ребенком и жил во Влёре, вряд ли я удержался бы от искушения пробраться сюда. Подростком я этим не занимался, но знаю много парней, которые расписали бы из баллончика этот дот вдоль и поперек, лишь бы доказать, что они здесь были.

Реми кивнула.

— Значит, либо албанская молодежь исключительно законопослушна, либо…

— …никто из пробравшихся сюда не остается на свободе столько, чтобы набедокурить, — закончил Сэм.

23

Остров Сазан, Албания

При свете полумесяца они начали взбираться по дороге на холм. Хотя до гребня по прямой было не больше мили, вдали на несколько сот футов выше казармы, серпантин дороги удваивал расстояние.

Наконец они добрались до последнего поворота. Завернув, они сразу заметили вершину. Сэм знаком велел Реми ждать, нырнул с дороги в кусты и стал пробираться туда, откуда мог заглянуть за гребень. Потом дал Реми знак «чисто», и она присоединилась к нему.

Реми сказала:

— Земля обетованная.

— Земля обетованная, знавшая лучшие дни, — ответил Сэм.

Прежде чем отправиться на остров, они, конечно, изучили это сооружение с помощью *GoogleEarth* ; вид сверху показывал обыкновенную церковь — ничем не примечательное здание в форме креста. Теперь, вблизи, они увидели коническую колокольню, высокие заколоченные окна и некогда красную черепичную крышу, за столетия выгоревшую на солнце до розового цвета.

Двустворчатые главные двери оказались запертыми, поэтому Сэм и Реми обошли церковь. С северной стороны они нашли два интересных обстоятельства: неровный пролом в каменной стене высотой по пояс и ничем не ограничиваемый вид северной части острова Сазан, среди прочего — базы егерей в полумиле от них, расположенной у искусственно отгороженной бухты, освещенной прожекторами. Сэм и Реми насчитали три катера и три здания.

Реми предложила:

— Давай найдем епископа Малу и уберемся отсюда.

24

Остров Сазан, Албания

Едва они пролезли в дыру в стене, как сразу поняли, что их задача гораздо труднее, чем казалось. Вместо того чтобы попасть на открытое место, они оказались в лабиринте.

По обе стороны от них и прямо впереди были сложены прогнившие деревянные гробы — по восемь в высоту и по четыре в ширину, образуя коридор шириной едва в разворот их плеч. Освещая дорогу налобными фонарями, они прошли до конца коридора. И оказались у Т-образной развилки. Направо и налево были гробы.

— Ты считаешь? — прошептал Сэм.

— Пока что примерно сто девяносто два.

— Кладбище Зверneца не так велико.

— Так — если их хоронить бок о бок и один на другой. Мы знаем, что Мала умер в 1436 году. Даже если его похоронили первым, речь о пяти с лишним столетиях.

— У меня холодок по спине. Направо или налево?

Реми выбрала налево. Они сделали несколько шагов. Фонарь Сэма осветил каменную стену.

* * *

— Тупик[6], — сказал он.

— Остришь?

— Оговорочка по Фрейду.

Они повернули назад и (Реми во главе) миновали развилку и пошли дальше по коридору. Затем последовал поворот направо, еще шестьдесят четыре гроба, поворот налево и опять гробы. Коридор сделал еще пять таких же поворотов, и общее число гробов достигло шестисот.

Наконец они вышли на открытое место. Здесь гробы тоже были сложены по восемь в высоту, до самих балок свода. Сэм и Реми прошли по кругу, освещая налобными фонарями стены из белой сосны.

— Здесь, — неожиданно заявил Сэм.

У западной стены, за горой гнилой древесины, стоял ряд каменных саркофагов.

— Четырнадцать, — сказала Реми. — Столько же, сколько усыпальниц на кладбище.

— Вот это повезло, — ответил Сэм. Он сосчитал гробы в стене за саркофагами. — Невероятно, — прошептал он. — Реми, в этом здании больше тысячи трупов.

— Эрта, должно быть, ошиблась. После бури и наводнения увезли все тела. Звернец не кладбище, а просто яма с костями.

— Нет никакого запаха.

— По словам Сельмы, последние похороны были в 1912 году. Даже после бальзамирования, вероятно, осталось мало плоти.

Сэм улыбнулся и негромко запел:

— Эти кости… эти кости… эти сухие кости.

— Не филонь. Давай посмотрим надписи. На усыпальнице Малы большой патриарший крест; может, то же самое вырезали на его саркофаге.

Быстрый осмотр торца саркофагов не выявил никаких крестов. Сэм и Реми пошли вдоль ряда, освещая крышки каменных гробов. На трех из четырнадцати были высечены символы Восточной православной церкви.

Они сели на пол и уставились на саркофаги. Реми спросила:

— Как думаешь, сколько они весят?

— Четыреста, пятьсот фунтов. — После недолгого размышления он добавил: — Но крышка… это совсем другая история. Лом!

— Прошу прошения? — с улыбкой спросила Реми. Она привыкла к непоследовательности мужа: таков был его способ решения проблем.

— Мы забыли ломик. Крышка весит самое большое сто фунтов, но вскрывать этот шов, когда саркофаги втиснуты сюда… Черт побери, я знал! У меня было то самое чувство — *«мы забыли что-то важное»* .

— К счастью, у тебя есть план.

Сэм кивнул.

— К счастью, у меня есть план.

Давным-давно убедившись в универсальной пригодности трех предметов: веревки, провода и клейкой ленты, Сэм и Реми редко уходили «на дело» без них, даже если непосредственная задача того не требовала. На сей раз, торопясь успеть засветло, они забыли не только ломик, но и одну из составляющих этой триады — проволоку. Но Сэм надеялся, что пятидесятифутового мотка альпинистской веревки и клейкой ленты хватит.

Потребовалось всего несколько минут барахтаться под балками свода, чтобы найти то, что им было нужно: расшатанную скобу в форме L. Вывернув его, Сэм использовал вес своего тела, чтобы зажать в скобе середину веревки. Потом заполз на саркофаг и втиснул скобу в щель, под крышку. Потом, ухватив концы веревки, как вожжи, тянул, пока скоба прочно не засела в щели. Наконец они с Реми перебросили веревку через балку и повисли на ней, медленно выбирая слабину. Наконец крышка начала подниматься.

— Держу, — проговорила Реми сквозь стиснутые зубы, перехватывая веревку Сэма. — Действуй.

Сэм поспешил вперед, нагнулся к крышке и втиснул пальцы в ближайший зазор. Откинулся и выпрямил ноги. Крышка подскочила и скользнула вниз между его ногами. Скоба с металлическим звоном высвободилась.

Вдвоем они обошли крышку и наклонились, освещая наголовными фонарями нутро саркофага.

— Кости, кости и снова кости, — сказала Реми.

— И не видно ни искры золота, — ответил Сэм. — Один долой, остались два.

Хотя они не высказывали свои опасения, чутье подсказывало Сэму и Реми, что и в следующем саркофаге ничего не будет. Никто из них не осмелился признать и то, что в глубине сознания звучит настырный голос: епископ Бесим Мала не исполнил просьбу короля Мустанга и второй диск Теуранга давным-давно уничтожен или потерян вместе с Золотым Человеком и, если Джек Карна прав, с координатами Шангри-Ла.

Через тридцать минут, сняв крышку со второго саркофага, они увидели перед собой вторую груду костей — вторая неудача.

Через девяносто минут после того, как вошли в церковь, они вскрыли третий и последний саркофаг. Усталые, Сэм и Реми посидели перед ним с минуту, чтобы перевести дух.

— Готова? — спросил Сэм.

— Не очень, но давай покончим с этим, — ответила Реми.

Они на четвереньках проползли вперед, встали с боков каменной крышки, взялись обеими руками за край и, затаив дыхание, заглянули в саркофаг.

Из темноты блеснуло золото.

25

София, Болгария

Вскоре после рассвета вымотанные, но торжествующие, они вернулись на полуостров и поехали во Влёру, в отель.

Уже высказав Сельме беспокойство по поводу отправки диска в Сан-Диего обычной почтой, Сэм и Реми, как и следовало ожидать, обнаружили, что их главный исследователь уже принял необходимые меры. Руб Хейвуд, их старый друг из ЦРУ, сообщил Сельме название и адрес надежной и тайной курьерской службы в Софии. Руб умолчал о

том, связана ли эта служба с его работой, но табличка на двери с надписью «ООО «Софийская служба научных архивов» сообщила Сэму все, что он хотел знать.

— Посылка будет на месте завтра, не позже полудня по местному времени, — сказал Сэм Реми. — У тебя есть для меня указания?

Реми улыбнулась и приподняла айпад.

— Подключен и готов к отправлению.

Сэм включил двигатель «фиата».

Когда они оказались в полумиле от цели, надобность в айпаде Реми отпала. Указатели с надписями кириллицей и на английском провели их по улице Васила Невского, потом мимо зданий парламента и Академии наук, а потом на площадь, посреди которой помещалось религиозное сердце Софии — собор Александра Невского.

Крестово-купольная базилика господствовала над площадью, центральный золотой купол поднимался над улицей на сто пятьдесят футов, а колокольня еще на двадцать пять.

Читая туристический путеводитель в своем айпаде, Реми сказала:

— Двенадцать колоколов общим весом в двадцать четыре тонны, от двадцати фунтов до двадцати четырех тысяч фунтов.

— Впечатляет, — ответил Сэм, объезжая в потоке машин собор. — Могу себе представить, как они оглушают.

Они дважды обогнули обсаженную деревьями площадь, прежде чем Сэм въехал в переулок и нашел место для парковки.

Они знали, что остановка у собора Александра Невского будет только началом. Хотя Сельма и Карна были едины в том, что митрополит Арношт Денив умер в Софии в 1442 году, они не смогли узнать никаких подробностей о месте его последнего упокоения. Они надеялись, что главный библиотекарь в соборе Александра Невского укажет им верное направление поисков.

Выйдя из машины, они вслед за потоком местных жителей и туристов направились к западной стороне собора, где поднялись по ступеням к массивным деревянным дверям. Когда они подошли, светловолосая женщина с короткой стрижкой улыбнулась им и что-то сказала по-болгарски — судя по интонации, задала вопрос. Они уловили слово «английский», поняли смысл вопроса и повторили:

— Английский.

— Добро пожаловать в собор Александра Невского. Чем могу помочь? — спросила она.

— Мы хотели бы поговорить с вашим главным библиотекарем, — ответила Реми.

— Библиотекарем? — переспросила женщина. — Ах, вы про архивариуса?

-Да.

— Простите, но здесь нет архивариуса.

Сэм и Реми озадаченно переглянулись. Реми достала айпад и показала женщине PDF-файл, который прислала им Сельма, — краткий очерк истории болгарской православной церкви. Реми показала абзац, и женщина прочла его, беззвучно шевеля губами.

— А, — сказала она глубокомысленно. — Понимаете, это старая информация. Сейчас этот человек работает в Синодальной палате.

Женщина показала на юго-восток, на здание, окруженное деревьями.

— Это там. Идите туда, и вам помогут.

— А что такое Синод? — спросил Сэм.

Женщина заговорила как гид:

— В Синоде собираются митрополиты, или епископы, которые избирают патриарха и других столь же важных официальных лиц Болгарской православной церкви. Традиция Синода восходит к дням апостолов в Иерусалиме.

С этими словами женщина улыбнулась и наклонила голову, как бы спрашивая: «Еще что-нибудь?»

Сэм и Реми поблагодарили ее и направились к Синоду. Войдя в здание и остановившись в вестибюле у справочной, они объяснили причину своего прихода — пишем книгу по истории православной церкви, — и им велели сесть. Через час появился священник в черной рясе, с длинной седой бородой и провел их в свой кабинет, где быстро стало ясно, что он почти не говорит по-английски, а Сэм и Реми еще хуже говорят по-болгарски. Вызвали переводчика. Они повторили свой рассказ и предъявили рекомендательное письмо издательства, которое с помощью «Фотошопа» создала для них Сельма. Священник внимательно слушал, пока переводчик читал письмо, потом откинулся на спинку стула и с минуту молчал, поглаживая бороду.

— Боюсь, мы ничем не сможем вам помочь, — сказал за него переводчик. — Записи, которые вам нужны, хранятся не в Палате. Тот, с кем вы говорили в соборе, ошибся.

— Он не знает, куда нам стоит обратиться? — спросил Сэм.

Переводчик передал вопрос священнику. Тот поджал губы, еще какое-то время поглаживал бороду, потом поднял телефонную трубку и поговорил с кем-то на другом конце провода. После обмена несколькими репликами он повесил трубку. Переводчик сказал Сэму и Реми:

— Личные записи этого периода хранятся в Свете Софии… прошу прошения, в церкви Святой Софии.

— Где найти эту церковь? — спросила Реми.

— Прямо на восток отсюда, — ответил переводчик. — В ста метрах, на другой стороне площади.

Через десять минут Сэм и Реми были там. Им снова пришлось ждать, на этот раз всего сорок минут, прежде чем их привели в кабинет другого священника. Этот прекрасно говорил по-английски, так что ответ на свой вопрос они получили сразу: ошибалась не только женщина-гид в соборе Александра Невского, но и священник в Синодальной палате.

— Записи периода до первого болгарского экзарха Анфима I, который правил до начала Русско-турецкой войны в 1787 году, находятся в «Мефодии».

Сэм и Реми переглянулись, вдохнули и спросили:

— Что такое «Мефодий»?

— Национальная библиотека Болгарии.

— Как нам ее найти?

— Она точно на восток отсюда, напротив Национальной галереи иностранного искусства.

* * *

Два часа спустя после того, как они вышли из машины, Сэм и Реми снова оказались возле нее, через улицу от Болгарской национальной библиотеки. Ни о чем не подозревая, они припарковались в десяти шагах от цели.

Или так им казалось.

На сей раз, проведя с библиотекарем всего двадцать минут, они узнали, что в «Мефодии» нет записей о митрополите по имени Арношт Денив, умершем в начале пятнадцатого века.

Извинившись, библиотекарь оставила их одних за столиком для чтения.

— Игра в «наперстки» с гробами на острове Сазан начинает казаться мне парой пустяков, — сказал Сэм.

— Это не может быть конец, — заявила Реми. — Мы знаем, что Арношт Денив существовал. Как о нем может не быть записей?

Из-за соседнего стола послышался вкрадчивый бас:

— Ответ, моя дорогая, таков: в истории Болгарской православной церкви существовало несколько Арноштов Денивых и большинство из них жили до Русско-турецкой войны.

Сэм и Реми повернулись и увидели седовласого мужчину с живыми зелеными глазами. Мужчина одарил их сияющей открытой улыбкой и произнес:

— Извините, что подслушивал.

— Ничего страшного, — ответила Реми.

Мужчина признался:

— Беда библиотеки в том, что она сейчас осуществляет оцифровку записей. И полный каталог с перекрестными ссылками еще не готов. Соответственно, если ваш запрос не содержит самых точных сведений, вы можете пропустить нужное.

— Будем благодарны за любой совет, — заметил Сэм.

Мужчина жестом пригласил их пересесть за его стол.

Когда они устроились, а он собрал свои книги в стопку, он сказал:

— Дело в том, что я сам занимаюсь историей.

— Историей православной церкви? — спросила Реми.

Мужчина понимающе улыбнулся.

— Среди прочего. Мои интересы… эклектичны — думаю, можно сказать так.

— Интересно, что наши дороги сошлись здесь, — заявил Сэм, изучая лицо мужчины.

— Правда, я думаю, необычнее выдумки. Сегодня утром, исследуя турецкое правление в Болгарии, я наткнулся на имя Арношта Денива, митрополита, жившего в пятнадцатом веке.

— Но библиотекарь сказала, что нет…

— Она сказала, что у них нет записей о митрополите с таким именем, который бы умер в этот период. Книга, в которой я встретил это имя, еще не оцифрована. Понимаете, когда Оттоманская империя — фанатично исламская — завоевала Болгарию, были убиты тысячи священников. Часто уцелевших понижали в должности, отправляли в изгнание или то и другое. Так было и с Арноштом Денивым. Он был весьма влиятелен, и это тревожило турок.

В 1422 году после возвращения из миссионерской поездки на восток он был рукоположен в сан митрополита, но четыре года спустя лишен сана и отправлен в изгнание. Турки под страхом смерти запретили ему выезжать из деревни, в которой он и умер два года спустя.

— Позвольте высказать догадку, — предложил Сэм. — Турки постарались уничтожить историю Восточной православной церкви этого периода.

— Верно, — согласился мужчина. — В большинстве сохранившихся от того времени текстах Арношт Денив всего лишь малозначительный священник в крохотной деревушке.

— Значит, вы можете сказать нам, где он похоронен? — спросила Реми.

— Не только сказать — показать, где на всеобщее обозрение выставлены все его земные сокровища.

26

София, Болгария

Инструкции их благодетеля оказались просты: проехать десять миль на север к городу Кутина, в предгорьях Старой Планины. Найти в Кутине Музей истории культуры и попросить показать экспозицию, посвященную Дениву.

В Кутину они въехали в самом начале второго и зашли пообедать в кафе. Им кое-как удалось выяснить, где находится музей.

— Кстати, — сказал Сэм, открывая дверцу «фиата» со стороны водителя. — Ты помнишь, как зовут этого человека? Никак не могу вспомнить.

Держа руку на своей дверце, Реми помедлила. Наморщила лоб.

— Забавно… Я тоже не могу. Кажется, что-то начинающееся с *К* .

Сэм кивнул.

— Да, но было это имя или фамилия? Или и то и другое?

Сэм и Реми достаточно насмотрелись болгарских православных церквей и с облегчением увидели, что музей размещается в старой ферме желтой, как сливочное масло, выходящей на реку Искар. По сторонам от музея на зеленых лугах паслись лошади.

Фарго припарковались на засыпанном гравием «круге» у музея, вышли и поднялись по ступеням крыльца.

В застекленных квадратиках окна во входной двери висело универсальное, но кириллицей, «Вернусь в…» с циферблатом. Стрелки показывали два тридцать.

— Двадцать минут, — сказал Сэм.

Они сели на качели у входа и стали качаться, болтая и убивая время. По крыше застучал легкий дождь.

Реми спросила:

— Почему у нас таких нет? Это очень расслабляет.

— Есть, — ответил Сэм. — Четыре года назад я купил тебе качели на праздник древонасаждения. — Сэму нравилось удивлять жену подарками ко всяким невероятным датам. — Но все не было времени их собрать. Они у меня на самом верху списка.

Реми приобняла его за плечо.

— Да, верно. День древонасаждения. А ты уверен, что это не был День сурка?

— Нет, в День сурка мы были в Анкаре.

— Ты уверен? Я могла бы поклясться, что в Анкаре мы были в марте…

В 2:28 старый зеленый «булгаральпин» свернул к музею и остановился на лужайке. Из машины вышла долговязая женщина в старомодных очках и берете, увидела их на пороге и помахала.

— Здравей! — сказала она.

— Здравей! — в один голос ответили Сэм и Реми. Попадая в новую страну, они старались выучить две фразы: «Здравствуйте!» и «Говорите ли вы по-английски?»

Женщина начала подниматься на крыльцо, и Сэм пустил в ход вторую фразу. Женщина ответила:

— Да, я говорю по-английски. Моя сестра живет в Америке — Дирборн, Мичиган, Соединенные Штаты. Она учит меня английскому по Интернету. Меня зовут Совка.

Сэм и Реми представились.

Совка спросила:

— Вы приехали посмотреть музей?

— Да, — ответила Реми.

— Отлично. Идите за мной, пожалуйста.

Совка открыла входную дверь и зашла. Сэм и Реми последовали за ней. Внутри пахло старым деревом и капустой, стены были выкрашены так же, как снаружи — в бледно-желтый цвет. Повесив пальто в шкаф в прихожей, женщина провела их в небольшой кабинет, устроенный из гостиной.

— Что привело вас в этот музей? — спросила она.

По пути в Кутину Сэм и Реми обсуждали, как отвечать на такой вопрос, и решили говорить правду.

— Нас интересует отец Арношт Денив. В Болгарском национальном музее нам сказали, что у вас могут быть связанные с ним экспонаты.

У Совки округлились глаза.

— В «Мефодии»? В «Мефодии» знают о нашем музее? В Софии?

Реми кивнула.

— Да, знают.

— О, я обязательно помещу это в наш новостной листок, он скоро выходит. Для нас это минута гордости! Отвечу на ваш вопрос: вы не ошиблись. У нас есть некоторые личные вещи отца Денива. Все его личные вещи здесь. А можно спросить, почему он вас интересует?

Сэм и Реми рассказали о своей предполагаемой книге, и Совка серьезно кивнула.

— Мрачное время для церкви. Хорошо, что вы пишете об этом. Идемте.

Они вслед за Совкой вышли из кабинета, прошли по коридору и поднялись по спиральной лестнице на второй этаж. Здесь внутренние стены были снесены, превратив несколько тысяч квадратных футов

спален в открытое пространство. Совка провела их в юго-восточный угол дома, где несколько застекленных витрин и висящих гобеленов были размещены так, что получилось нечто вроде алькова. Витрины освещали встроенные в потолок лампы.

Реми увидела первой, спустя мгновение заметил и Сэм.

— Ты видишь?..

— Вижу, — ответил он.

Совка у него за плечом спросила:

— Извинять?

— Это я так, — ответил он.

Даже с расстояния в десять футов они увидели словно рвавшийся им навстречу закругленный золотой край в витрине у стены. С колотящимся сердцем Сэм и Реми вошли в альков. Там, на верхней полке, на сложенной черной рясе, обшитой желтовато-красной ленте, лежал диск Теуранга.

Совка театрально взмахнула руками и сказала:

— Добро пожаловать в собрание Денива. Здесь все, чем он владел, когда умер.

Сэм и Реми оторвали взгляды от диска и осмотрелись. Всего здесь было примерно двадцать предметов, в основном одежда, туалетные и письменные принадлежности и несколько обрывков писем в затемненных витринах.

— А что это за предмет? — как можно небрежнее спросила Реми.

Совка посмотрела на диск Теуранга.

— Сами не знаем. Мы думаем, это какой-то сувенир, возможно, из его поездок в варварские земли.

— Он великолепен, — сказал Сэм, наклоняясь ближе. — Если не возражаете, мы здесь осмотримся.

— Конечно. Если понадобится помощь, я поблизости.

Совка отошла, но постоянно оставалась в поле зрения.

— Это усложняет дело, — прошептала Реми Сэму.

Освободить от диска Бесима Малу было несложно. Однако диск Арноушта Денива был частью официальной истории. Они знали, что

вечером легко вломиться в музей, но ни Сэму, ни Реми такой выход не нравился.

— Посоветуемся с экспертами, — предложила Реми.

Они сказали Совке, что скоро вернутся, и вышли на крыльцо. Набрали Сельму, попросили подсоединить Джека Карну и ждали две минуты, пока слышались щелчки и гудки: Сельма устанавливала связь. Как только Карна появился на линии, Сэм объяснил ситуацию.

Реми спросила:

— Джек, что точно вам нужно от дисков, чтобы сделать их совместимыми с картой-фреской? Сам диск или изображения на нем?

— Боюсь, и то, и другое. Есть ли вероятность того, что она одолжит его вам?

— Сомнительно, — ответил Сэм. — Это ее гордость и радость. И, боюсь, если мы спросим, у нее возникнут подозрения. Сейчас она готова помогать и сотрудничать. Мы не хотим перемен.

Сельма спросила:

— Джек, насколько одинаковы величина и форма дисков?

— По моим исследованиям получается, что они почти идентичны. Будете точно знать, когда сравните тот, что вам прислали Сэм и Реми, с тем, что достанете из ларца.

Реми спросила:

— Сельма, что думаешь?

— Слишком рано говорить, миссис Фарго, но, если вы немного подождете… — Послышался щелчок, и на линии стало тихо. Верная своему слову, Сельма появилась через три минуты. — Я могу сделать диск, — сказала она без предисловий. — Ну, не я, но у моего друга есть друг, который может создать точную копию с помощью инженерной программы трехмерного моделирования. Если снабдить его достаточным количеством правильных снимков, он смоделирует недостающий диск.

Сэм сказал:

— Полагаю, у тебя уже есть перечень необходимых материалов и инструментов?

— Высылаю немедленно.

Добившись согласия Совки на фотографирование коллекции Денива в обмен на небольшой взнос в фонд «Новая крыша», Сэм и Реми вернулись в Софию и, следуя указаниям Сельмы и ее списку закупок, собрали все необходимое: две трехгранные масштабные линейки профессионального качества, круглый вращающийся стол, черную подставку высотой в дюйм — положить диск, лампы и штатив для камеры Реми.

К четырем они вернулись в Кутину, а еще через полчаса начали съемку. Стараясь уделять равное внимание всем экспонатам, чтобы не вызывать у Совки ненужных подозрений, они по очереди фотографировали все, оставив диск Теуранга напоследок. Совку съемка утомила, и она удалилась в свой кабинет.

— Будь мы менее щепетильными, все было бы гораздо проще, — заметил Сэм.

— Считай это улучшением кармы. К тому же кто знает, чем в Болгарии карается кража музейных экспонатов?

— Оба замечания весьма ценны.

Установив лайтбокс и повесив фон — белую ткань, — Сэм расставил лампы согласно указаниям Сельмы. После этого Реми установила на поворотном столе подставку и плашмя положила на нее диск. Наконец на место были уложены масштабные линейки, образовав вокруг диска букву L.

Сделав несколько пробных снимков и настроив камеру, Реми начала снимать: по пять кадров на каждый из восьмиградусных поворотов стола, всего сорок пять поворотов или двести двадцать пять снимков. Потом этот же процесс повторили, перевернув диск другой стороной, потом отсняли еще серию, поставив диск вертикально. Затем крупным планом сняли символы на обеих сторонах диска.

— Восемьсот кадров, — сказала Реми, выпрямляясь возле штатива.

— Большой файл?

Реми посмотрела на ЖК-дисплей камеры.

— Ого! Восемь гигов. Слишком много для стандартного е-мейла.

— Думаю, я знаю, как выкрутиться, — ответил Сэм. — Давай паковаться, пора уезжать.

Сэм и Реми позвонили Сельме, та позвонила Рубу, а он в свою очередь позвонил другу в ООО «Софийская служба научных архивов», и, в шесть тридцать вернувшись в Софию, обнаружили, что офис открыт. Как и в

первый раз, Сэма попросили только назваться и произнести кодовую фразу — на этот раз другую, и только тогда пригласили в соседний кабинет к компьютерному терминалу. Высокоскоростной Интернет быстро разобрался со снимками, передав их на Сельмин сайт хранения меньше чем за три минуты. Сэм подождал подтверждения, потом вернулся в «фиат» к Реми.

— Куда теперь? — спросила она.

Сэм помешкал. Нахмурился. С тех пор, как они приехали в Катманду, все происходило так быстро, что у него не было времени обдумать этот вопрос. Сэм сказал:

— Голосую за возвращение домой и перегруппировку.

— Поддерживаю.

27

Голдфиш-Пойнт, Ла-Джолла,

Калифорния

— Отлично... спасибо. Будем ждать.

Сельма повесила трубку и обвела взглядом собравшихся за кленовым столом: Сэма, Реми, Пита и Венди. Затем сообщила:

— Звонил Джордж. Модель диска Теуранга готова. Он отправляет его нам с велокурьером.

— Скорей бы увидеть, как выглядят восемьсот снимков в трех измерениях, — сказала Реми.

Прибыв домой после перелета София — Франкфурт — Сан-Франциско — Сан-Диего, Сэм и Реми наскоро со всеми поздоровались и на десять благословенных часов отправились спать. Отдохнув, физически почти переключившись на калифорнийское время, они встретились со всей командой в рабочем помещении, чтобы ввести всех в курс дела.

— Как бы хороша ни была модель, — заметил Пит, — с оригиналом она не сравнится.

Два подлинных диска Теуранга лежали в точно подходящих по размеру коробках из черного пенопласта, блестя в жестком свете висячих галогеновых ламп.

— Внешне да, — согласился Сэм. — Но по практической ценности… Пока он помогает верно выбрать направление, для меня он дороже золота.

Сельма спросила:

— Вы хоть во что-нибудь из этого верите?

— Во что?

— В пророчество, в теорию Джека о том, что Теуранг — недостающее эволюционное звено, в Шангри-Ла… во все это.

Ответила Реми.

— Джек сам признает: у нас есть только изображения Теуранга, и невозможно сказать, сколько в их основе легенды, а сколько непосредственных наблюдений. Думаю, его доводы достаточно убедительны, чтобы мы довели дело до конца.

Сэм согласно кивнул.

— А что касается Шангри-Ла… во множестве легенд есть зерно истины. В современной поп-культуре Шангри-Ла отождествляется с раем. Для народа Мустанга это могло быть всего лишь место, где найден Теуранг — и где он по справедливости должен упокоиться. Названия местностей — пустяк. В счет идет только смысл, который мы в них вкладываем.

— Сэм, да ты почти поэт, — восхитилась Реми.

Он улыбнулся.

— Бывает.

Загудел домофон. Сельма ответила, потом вышла, через минуту она вернулась с картонной коробкой. Открыла коробку, осмотрела содержимое и достала. Модель диска Теуранга она положила в пустую коробку.

Диск внешне был неотличим от своих собратьев.

— Потрясающе, — сказал Сэм. — Отличная работа, Сельма.

— Спасибо, мистер Фарго. Позвоним Джеку?

— Немного погодя. Я думаю, сначала пора поболтать с Королем Чарли. Хотелось бы так разозлить его, чтобы он заговорил.

— Что вы имеете в виду? — спросила Венди.

— В зависимости от того, насколько надежны его источники в Мустанге, он может считать, что сумел утопить нас в Кали-Гандаки. Посмотрим,

удастся ли его рассердить. Сельма, можешь подключить меня к защищенной линии.

— Да, мистер Фарго. Минуточку.

Вскоре линия подключилась, послышался звонок. Чарли Кинг недовольно буркнул:

— Кинг слушает.

— Доброе утро, мистер Кинг, — сказал Сэм. — Это Сэм и Реми Фарго.

Молчание. Потом громогласное:

— Доброе утро вам обоим! Давно вас не было слышно. Я уж испугался, что вы отказались от сделки.

— От которой из сделок?

— Я освободил вашего друга. Теперь вы должны отдать мне то, что нашли.

— Вас подводит память, Чарли. Уговор был другой: мы встретимся с Расселом и Марджори и достигнем взаимопонимания.

— Черт побери, сынок, что, по-твоему, это значило? Я отдаю вам Алтона, вы отдаете мне то, что я хочу.

Реми сказала:

— Мы решили, что вы нарушили условия договора, Чарли.

— О чем вы?

— Мы говорим о мнимом проводнике, которого вы наняли, чтобы он убил нас в Мустанге.

— Я ничего подобного не...

Сэм прервал:

— Это натяжка. Вы приказали убить нас детям или жене.

— Ах, вот вы как думаете? Что ж, попробуйте доказать.

— Думаю, мы можем сделать кое-что получше, — ответил Сэм.

Рядом с ним Реми одними губами спросила: «Что?» Сэм пожал плечами и так же беззвучно ответил: «Импровизация».

Кинг сказал:

— Фарго, мне угрожали гораздо более опасные и богатые люди, не вам чета. Я ежедневно смываю их кровь со своих сапог. Как насчет того, чтобы просто отдать мне то, что мне нужно, и расстаться друзьями?

— Поздно — для дружбы и всякого такого. Что касается трофея, который вам нужен и который ваш отец искал всю жизнь, то он у нас. Стоит прямо перед нами.

— Вздор!

— Ведите себя прилично, и, может быть, мы пошлем вам снимок. Но почему бы вам сперва не объяснить причину своего интереса?

— А как насчет того, чтобы рассказать мне, что вы нашли?

— Деревянный ларец кубической формы, имущество солдата, который мертв уже примерно полтысячи лет.

Кинг ответил не сразу, но в трубке было слышно его дыхание. Наконец он тихо сказал:

— Он действительно у вас.

— Да. И если вы не начнете говорить правду, мы откроем его и сами посмотрим, что там.

— Нет, подождите. Не делайте этого.

— Тогда скажите, что внутри.

— Одно из двух: или предмет в форме большой монеты, или груда костей. В любом случае для вас это ничего не значит.

— Тогда почему для вас это значит так много?

— Не ваше дело.

Сельма, стоявшая по другую сторону стола перед своим ноутбуком, подняла указательный палец. Сэм сказал:

— Мистер Кинг, можете подождать минутку?

Не дожидаясь ответа, Пит протянул руку и ткнул в кнопку «Отключить звук».

Сельма заговорила:

— Забыла сказать: я поосновательнее порылась в подростковых годах Кинга. Нашла блог, который ведет бывший репортер «Нью-Йорк таймс». Эта женщина утверждает, что во время интервью три года назад она задала Кингу вопрос, который ему не понравился. Свирепо посмотрев на нее, он прервал интервью. Два дня спустя ее уволили. С тех

пор она не может найти официальную работу как журналист. Кинг вставил ее во все черные списки.

Реми спросила:

— О чем она его спросила?

— Спросила, почему в школьные годы у него была кличка «Адольф».

— И все? — спросил Сэм.

— Все.

Венди сказала:

— Мы уже знаем, что Льюис Кинг только назывался нацистом, а Чарли ничего общего с этим не имел, так за что его...

— Дети есть дети, — ответила Реми. — Только подумайте: Льюис Кинг практически отсутствовал в жизни Чарли с самых ранних лет. Мало того — куда бы Чарли ни пошел, его везде безжалостно дразнили за нацистские корни. С нашей точки зрения, это не так уж страшно, но для ребенка, для подростка... Сэм, возможно, это больное место Кинга. Тогда он был обидчивым ребенком, у которого не было никакой власти. Теперь он обидчивый миллиардер, и власти у него больше, чем у некоторых глав государств.

Сэм задумался. Он кивнул Питу, и тот включил микрофон.

— Прошу прощения, Чарли. Так на чем мы остановились? А, да, ларец. Вы сказали, что в нем монета или груда костей, верно?

— Верно.

— Для чего они были нужны вашему отцу? Какие-то тайные оккультные нацистские причины? Что-то, о чем мечтали Гиммлер с Адольфом?

— Заткнитесь, Фарго!

— Ваш папаша охотился за этим всю жизнь. Почему вы так уверены, что у него не было связей с какой-нибудь послевоенной тайной нацистской организацией?

— Предупреждаю вас... Заткните пасть!

— Ради этого вам нужен Золотой Человек, Чарли? Пытаетесь закончить то, что не успел ваш папочка — любитель гусиного шага?

Из микрофона послышались звуки тяжелых ударов по чему-то деревянному, затем шум помех.

Некоторое время спустя на линии вновь послышался голос Кинга:

— Я не нацист!

— Яблочко никогда не падает далеко от яблоньки, Чарли. Случилось, я думаю, вот что. Во время экспедиции 1938 года ваш отец узнал о существовании Теуранга. После войны семья переезжает в Америку, где он продолжил ваше нацистское воспитание. Для ваших извращенных умов Теуранг — нечто вроде Святого Грааля. Льюис сгинул, пытаясь отыскать его, но он хорошо обучил вас. И вы не намерены…

— Эта сволочь! Этот идиот! Он бросил мою мать в Германии и валандался черт знает где, а потом то же самое проделал здесь! Мама выпивает целый флакон пилюль, а он даже не потрудился явиться на похороны. Он убил ее, и у него не хватило порядочности приехать!

«Добрый чудаковатый старина Льюис»! Да ему было плевать, что о нем говорят, и он не мог понять, почему это тревожит меня. Каждый день, каждый чертов день я должен был слушать, как шепчутся у меня за спиной и встречают меня «Хайль Гитлер!», чтоб его! А я все равно побил их всех! Всех побил! Теперь я каждого из них могу купить и продать.

Думаете, я ищу Золотого Человека из-за отца? Думаете, я сознаю свой сыновний долг? Курам на смех! Когда эта штука попадет ко мне в руки, я растопчу ее в пыль! И, если есть Бог на небе, отец это увидит! — Кинг помолчал и принужденно усмехнулся. — К тому же вы оба с самого первого дня были у меня бельмом на глазу. Будь я проклят, если вы заберете то, что принадлежит мне по праву.

Сэм ответил не сразу. Один взгляд на Реми сказал ему, что они думают об одном и том же: им было ужасно жаль маленького Чарлза Кинга. Но Кинг давно вырос, и его безумное стремление отомстить давно умершему отцу унесло немало жизней.

Сэм сказал:

— Так вот в чем дело? Детская истерика? Кинг, вы убивали, похищали и обращали людей в рабство. Вы социопат.

— Фарго, вы не знаете, что вы…

— Я знаю, что сделали вы. И знаю, что еще вы способны сделать, прежде чем все это закончится. Я обещаю вам, Кинг: мы не только постараемся уберечь от вас Золотого Человека, мы сделаем все, чтобы вы за свои преступления оказались в тюрьме.

— Фарго, а ну послушайте! Я убью…

Сэм протянул руку и отключил связь. Воцарилась тишина.

Все вокруг рабочего стола молчали. Потом Сельма негромко произнесла:

— Что ж, кажется, он немного рассердился.

Такое невероятное преуменьшение сняло напряжение. Все рассмеялись. Когда смех затих, Реми сказала:

— Вопрос вот в чем: если мы сдержим слово, куда попадет Кинг, в тюрьму или в палату с мягкими стенами?

Трисули, Непал

Полковник Чжоу согласился на эту позднюю встречу отчасти из любопытства, отчасти по необходимости. Его уговор с этими необычными американскими *цзачжунами* — полукровками — до сих пор приносил прибыль, но теперь, когда он узнал, кто они на самом деле и кто их отец, ему очень хотелось изменить условия их партнерства. Чжоу не волновало, что делает Кинг в Непале. Раздражало его то, что он слишком мало с них взял… накладные расходы, как говорят американцы. Перевозить окаменелости в Лхасу и пропускать через таможню было нетрудно, но вот находить достойных доверия распространителей такого нелегального товара — гораздо труднее, или, как в этот вечер, гораздо дороже.

За несколько минут до полуночи Чжоу услышал снаружи звуки подъезжающей машины. Два солдата позади полковника встали со стульев и взяли автоматы наизготовку.

— На этот раз я приказал их обыскать, — сказал полковник своим людям. — Но все равно не ослабляйте бдительности.

Порог переступил один из часовых, дежуривших снаружи; он кивнул Чжоу и исчез. Мгновение спустя из темноты в пространство, озаренное зыбким светом керосиновой лампы, шагнули Рассел и Марджори Кинг. Они были не одни. В комнату вошла третья — гибкая китаянка с мрачным лицом. Поза детей Кинга подсказала Чжоу, что эта новая женщина будет говорить от лица всех троих.

И тут он увидел сходство — одинаковые глаза, нос, скулы. Мать и дети, подумал Чжоу. Очень интересно. Он решил сыграть в открытую. Встал из-за стола, устроенного на козлах, и уважительно кивнул женщине.

— Могу я называть вас миссис Кинг?

— Нет. Су. Чжилань Су.

— Прошу садиться.

Чжилань села на скамью, аккуратно сложив руки перед собой на столе. Дети Кинга остались стоять навытяжку, зеркально повторяя позу солдат полковника Чжоу. Сам Чжоу тоже сел.

— Чему обязан удовольствием? — спросил он.

— Моему супругу кое-что от вас требуется.

— Неужели?

— Да. Прежде всего он требует, чтобы вы поняли следующее: мы знаем, что вас зовут не Чжоу и что вы не полковник Народно-освободительной армии. На самом деле вас зовут Фэн, и вы генерал.

Генерал Фэн почувствовал, что его желудок словно превратился в глыбу льда. Лишь огромным усилием воли ему удалось подавить панику и не показать ее.

— Правда?

— Да. Мы знаем о вас все, в том числе обо всех остальных ваших незаконных операциях: торговле оружием, контрабанде героина и прочем. Мы знаем также, кто из вашего начальства вам друг, а кто враг. Мой супруг в очень хороших отношениях с неким генералом Гоу. Вам знакомо это имя?

Фэн с трудом глотнул. Мир вокруг него рушился. И он сумел только едва слышно сказать:

— Знаю.

— Генерал Гоу вас не жалует, так?

-Да.

— Я достаточно ясно выразилась? — спросила Чжилань Су.

-Да.

— Тогда поговорим о нашем сотрудничестве. На самом деле мой супруг доволен предоставленными вами услугами и хотел бы предложить пятнадцатипроцентное повышение оплаты всех транзакций.

— Это очень щедро.

— Мой супруг понимает это. Он также просит вас об услуге.

Не успели слова слететь у него с языка, как Фэн уже проклял себя:

— Услуга означает «безвозмездно».

Чжилань на несколько мгновений устремила на Фэна взгляд суровых, черных, как обсидиан, глаз и только потом ответила.

— Я неудачно выразилась. Возможно, лучшее сказать «задание». Конечно, мой супруг с радостью компенсирует ваши усилия суммой в двести тысяч долларов США. Но только в случае успеха.

Фэн очень старался не улыбнуться.

— Конечно. Это только справедливо. Задание какого рода?

— Есть люди — точнее, их двое, — которые угрожают нашим деловым интересам здесь. Мы ожидаем, что в ближайшие недели они будут путешествовать вдоль границы и, возможно, даже заедут в ТАР, — сказала Чжилань, имея в виду Тибетский автономный район. — Мы хотим, чтобы вы их перехватили.

— Нужно точнее сформулировать задачу.

— Их нужно захватить и держать в плену или убить. Я передам вам приказ, когда настанет время.

— Как близко к границе они будут перемещаться?

— Кое-где меньше, чем в пяти милях от нее.

— Длина границы — много сотен миль. В таких условиях очень трудно найти двоих людей.

— Не глупите, — сказала Чжилань более резко. — В вашем распоряжении четырнадцать вертолетов «Харбин Z-9», снабженных инфракрасными радарами, камерами ночного наблюдения и ракетами, противовоздушными и противотанковыми.

Фэн вздохнул.

— Вы на редкость хорошо информированы.

— Под вашим командованием также семьдесят девять наблюдательных пунктов вдоль границы. Это тоже верно?

-Да.

— Мы подозреваем, что этим людям придется пересекать самые отдаленные районы на вертолете. В Непале лишь несколько компаний предлагают такие услуги. Чтобы облегчить вам задачу, мы будем наблюдать за этими компаниями.

— Тогда почему бы не перехватить этих людей до того, как они сядут на борт?

— Мы позволим им… закончить дела, прежде чем вы начнете действовать против них.

— А что у них за дела?

— Они кое-что ищут. Мы хотим, чтобы они достигли успеха.

— Что они ищут?

— Вам незачем это знать. Генерал, я уже объяснила, что от вас требуется; я дала вам всю информацию, необходимую, чтобы вы приняли решение. Решайте же, будьте любезны.

— Я согласен. Но мне понадобится информация об объектах.

Чжилань сунула руку в карман парки и достала оттуда карту памяти. Положила ее на стол перед Фэном и встала.

— Будьте готовы, когда я позвоню.

28

Джомсом, Непал

Остро сознавая, что, разозлив Чарлза Кинга, они разозлили льва, который до сих пор был только раздражен, Сэм и Реми велели Сельме отыскать для них другую дорогу в Мустанг.

Все участники дела знали, что Теуранг где-то в Гималаях и Кинг теперь знает — Фарго, получив существенное преимущество в гонке, вынуждены будут вернуться в Непал. Сэм и Реми не сомневались, что Рассел и Марджори Кинг вместе с матерью, Чжилань Су, будут их искать. Только время могло показать, какие еще силы пустит в ход Кинг, но они намерены были действовать очень осторожно, пока не закончится эта одиссея.

Несколько марафонских перелетов привели их в Индию, в Нью-Дели; отсюда они проехали двести пятьдесят миль на север, к городу Лакхнау, откуда чартерным рейсом на одномоторном самолете пролетели еще двести миль на северо-восток, до Джомсома. Они были здесь всего неделю назад, и, когда колеса их самолета коснулись посадочной полосы, Сэм и Реми почувствовали нечто вроде дежа-вю. Это ощущение только усилилось, когда в толпе туристов и предлагающих свои услуги проводников они направились к терминалу.

Как и пообещал Джек Карна, через таможню и службу иммиграции они прошли без задержек и вопросов. Снаружи у обочины их ждал еще один «взрыв из прошлого» — у белой «Тойоты-Лендкрузер» стоял непалец и держал в руках табличку с их фамилией.

— Думаю, вы ждете нас, — сказал Сэм, протягивая руку.

Мужчина обменялся с ними рукопожатием.

— Меня зовут Аджай. Мистер Карна просил меня передать вам: «Самая новая рыбка Сельмы называется Apistogrammainiridae». Я верно произнес название?

— Правильно, — согласилась Реми. — И зовут ее…

— Фродо.

В долгих разговорах Сельма и Карна обнаружили, что оба они поклонники трилогии «Властелин колец».

— Да? Хорошо? — с улыбкой спросил Аджай.

— Хорошо, — ответил Сэм. — Ведите.

Аджай что неудивительно оказался не только лучшим проводником, чем предыдущий, но и опытным водителем: он искусно преодолевал бесчисленные повороты, изгибы и препятствия Кали-Гандаки. Всего через восемь часов после выезда из Джомсома они стояли перед дверью Джека Карны в Ло-Монтанге.

Карна встретил их теплыми объятиями. Горячий чай и лепешки были готовы и ждали в привычном месте с россыпью подушек. Когда Сэм и Реми сели и чуть согрелись, они достали диски Теуранга и разложили их на кофейном столике перед Карной.

Целую минуту он молча смотрел на них с волнением во взгляде и полуулыбкой на губах. Наконец по очереди взял диски и внимательно рассмотрел их. Модель диска произвела на него не меньшее впечатление.

— Помимо символов, он почти идентичен оригиналу, правда? Ваша Сельма… замечательная женщина, надо сказать.

Реми искоса посмотрела на Сэма и улыбнулась. Женская интуиция еще раньше подсказала ей, что между Сельмой и Джеком проскочила искра. Сэм тогда отмахнулся от этой мысли. Теперь он согласно кивнул.

— Да, она уникум, — сказал он. — Так, по-вашему, это сработает?

— Не сомневаюсь. Для этого завтра утром Аджай отвезет нас в пещеры. Если повезет, к концу дня мы найдем совпадение. А дальше будем просто идти по карте в Шангри-Ла.

— Ничего не бывает просто, — заявила Реми. — Поверьте.

Карна пожал плечами.

— Как скажете. — Он налил еще чаю и передал тарелку с лепешками. — А теперь расскажите мне о любви Сельмы к чаю и тропическим рыбам.

* * *

На следующее утро они встали до рассвета, и мальчик, хозяйничавший на кухне Карны, подал настоящий английский завтрак: бекон, яичницу, черный пудинг, жареные помидоры с грибами, тосты, сосиски и словно бы бездонные чашки с чаем. Наевшись до отвала, Сэм и Реми отодвинули свои тарелки.

— Это ваш обычный завтрак? — спросила Реми у Карны.

— Конечно.

— Как вы умудряетесь оставаться худым? — спросил Сэм.

— Много хожу. Не говоря уже о холоде и высоте. Здесь калории сгорают быстро. Если я в день не получу по меньшей мере пять тысяч, начну терять вес.

— Может, вам стоит организовать фитнес-лагерь, — предложила Реми.

— Неплохая мысль, — ответил Карна, вставая. Он хлопнул в ладоши и потер руки. — Хорошо. Десять минут до выхода. Аджай встретит нас у ворот.

Верный своему слову, десять минут спустя Карна уже выводил их за дверь, и вскоре они ехали на «лендкрузере» на юго-восток, к предгорьям. В двух милях за городской чертой они перевалили через вершину, и местность начала стремительно меняться. Пологие холмы стали круче, их цепь сделалась неровной, рваной. Сероватая почва постепенно бурела, а скудный кустарник, кое-где пятнавший окрестности, встречался все реже. Аджай выехал на усеянную булыжниками дорогу, и машина зарыскала из стороны в сторону. Вскоре у Сэма и Реми защелкало в ушах.

Карна с переднего сиденья сказал:

— В багажнике два ящика с водой в бутылках. Не допускайте обезвоживания. Чем выше мы поднимаемся, тем больше жидкости требуется.

Сэм взял две пары бутылок, передал одну Реми, две Карне и спросил:

— Далеко мы от тибетской границы?

— Примерно семь миль. Постарайтесь запомнить: вместе со всем остальным миром мы можем считать это тибетской границей, но китайцы так не думают. И очень рьяно внедряют это мнение. Пусть официальное название — «Тибетский автономный район», но с точки

зрения Пекина это Китай. Если вы внимательно понаблюдаете, то начнете замечать на хребтах наблюдательные посты. Нам даже могут встретиться один-два патруля.

— Патруль? — повторил Сэм. — Китайской армии?

— Да. Их сухопутные подразделения и самолеты постоянно заходят в Мустанг, и вовсе не случайно. Они знают, что Непал может только отправить очередную официальную жалобу, а для китайцев это ничего не значит.

— А что будет с тем, кто забредет за границу? Заблудившийся турист, например.

— Зависит от территории. Между нами и северной оконечностью Мустанга протяженность границы составляет почти две тысячи миль, и по большей части она проходит по глухой, труднопроходимой горной местности. Что касается этих мест, то иногда китайцы не слишком вежливо отправляют заблудших за границу, но чаще арестовывают. Я знаю по меньшей мере три таких случая за последний год.

Аджай на сиденье водителя молча поднял четыре пальца.

Карна сказал:

— Поправка: схвачено четверо туристов. Всех, кроме одного, со временем освободили. Я прав, Аджай?

— Верно.

— Уточните, что значит «со временем», — попросила Реми.

— Примерно через год. О том, которого не отпустили, ни слуху ни духу уже шесть лет. Понимаете, китайцы очень любят наглядные примеры. Чересчур рано отпустить нарушителя значило бы подать плохой пример. Очень скоро у вас через границу пойдут орды западных агентов, переодетых туристами.

— Они и правда так это видят? — спросил Сэм.

— Кое-кто в правительстве — да. Но я подозреваю, что в основном это показуха. Вдоль южной границы Китая есть обширные участки, которые невозможно накрыть с земли, поэтому китайцы особенно строги в тех районах, которые могут контролировать. Я узнал из надежного источника, — Карна комично показал головой на Аджая, — что в северной Индии туристы часто переходят границу; есть даже туристические компании, которые на этом специализируются. Верно, Аджай?

— Верно, мистер Карна.

— Не волнуйтесь, Фарго. Мы с Аджаем занимаемся этим уже много лет. Наш прибор GPS отлично откалиброван, и мы хорошо знаем местность. Уверяю вас, мы не попадем в когти китайской армии.

Еще час поездки привел их к ущелью, окруженному скалами, до того изъеденными эрозией, что они казались рядами массивных муравейников. Впереди виднелось похожее на замок сооружение, которое как будто частично вросло в холм. Наружные стены того же темно-красного цвета, какой они видели в Ло-Монтанге, а два верхних этажа, возведенные на горизонтальных балках, выступающих наружу, последовательно уменьшались и как будто были высечены в самой скале. Выцветшие молитвенные флажки, на веревках, натянутых между коническими крышами, развевал ветер.

— Тарл Гомпа, — провозгласил Карна.

— Мы несколько раз уже слышали это название, — сказала Реми, — но определение кажется… неясным.

— Вы очень правильно выразились. С одной стороны гомпы — это своего рода крепости, укрепленные места для уединения и духовного роста. С другой стороны — это монастыри; с третьей военные посты. Многое зависит от периода истории и от того, кто населяет гомпу.

— И сколько их?

— В одном Непале я знаю свыше ста. Вероятно, втрое больше до сих пор не обнаружены. А если присоединить Тибет и Бутан, их тысячи.

— Почему мы остановились в этой? — спросил Сэм.

— В основном из уважения. Там, где есть священные пещеры, создается совет старейшин, чтобы присматривать за ними. Местные пещеры пока не очень хорошо известны, и здешние старейшины ревностно их охраняют. Если мы не окажем должного уважения, вскоре увидим, что на нас направлен десяток старинных ружей.

Они вышли из машины. Карна что-то крикнул на непальском языке, и спустя несколько минут из потемневшей двери вышел пожилой человек в брюках защитного цвета и ярко-синей парке. Лицо у него было коричневое, как орех, изрезанное глубокими морщинами. Он несколько секунд разглядывал приехавших из-под густых кустистых бровей, потом широко улыбнулся.

— Намаете, Джек, — сказал он.

— Намаете, Пушпа. Тапааи лааи каето чха?

Карна пошел вперед, мужчины обнялись и о чем-то негромко заговорили. Карна показал на Сэма и Реми, и те невольно шагнули вперед.

Аджай остановил их.

— Вам лучше ждать здесь. Пушпа сгоньер — привратник. Эти люди хорошо знают Карну, но к чужакам относятся с подозрением.

Карна и Пушпа говорили еще несколько минут, прежде чем старик кивнул и подал Карне обе руки. Карна вернулся к «лендкрузеру».

— Пушпа разрешил нам двигаться дальше. Он известит местного проводника, который встретит нас у первой пещеры.

— Как известит проводника? — спросила Реми. — Я не вижу…

— Известит словом пеший посыльный, — ответил Карна.

Он показал на острые, как акульи зубы, каменные выступы на соседнем утесе. Там стоял человек. У них на глазах Пушпа поднял руку и сделал несколько знаков кистью. Человек ответил таким же способом и исчез за скалой.

Карна сказал:

— К тому времени как мы туда доберемся, все местные будут знать о нас и о том, что у нас есть разрешение.

— Иными словами, никаких разгневанных крестьян с вилами.

— С ружьями, — поправил Сэм.

Карна ободряюще улыбнулся.

— Ни того, ни другого. Идем?

Когда Тарл Гомпа в зеркале заднего обзора исчез из глаз, они ехали в общем направлении на восток, две мили ехали вдоль ущелья, а затем выехали на сухое русло. Четвертью мили дальше за мостом у подножия другого холма-муравейника, на этот раз высотой несколько сотен футов, уходящего на север и юг, насколько хватал глаз, располагались несколько сооружений типа гомпы.

Аджай подвел «лендкрузер» к мосту и переправился. По мере приближения к поселку местность менялась: вместо осыпи и валунов появился мелкий ржаво-коричневый песок. Аджай остановил машину у низкой каменной стены, огибавшей всю деревню. Все вышли на резкий ветер. Песок шуршал об одежду.

— Кусается, правда? — сказал Карна.

Сэм и Реми, которые как раз надевали капюшоны, кивнули. Сэм, перекрикивая шум ветра, спросил:

— Отсюда пойдем пешком?

— Да. Вон туда. — Карна показал на холмы-муравейники. — Идем.

Он провел их через брешь в стене и двинулся вниз по обложенной с обеих сторон камнями тропе. В конце тропы они увидели густую живую изгородь из местного кустарника. Карна прошел вдоль изгороди налево, а потом сквозь нее к природной беседке. Они оказались на небольшой, выложенной камнями площадке, в центре которой журчал фонтан. По краю площадь окружали ящики, засаженные красными и пурпурными цветами.

— Часть реки они отводят для полива, водопровода и фонтанов, — объяснил Карна. — Они очень любят фонтаны.

— Он очень красив, — сказала Реми.

Легко представить себе, как именно здесь возникли легенды о Шангри-Ла, подумала она. В сердце самой мрачной и безжизненной местности из тех, где им довелось побывать, они с Сэмом наткнулись на крошечный оазис. Контраст приятно поражал.

Неподалеку на деревянной скамье сидел низкорослый мужчина средних лет в клетчатой вязаной куртке и бейсболке; на бейсболке было эмблема «Чикагских медведей».

Человек приветственно поднял руку и направился к ним. Они с Карной обнялись и несколько минут говорили, прежде чем Карна повернулся и представил Сэма и Реми.

— Намаете... намаете... — повторял мужчина с улыбкой.

Карна сказал:

— Это Пушпа. — И, предвосхищая вопрос, добавил: — Да, более или менее как человек в гомпе. Нам эти имена кажутся на слух совершенно одинаковыми, они придают огромное значение разнице в тоне. Пушпа отведет нас к пещерам. Сначала мы с Пушпой выпьем чаю, потом займемся делом.

29

Джомсом, Непал

Взвалив на спины рюкзаки, они вернулись к «лендкрузеру», миновали его и двинулись за Пушпой вдоль стены вначале на юг, потом на восток, в обход деревни к подножиям утесов-муравейников.

— Я вдруг почувствовала себя ужасно маленькой, — через плечо сказала Реми Сэму.

— Очень, — согласился Сэм.

Когда они впервые увидели эти утесы, расстояние и фантастическая геология вместе сделали их нереальными, словно декорации фантастического фильма. Теперь, стоя в тени предгорий, Реми и Сэм были просто потрясены.

Шедший первым Пушпа остановился и терпеливо ждал, пока Сэм и Реми кончат глазеть, сделают снимки и пойдут дальше. Десять минут ходьбы привели их к расщелине в скале, которая была едва ли выше Сэма. Они по очереди проскользнули в это отверстие и оказались на тропе, напоминавшей туннель. Над их головой гладкие ржаво-коричневые стены вдавались внутрь, едва не соприкасаясь, оставляя лишь узкую полоску голубого неба.

Тропа петляла и вилась все время на восток, и Сэм и Реми потеряли представление о том, сколько прошли. Пушпа резким возгласом объявил привал. Последний в цепочке Аджай сказал:

— Теперь будем подниматься.

— Как? — спросила Реми. — Не вижу никаких опор. И у нас нет снаряжения.

— Пушпа и его друзья проложили путь. Песчаник здесь очень хрупкий; стандартные альпинистские крюки и болты приносят слишком большой ущерб.

Они видели впереди разговаривающих Пушпу и Карну. Пушпа исчез в нише в левом боку утеса, а Карна вернулся на тропу, где стояли Сэм и Реми.

— Пушпа идет первым, — сказал он, — за ним Аджай. Затем вы, Реми, а за вами Сэм. Я замыкаю цепочку. Ступени могут испугать, но они очень надежны, уверяю вас. Только не торопитесь.

Сэм и Реми кивнули, и Карна с Аджаем поменялись местами.

Аджай несколько минут стоял во главе цепочки, полуобернувшись, потом тоже вошел в нишу и исчез из виду. Сэм и Реми прошли вперед и подняли головы.

— О боже, — сказала Реми.

— Да уж, — согласился Сэм.

Ступени, о которых говорил Карна, на поверку оказались деревянными кольями, вбитыми в известняк так, чтобы образовать цепочку опор для рук и ног. Лестница поднималась по узкой расселине, словно по дымоходу, на несколько сотен футов и уходила за выступ скалы и исчезала.

Они смотрели, как карабкается по ступеням Аджай, пока он не скрылся из глаз. Реми несколько мгновений помедлила, потом обернулась к Сэму, улыбнулась, поцеловала его в щеку и жизнерадостно сказала:

— Увидимся наверху!

С этими словами она взялась за первую перекладину и начала подниматься.

Когда она была уже на полпути, Карна за плечом у Сэма сказал:

— Она у вас энергичная!

Сэм улыбнулся.

— Вы ломитесь в открытую дверь, Джек.

— Очень похожа на Сельму, верно?

— Верно. Сельма... неповторима.

Когда Реми исчезла за поворотом, Сэм начал подъем. Он сразу почувствовал прочность колец, и после нескольких пробных попыток компенсировать тяжесть рюкзака нашел размеренный ритм движений. Вскоре стены дымохода сомкнулись вокруг него. На тропу пробивалось мало света, и потому внизу все скрывалось в полутьме. Сэм достиг нависающего выступа и заглянул за поворот. В двадцати футах от него вверху и слева кольца заканчивались у горизонтальной планки, прибитой к ряду кольев. Там, где заканчивалась первая планка, начиналась вторая, а за ней нависающая скала, которая скрывала новый поворот. У места соединения планок стояла Реми. Она помахала Сэму и подняла большой палец.

Добравшись до планки, Сэм понял, что она не такая узкая, какой казалась снизу. Он подтянулся, залез на платформу, прочно встал на ноги и прошел по планке, потом за поворот. Еще четыре планки

привели его к каменному карнизу и овальному входу в пещеру. Внутри он обнаружил Пушпу, Аджая и Реми; они сидели вокруг портативной плитки, на которой стоял миниатюрный чайник.

Вода только начала закипать, когда в пещеру вошел Карна. Он сел.

— О, отлично, чай!

Пушпа без слов достал из своего мешка пять красных эмалированных кружек, раздал их и разлил чай. Все сидели, прижимаясь друг к другу, пили чай и наслаждались тишиной. Снаружи у входа свистел ветер.

Когда чай был допит, Пушпа ловко упаковал кружки, и все пошли дальше, на этот раз включив налобные фонари. Снова Пушпа шел первым, а замыкал Аджай.

Туннель повернул налево, потом направо и внезапно закончился у вертикальной стены. Прямо впереди на уровне груди в известняке была вырезана арка. Пушпа обернулся и несколько секунд говорил с Карной, потом Карна сказал Сэму и Реми:

— Пушпа понимает, что вы не буддисты, и понимает, что нам предстоит довольно сложная работа, поэтому он не станет просить нас соблюдать все буддийские обычаи. Он только просит, чтобы, впервые войдя в помещение, вы обошли его по периметру по часовой стрелке. После этого можете перемещаться как угодно. Понятно?

Сэм и Реми кивнули.

Пушпа нырнул в арку и сделал шаг влево, за ним последовали Сэм, Реми и Аджай. Они оказались в коридоре. На стене перед ними были нарисованы поблекшей красной и желтой краской незнакомые символы, а также сотни строк текста, который они посчитали диалектом лова.

Карна шепотом сказал им:

— Это своего рода приветствие, по сути исторически установившееся введение в систему пещер. Ничего специально связанного с Теурангом или Шангри-Ла.

— Это природное или сделано человеком? — спросила Реми, показывая на стены и потолок.

— На самом деле то и другое. В то время, когда создавались эти пещеры — примерно девятьсот лет назад, — лова, жившие в этой местности, верили, что священные пещеры даны им природой в зародышевом состоянии. Как только пещеры были открыты, лова могли раскапывать их в соответствии со своей духовной волей.

Вслед за Пушпой группа продолжала двигаться по коридору; шли пригнувшись, пока не пришли к другому арочному входу. На этот раз проем был чуть выше Сэма.

За его плечом Карна с улыбкой сказал:

— Мы на месте.

На первый взгляд, главная камера казалась идеально правильным куполом диаметром десять шагов и высотой восемь футов, с потолком, сходящимся к круглому центру. На стене против входа располагалась фреска, которая занимала стену вдоль всего помещения и от пола до куполообразного потолка. В отличие от росписей в коридоре здесь символы, текст и рисунки были сделаны ярко-красной и желтой красками. Контраст со стенами цвета кофе был разительным.

— Великолепно, — сказал Сэм.

Реми, кивая, разглядывала фреску.

— Детали… Джек, почему здесь совсем другие цвета?

— Пушпа и его люди реставрировали эту фреску. Они используют старинную секретную краску. Даже со мной они не поделились составом, но Пушпа заверяет, что именно этот рецепт использовался девятьсот лет назад.

Стоя посреди помещения, Пушпа делал им какие-то знаки. Карна сказал Сэму и Реми:

— Обходим помещение. Не разговаривать. Головы склонить.

Карна по часовой стрелке провел их по пещере и снова остановился во входе-арке. Пушпа кивнул им, улыбнулся и наклонился к своему мешку. Достал пару керосиновых ламп и повесил на колышки в боковых стенах. Вскоре помещение заполнил янтарный свет.

— Чем мы можем помочь? — спросила Реми.

— Мне нужны диски и тишина. Остальное я сделаю сам.

Сэм достал водонепроницаемый футляр, в котором лежали диски, и протянул Карне. Вооруженный дисками, мотком бечевки, рулеткой, параллельной линейкой, циркулем и компасом, Карна подошел к фреске. Пушпа поспешно принес деревянную, грубо вырезанную складную табуретку-стремянку и поставил рядом с Карной.

Сэм, Реми и Аджай сняли рюкзаки и уселись под стеной.

Почти час Карна работал без перерыва, молча измеряя символы на фреске и делая записи в блокноте. Иногда он отступал, смотрел на стену, что-то бормоча себе под нос, или начинал расхаживать туда-сюда.

Наконец он что-то сказал Пушпе, который стоял сбоку от него, сложив ладони перед грудью. Пушпа и Карна встали на колени, открыли футляр и несколько минут разглядывали диски Теуранга, по-разному прикладывая их один к другому, пока не нашли как будто бы удовлетворительную конфигурацию.

Затем Пушпа и Карна разместили диски над определенными символами и стали измерять расстояния между ними, негромко обмениваясь какими-то замечаниями.

Наконец Карна отступил, подбоченился и в последний раз осмотрел фреску.

— Сельма говорила мне, что вы любите сценарии типа «хорошая новость и плохая новость».

Сэм и Реми обменялись улыбками. Сэм ответил:

— Сельма подшутила над вами: на самом деле это она любит такие сценарии, а не мы.

— Но все равно, Джек, выкладывайте, — сказала Реми.

— Хорошая новость: нам не нужно идти дальше. Моя догадка была правильна — нам нужна именно эта пещера.

— Фантастика, — заявил Сэм. — И?..

— На самом деле это хорошая, хорошая и плохая новость. Вторая хорошая новость: у нас есть описание Шангри-Ла — или хотя бы знаки, которые подскажут нам, что мы близко.

— Ну, теперь плохая новость, — поторопила Реми.

— Плохая новость: на карте указана только тропа, по которой шел с Теурангом Хранитель Дхакал. Как я и подозревал, она ведет на восток через Гималаи, но всего на карте двадцать семь знаков на тропе.

— Переведите, пожалуйста, — попросил Сэм.

— Шангри-Ла может быть в любом из этих двадцати семи мест — отсюда до восточной Мьянмы.

30

Катманду, Непал

— Вы уверены, что не передумаете, Джек? — спросила Реми. За ней на грязной взлетной площадке стоял сине-белый вертолет «Белл 206б Лонг-Рейнджер», гудя двигателем, — лопасти вращались, набирая скорость перед вылетом.

— Нет, дорогая, простите. И простите, что бросаю вас. У нас с летательными аппаратами взаимная ненависть. Когда я в последний раз летал в Британию, пришлось принять сильнейшее успокоительное.

Покинув накануне комплекс пещер, группа вернулась в Ло-Монтанг, чтобы перегруппировать силы и после мозгового штурма определить свой следующий шаг. Они знали, что он у них всего один: пройти по пути Хранителя Дхакала через восточную часть Непала, одно за другим исключая все места, указанные на карте-фреске.

Высота и удаленность местности позволяла им пользоваться только одним видом транспорта — чартерным вертолетом, что в свою очередь снова привело их в Катманду и в логово льва, так сказать. При везении Сэм и Реми за несколько дней успели бы раздобыть все необходимое, прежде чем Кинг узнает об их маршруте.

— А если Кинги пойдут по нашему следу? — спросил Сэм.

— Боже, разве я вам не говорил? Аджай служил в индийской армии и вдобавок он гурка. Очень крутой парень. Он за мной приглядит.

Стоя за плечом Карны, Аджай хищно улыбнулся.

Карна передал им ламинированную карту, на которую всю прошлую ночь наносил различные пометки.

— Вчера мне удалось исключить две точки, которые категорически не годятся: обе на вершинах, которые в дни путешествия Дхакала были покрыты льдом и снегом.

Исследования Карны в поисках «подлинной» Шангри-Ла заставили его предположить, что размещалась она в относительно умеренном климате с регулярной сменой времен года. К несчастью, Гималаи изобиловали такими тайными долинами, небольшими участками почти тропического рая, скрытыми среди неприступных вершин и ледников.

— Остается проверить шесть точек, — закончил Карна. — Аджай дал вашему пилоту координаты.

Лопасти вертолета завертелись быстрее. Карна пожал Фарго руки и крикнул:

— Удачи. Встретимся здесь, вечером!

Они с Аджаем направились к «лендкрузеру» Аджая.

Сэм и Реми пошли к вертолету.

* * *

Первая цель Сэма и Реми находилась в тридцати двух милях к северо-востоку от Катманду, в проходе Хутабранг. Их пилот Хосни, прежде служивший в военно-воздушных силах Пакистана, десять минут летел прямо на север, показывая им вершины и долины и позволяя запомнить очертания местности, прежде чем повернул на восток в соответствии с координатами.

В наушниках послышался голос Хосни:

— Входим в зону поиска. Я буду кружить по часовой стрелке и постараюсь спуститься как можно ниже. Ветер здесь бывает предательским.

В каюте за спиной у Хосни Сэм и Реми поспешно передвинулись, чтобы лучше видеть из окна. Реми сказала Сэму:

— Ищи грибы.

— Есть, капитан.

Перевод надписей на фреске, сделанный Карной, давал смутное, но, возможно, полезное описание о наиболее заметной особенности Шангри-Ла: огромной скалы в форме гриба. Поскольку фреску писали до эпохи полетов, распознать грибообразную скалу можно было бы только с земли. Фреска не указывала, каков именно размер этой скалы и где искать Шангри-Ла — на ней, в ней или возле нее. Сэм и Реми надеялись, что те, кто планировал эвакуацию Золотого Человека, выбрали достаточно большую скалу, чтобы она выделялась среди соседей.

В предвидении многочисленных посадок и взлетов они платили Хосни почти вдвое больше обычного и наняли его на пять дней и выплатили невозвратный взнос в размере оплаты еще пяти дней.

«Белл» миновал заросший лесом кряж, и Хосни направил машину вниз, в долину. В трехстах футах над вершинами деревьев он выровнял вертолет и сбросил скорость.

— Мы на месте, — сказал он.

Подняв к глазам бинокли, Сэм и Реми принялись осматривать долину. Реми спросила по радиосвязи:

— Напомни: насколько точны координаты Джека?

— Полкилометра. Примерно треть мили.

— Это мне не помогает.

Реми математику знала, но не любила; особенно ее раздражала необходимость измерять расстояния.

— Примерно четыреста пятьдесят ярдов. Представь себе стандартную беговую дорожку.

— Поняла. Вообрази, Сэм: этот Хранитель должен был попасть почти точно по этим координатам.

— Удивительное умение ориентироваться, — согласился Сэм. — Но ведь Карна сказал: эти парни были тогдашним эквивалентом зеленых беретов или «морских котиков». Они готовились к этому всю жизнь.

Хосни летел как можно ближе к вершинам деревьев. Долина, которую «Белл» пересек из конца в конец за пять минут, ничего не выдала. Сэм приказал Хосни лететь к следующей точке.

Утро было на исходе, «Белл» продолжал свой путь на запад. Летели медленно. Хотя многие точки разделяло всего несколько километров, высотный потолок «Белла» заставлял Хосни огибать самые высокие вершины, пролетать через горные седловины и проходы, лежащие ниже шестнадцати тысяч футов.

В самом начале второго, когда они летели на северо-запад, чтобы не врезаться в вершину хребта Ганеш-Гимал, Хосни сказал:

— Мы не одни. Вертушка под шестьдесят градусов справа от нас.

Реми перебралась к Сэму, и они выглянули в окно.

— Кто это? — спросила Реми.

Хосни ответил:

— Военно-воздушный флот китайской армии. Z-9.

— А где граница с Тибетом?

— Примерно в двух милях за ними. Не волнуйтесь, они всегда следят за вертолетами из Катманду. Просто играют мускулами.

— В любом другом месте это назвали бы вторжением, — заметил Сэм.

— Добро пожаловать в Непал.

После нескольких минут параллельного полета китайский вертолет отвернул и направился на север, к границе. Вскоре он затерялся в облаках.

Во второй половине дня они дважды просили Хосни приземлиться вблизи многообещающих с виду скальных образований, но их ожидания не оправдались. Около четырех часов Сэм красным карандашом вычеркнул последний пункт из их дневной карты, и Хосни взял курс на Катманду.

Утро второго дня началось с сорокапятиминутного полета к долине Будхи-Гандаки к северо-западу от Катманду. В этой долине, которая тянется вдоль западного края хребта Аннапурна, располагались три точки из набора Карны на этот день. Сэм и Реми три часа любовались прекрасной природой: густые сосновые леса, роскошные, буйно цветущие луга, зазубренные вершины кряжей, бурлящие реки и высокие водопады — но больше почти ничего, кроме скалы, которая до того напоминала гриб, что потребовала приземления, но вблизи оказалась валуном с более массивной верхней частью.

В полдень они сели близ туристического лагеря в деревне Багарчап, и, пока Сэм и Реми ели ланч, Хосни развлекал местных детей полетами на «Белле».

Вскоре они снова были в воздухе и направлялись на север над ледником Бинтанг, к горе Манаслу.

— Высота восемь тысяч сто, — пояснил Хосни, указывая на вершину.

Сэм перевел для Реми:

— Примерно двадцать четыре тысячи футов.

— На пять тысяч ниже Эвереста, — добавил Хосни.

— Одно дело — видеть это на снимках или с земли, — сказала Реми. — Но здесь я понимаю, почему это место называют крышей мира.

Немного задержавшись, чтобы Реми могла сделать снимки, Хосни развернул «Белл» на запад, спустился к очередному леднику — Пунг-Гьен, назвал его Хосни, — и они летели над ним восемь миль, пока снова не повернули на север.

— Наши друзья вернулись, — произнес Хосни в микрофон. — Справа.

Сэм и Реми посмотрели. Китайский Z-9 действительно вернулся и опять шел параллельно их курсу; однако на этот раз он сократил расстояние между ними всего до нескольких сотен ярдов.

Сэм и Реми видели силуэты людей, глядевших на них в окна вертолета.

Z-9 следовал за ними еще несколько миль, потом заложил вираж и исчез в облаках.

— Через три минуты следующая зона поисков, — объявил Хосни.

Сэм и Реми устроились у окон.

По заведенному уже порядку Хосни поднял нос «Белла» над хребтом, потом резко накренил машину и пошел вниз, в нужную долину, медленно теряя высоту. В конце концов «Белл» почти завис на месте.

Сэм первым заметил сюрреалистический ландшафт внизу. Если верхние склоны густо поросли соснами, нижние отроги выглядели так, словно их нарезали на прямоугольные куски формочкой для печенья, оставив позади крутые утесы, отвесно спускавшиеся в озеро. Из противоположного склона, огибая оконечность долины, выступало обледенелое плато. Бурлящий ручей прорезал лед и падал в воду внизу.

— Хосни, по-твоему, она глубокая? — спросил Сэм. — Я имею в виду долину.

— От верха кряжа до озера примерно восемьсот футов.

— Утесы по крайней мере вдвое ниже, — сказал Сэм. Хосни повел «Белл» вперед вдоль склона, а Сэм и Реми изучали местность в бинокли. Когда они спустились вровень с плато и Хосни повернул, они увидели, что плато, обманчиво широкое, сужается до нескольких сотен ярдов и заканчивается грандиозной ледяной стеной между отвесными утесами.

— Вот это ледник! — восхитился Сэм. — Хосни, я не вижу этого плато на картах. Оно кажется знакомым?

— Нет, вы правы. Оно относительно новое. Видите цвет озера — серовато-зеленый?

— Да, — согласилась Реми.

— Так бывает после отступления ледника. Я бы сказал, что этой части долины нет и двух лет.

— Перемена климата?

— Несомненно. Ледник, который мы пролетели раньше — Пунг-Гьен — за один только прошлый год сократился на сорок футов.

Снова прильнувшая к окну Реми вдруг опустила бинокль.

— Сэм, посмотри!

Он перебрался на ее сторону и выглянул. Прямо под ними находилось нечто похожее на деревянную лачугу, наполовину вмерзшую в лед.

— А это что такое? — спросил Сэм. — Хосни?

— Понятия не имею.

— Насколько это близко к нашей точке?

— Меньше километра.

Реми сказала:

— Сэм, это гондола.

— Прошу прощения?

— Плетеная гондола — для воздушного шара.

— Ты уверена?

— Хосни, садимся!

31

Север Непала

Хосни боком повел «Белл» над ледником, пока не нашел пятачок, который, по его мнению, выдержит тяжесть машины, и посадил вертолет. Как только винты замедлили вращение, Сэм и Реми выбрались и надели парки, шапки и перчатки.

Хосни крикнул:

— Осторожнее. В таких местах много трещин.

Они помахали, показывая, что поняли, и двинулись через плато к объекту.

Они пошли назад. Хосни выбрался из кабины и наклонился к хвостовому багажному отсеку. Он достал оттуда что-то похожее на складной шест для палатки и протянул Сэму.

— Лавинный зонд. Годится и для трещин. Лучше поберечься.

— Спасибо. — Сэм взмахнул зондом, и тот удлинился, внутреннее пружинное устройство со щелчком выдвинуло новую секцию. — Остроумно.

Они снова пошли, но теперь Сэм все время прощупывал поверхность перед ними.

Ледяной щит, частично покрывавший плато, словно морщили застывшие волны; Сэм и Реми предположили, что это следствие медленного сползания льда в долину.

Интересовавший их объект находился у дальнего края плато, наискось к остальной его части.

Через пять минут осторожной ходьбы они остановились возле него.

— Хорошо, что мы не поспорили, — сказал Сэм. — Это действительно гондола.

— Перевернутая. Вот почему она показалась нам хижиной. Таких больше не делают. Откуда ее сюда занесло?

— Не представляю.

Реми сделала шаг вперед. Сэм остановил ее, положив руку на плечо. Потыкав зондом в лед перед гондолой, он убедился, что тот прочный, и начал проверять лед вдоль того, что когда-то было боками гондолы.

— Она тут не кончается, — заявил Сэм.

Они продолжали бочком продвигаться влево, проверяя прочность льда, пока не дошли до конца.

Сэм нахмурился и сказал:

— Все страньше и страньше.

Реми спросила:

— Сколько она в длину?

— Примерно тридцать футов.

— Быть не может. Ведь обычно они три на три фута, не больше?

— Более или менее. — Он как можно больше завел зонд на днище перевернутой гондолы. — Ширина примерно восемь футов.

Сэм передал Реми зонд, а сам встал на четвереньки и пополз вперед, бороздя руками снег вдоль борта гондолы.

— Сэм, осторож...

Его рука ушла в снег по локоть. Сэм замер.

— Не поручусь, — сказал он с ухмылкой, — но думаю, я кое-что нашел.

Он лег на снег плашмя.

— Держу, — ответила Реми.

Она схватила Сэма за ботинки.

Сэм обеими руками пробил во льду отверстие размером с баскетбольный мяч и просунул в него голову. Потом повернулся к Реми.

— Трещина. Очень глубокая. Гондола застряла в ней по диагонали.

Он снова заглянул в дыру, потом отполз от трещины и встал на колени. И сказал:

— Я знаю, как она попала сюда.

-Как?

— По воздуху. К гондоле все еще прикреплены снасти — деревянные распорки, какие-то плетеные канаты... Я даже видел что-то похожее на ткань. Вся эта масса висит над трещиной.

Реми села рядом с ним, и они некоторое время смотрели на гондолу. Реми спросила:

— Тайны прошлого?

Сэм кивнул.

— Точно. Нужно поставить вешку и вернуться.

Они встали. Сэм наклонил голову на бок.

— Слушай.

Издалека доносился слабый шум вертолетных винтов. Фарго повернулись, стараясь определить, откуда исходит звук. Стоявший возле «Белла» Хосни тоже услышал его. Он смотрел в небо.

Вдруг слева от них из-за кряжа выскочил оливковозеленый вертолет; он спустился в долину и развернул в их сторону. На дверце вертолета алела пятиконечная звезда, обведенная желтым.

Вертолет спустился к самому плато и повис над ним в пятидесяти футах от Сэма и Реми, нацелив носовой обтекатель и ракетные блоки прямо на них.

— Не шевелись, — сказал Сэм.

— Китайская армия? — спросила Реми.

— Да. Такой же Z-9 мы засекли вчера.

— Что им нужно?

Сэм не успел ответить: вертолет развернулся, показав открытую дверцу кабины. А в ней солдата, склонившегося к станковому пулемету.

Сэм чувствовал, как закаменела рядом с ним Реми. Он медленно взял ее за руку.

— Не беги. Если бы они хотели нас убить, мы были бы уже мертвы.

Краем глаза Сэм заметил движение. Он посмотрел в сторону их вертолета и увидел, как Хосни открывает боковую дверцу. Мгновение спустя он снова появился. В руках его был короткоствольный автомат. Хосни прицелился в Z-9.

— Хосни, нет! — крикнул Сэм.

Хосни вскинул автомат, из ствола показалось оранжевое пламя. Пули изрешетили ветровое стекло Z-9. Вертолет резко накренился вправо и полетел, набирая скорость, над поверхностью озера к хребту, где опять накренился и нацелил нос на «Белл».

— Хосни, беги! — крикнул Сэм. Потом Реми: — За гондолу! Быстрей!

Реми сорвалась с места, Сэм за ней.

— Реми, трещина! — крикнул Сэм. — Бери влево.

Реми послушалась, потом оттолкнулась обеими ногами и головой вперед нырнула на гондолу. Через мгновение Сэм очутился рядом с ней, здесь он остановился и помог Реми подняться на ледяной карниз. Они скатились с откоса и приземлились кучей-малой.

С дальнего края плато к ним доносились очереди из автомата Хосни. Сэм поднялся и выглянул из расселины. Хосни дерзко стоял на краю плато и стрелял в приближающийся Z-9.

— Хосни, уходи оттуда!

Z-9 завис в ста ярдах от них. Сэм увидел вспышку у левого ракетного блока. Хосни тоже ее увидел. Он кинулся бежать к Сэму и Реми.

— Быстрей! — закричал Сэм.

Из ракетного блока Z-9 в ослепительном блеске и облаке дыма вылетели две ракеты. Через долю секунды они достигли «Белла», одна ударила в землю под хвостом, вторая попала в отсек двигателя.

«Белл» содрогнулся, подпрыгнул и взорвался.

Сэм нырнул к земле, закрыв собой Реми. Они почувствовали, как плато содрогнулось от взрыва, как раскалывается под ними лед. Волна шрапнели обдала гондолу и ледяной карниз в футе над их головами.

Затем наступила тишина.

Сэм сказал:

— За мной, — и пополз по ледяному карнизу к концу гондолы. Он по-пластунски продвинулся вперед и осторожно выглянул.

Плато было усеяно обломками «Белла». Среди луж горящего авиационного топлива торчали куски фюзеляжа, все еще дрожавшие от сотрясения. Из сугроба высовывались разбитые лопасти.

Z-9 отлетел обратно за озеро, к гребню кряжа, и завис; его ракетные блоки по-прежнему были грозно нацелены на плато.

Реми спросила:

— Видишь Хосни?

— Смотрю.

Сэм увидел его: Хосни лежал у иззубренного куска лобового стекла вертолета. Тело обгорело. Потом Сэм увидел кое-что еще. Прямо перед ними, в двадцати футах, лежал автомат Хосни. Выглядел он неповрежденным. Сэм отполз назад и посмотрел на Реми.

— Убит. Он ничего не почувствовал.

— О нет.

— Я заметил его автомат. Думаю, я смогу до него добраться.

— Сэм, нет. Ты даже не знаешь, исправен ли он. А где Z-9?

— Завис. Вероятно, запрашивает у базы инструкции. Нас они уже засекли и обязательно подлетят ближе, чтобы получше рассмотреть.

— Нельзя рассчитывать, что удастся долго их не подпускать.

— Думаю, они хотят взять нас живыми. Иначе уже гвоздили бы по всему плато ракетами.

— Зачем? Что им нужно?

— У меня есть догадка.

— У меня тоже. Позже сравним их, если останемся в живых. Какой у тебя план?

— Они не смогут приземлиться из-за всех этих обломков, поэтому им придется висеть над плато и спускать солдат на канатах. Если бы я смог застать их в нужный момент, возможно… — Сэм замолчал и не договорил. — Возможно, — повторил он. — За что голосуешь? Сражаться и, возможно, погибнуть здесь или сдаться и угодить в китайский лагерь?

Реми улыбнулась.

— Ты еще спрашиваешь?

Наполовину надеясь, наполовину ожидая, что Z-9, прежде чем высадить людей, предпримет разведочный полет над ними, Сэм отправил Реми назад по карнизу; она отползла и зарылась в снег между двумя сугробами. Сэм скорчился у гондолы и приготовился.

Как ему показалось, он несколько минут прислушивался, не летит ли Z-9 (на самом деле прошло меньше минуты). А когда услышал, ждал, пока шум не стал оглушительным. Тогда он рискнул выглянуть из-за гондолы.

Z-9 завис за краем плато, совсем рядом, в нескольких футах над землей. Вертолет скользнул в сторону, точно стрекоза, ждущая появления добычи. В боковой двери Сэм видел солдата, пригнувшегося к пулемету.

Внезапно Z-9 повернул и исчез из виду под краем плато. Несколько секунд спустя Сэм увидел, как он промелькнул над озером. Не задумываясь, Сэм выскочил из укрытия и побежал к автомату Хосни. Схватил его и бросился назад к гондоле.

— Получилось, — крикнул Сэм Реми и начал проверять автомат. Деревянный приклад частично раскололся, цевье сгорело в огне, но рабочий механизм как будто был в порядке, и ствол тоже. Сэм извлек магазин: осталось тринадцать патронов.

Реми спросила:

— Что они делают?

— То ли улетают, то ли ждут, пока прогорит горючее, чтобы вернуться и высадить солдат на тросах.

Z-9 долетел до берега озера и взмыл к вершине кряжа. Сэм смотрел, мысленно скрестив пальцы, когда же вертолет полетит дальше.

Но он не полетел.

По своему обыкновению Z-9 накренился над вершиной, повернул и опять помчался над озером.

— Возвращаются, — объявил Сэм.

— Удачи.

Сэм мысленно повторил свой план. Многое будет зависеть от того, подставит ли ему Z-9 открытую дверь и солдат, готовых к спуску. Стрелять в фюзеляж вертолета бессмысленно: атака Хосни доказала это. Сэму нужна была брешь в броне.

Гул двигателя Z-9 приближался, и ритмичный шум лопастей резал Сэму ухо. Он ждал, опустив голову, глядя на лед в нескольких футах от гондолы.

Жди… жди…

Над льдом полетел снег.

Сэм выглянул.

Z-9 висел в тридцати футах над плато.

— Давай, разворачивайся, — бормотал Сэм. — Еще немного.

Z-9 чуть повернулся, развернув дверь с пулеметчиком так, чтобы он смог прикрывать десант. Из двери вылетели два толстых черных каната и, разматываясь, полетели на лед. Первая пара солдат подступила к двери. Сэм едва видел сиденье пилота наискось за их спинами.

Сэм перевел дух и стиснул зубы. Поставил переводчик вида огня на одиночные выстрелы, пригнулся и высунулся. Не распрямляясь, поднес автомат к плечу и прицелился в открытую дверь Z-9 и подвинулся чуть левее, прицелившись в шлем пулеметчика. Сэм выстрелил. Пулеметчик упал. Сэм включил стрельбу очередями по три, снова прицелился и дал очередь по двери. И попал: один солдат спотыкаясь откачнулся. Другой бросился плашмя на пол. Сэм отчетливо видел сиденье пилота — но знал, что это всего на одну-две секунды. Прицеливаясь, он видел движение руки пилота, который возился с приборами, пытаясь разобраться в окружающем хаосе.

Сэм прицелился в спинку сиденья. Вдохнул, выдохнул и нажал на спуск. Три пули прошили внутренности Z-9. Сэм снова спустил курок, потом еще раз. Автомат щелкнул вхолостую: магазин опустел.

Z-9 завалился набок, носом вниз и устремился по спирали к плато. Из открытой двери кабины выпали сначала безжизненно тело пулеметчика, потом солдата. Пытаясь ухватиться за что-нибудь, вывалились еще двое солдат. Один сумел ухватиться за стойки шасси, второй комком полетел к земле. Совсем не управляемый, без пилота, Z-9 рухнул на плато, раздавив упавшего солдата.

Сэм оторвал взгляд от этого зрелища, нырнул за гондолу и кинулся туда, где лежала Реми.

— Еще осколки! — крикнул он, накрывая Реми своим телом.

Первыми о лед ударились два винта Z-9 и на бреющем полете унеслись прочь за четверть секунды до того, как на землю рухнул фюзеляж. Вжавшись в снег, Сэм и Реми ждали взрыва, но его не было.

Послышался только высокий скрежещущий звук, и что-то трижды ухнуло, словно разорвались гранаты.

Сэм внезапно встал и выглянул из-за гондолы.

Потребовалось целых две секунды, чтобы мозг зарегистрировал и осознал увиденное: скользя по льду, к нему несся Z-9 с изуродованным фюзеляжем, уцелевшие лопасти винта, врубаясь в лед, толкали машину вперед. Вертолет походил на искалеченного жука, дергающегося в предсмертных муках.

Сэм почувствовал, что его схватили за руку. С поразительной силой Реми дернула его обратно на землю.

— Сэм, ты что делаешь…

Z-9 врезался в гондолу, толкнув ее назад, на Сэма и Реми, которые начали пятиться, оскальзываясь на льду.

Гондола перестала двигаться. Еще несколько секунд слышались глухие удары вертолета о лед, потом они вдруг прекратились, только кашлял двигатель.

Но вот и этот звук смолк, Сэма и Реми окружила полная тишина. Они встали и выглянули из-за гондолы.

— Да, такое не каждый день увидишь, — сухо заметил Сэм.

32

Северный Непал

Сэму и Реми понадобилось десять секунд, чтобы свести в единое целое открывшуюся перед ними картину.

Отскочив от гондолы, поврежденный Z-9 развернулся и юзом ушел к прорезавшей плато канаве, где, как шарик в настольном бильярде, застрявший в бороздке, скользнул к краю плато и отчасти перевалился через край. Хвост Z-9, на несколько дюймов уже канавы, засел в трещине.

Кабина вертолета зависла над краем, вода лилась через фюзеляж в открытую дверь.

— Надо посмотреть, жив ли кто-нибудь, — напомнила Реми.

Понимая, что двигатель еще раскален, они осторожно подошли к Z-9. Сэм встал на колени возле канавы и подполз на четвереньках к краю. Фюзеляж сплющило вдвое, лобовое стекло отсутствовало. Сквозь дверь Сэм ничего не видел, таким толстым был слой падающей воды.

— Есть там кто? — крикнул он. — Эй!

Сэм и Реми прислушались, но ничего не услышали.

Сэм кричал еще дважды, но ответа не было.

Тогда он встал и вернулся к Реми. И сказал:

— Одинокие уцелевшие.

— Звучит чудесно и страшно. Что теперь?

— Во-первых, отсюда нам не выбраться. Но, даже если бы мы сумели это сделать, не поранившись, до ближайшей деревни тридцать миль. Ночью температуры минусовые, спрятаться нам негде, поэтому шансов мало. Кстати, пора подумать, как пережить ближайшую ночь.

— Весело, — сказала Реми. — Продолжай.

— Мы не знаем, скоро ли Карна решит, что мы слишком долго не возвращаемся, и соберет поисковую группу. Но что еще важней, следует считать, что после того, как Хосни открыл огонь, Z-9 связался с базой. И когда вертолет не выйдет на связь и не вернется, база пришлет другой, а скорее два.

— Скоро?

— В худшем случае через несколько часов.

— А в лучшем?

— Завтра утром. В первом случае у нас может быть преимущество: приближается ночь. Легче будет спрятаться. Мне нужно забраться в эту штуку.

— Что, в Z-9? — сказала Реми. — Сэм, это…

— Плохая мысль, я знаю, но нам нужны припасы. И может, если очень повезет, радио еще работает.

Реми несколько мгновений думала, потом кивнула.

— Хорошо. Но сначала посмотрим, что чем можно поживиться на обломках «Белла».

На это ушли считанные минуты. Осталось очень мало полезного, только их обгоревшие пожитки — кусок обгорелой альпинистской веревки, кое-что из аптечки и отдельные инструменты из ремонтного набора «Белла». Сэм и Реми собрали все, что еще могло пригодиться, узнаваемо оно было или нет.

— Как там веревка? — спросил Сэм.

Склонившись к груде припасов, Реми разглядывала веревку.

— Кое-где придется нарастить, но, думаю, у нас есть восемнадцать или двадцать футов годны. Думаешь о страховке для Z-9?

Сэм улыбнулся и кивнул.

— Иногда я бываю туповат, но в смертельную ловушку без страховки не полезу. Нам понадобится что-то вроде крюка.

— Кажется, у меня есть что-то такое.

Проверяя прочность льда под ногами, Реми прошла на другую сторону плато и вскоре вернулась. В одной руке она держала обломок вертолетного винта, в другой камень размером с кулак. Протянув все это ему, она сказала:

— Займусь веревкой.

Сэм с помощью камня сначала выровнял края верхней части обломка, потом сузил и заострил нижнюю часть. Сделав это, он отыскал пятачок в паре шагов от края плато, рядом с Z-9, особенно толстого льда. Потом начал мучительный процесс: забивать импровизированный крюк в лед. Когда он закончил, осколок винта был вогнан в лед на полтора ярда и торчал под углом сорок пять градусов.

Реми подошла, и вдвоем они попробовали выдернуть страховочный крюк. Наконец убедившись, что он держится прочно. Реми развернула веревку, на которой через каждые два фута навязала узлы, и беседочным узлом прикрепила один его конец к крюку. Сэм сбросил крутку, перчатки и шапку и из свободного конца веревки соорудил нечто вроде веревочного сиденья, завязав узел на пояснице.

— Если эта штука перевалится через край, сматывайся, — сказал он.

— Обо мне не волнуйся, ничего мне не сделается. Сосредоточься на себе.

— Хорошо.

— Ты меня слышишь?

— Слышу, — с улыбкой ответил он.

Он поцеловал ее и прошел к торчащему вверх тормашками хвосту Z-9. Несколько раз на пробу толкнув алюминиевый бок, он забрался на него и пополз к кабине.

— Веревка кончается, — крикнула Реми. — Осталась пара футов.

— Понял.

Добравшись до края плато, он убавил прыть, проверяя каждое свое движение, прежде чем двигаться дальше. Вертолет издал несколько скрипов и стонов, от которых екало сердце, но не шелохнулся. Фут за футом Сэм полз вперед, пока не оказался на брюхе машины.

— Как дела? — спросила Реми.

Стоя на четвереньках, Сэм перемещал вес своего тела из стороны в сторону, вначале медленно, потом энергичнее. Из фюзеляжа донесся скрип рвущегося алюминия, и он накренился.

— Пожалуй, я нашел границы, — сказал Сэм.

— Ты так думаешь? — крикнула в ответ Реми. — Давай дальше!

— Хорошо.

Сэм пополз боком, пока бедром не уперся в полозковые шасси. Ухватившись за него обеими руками, он перегнулся, словно куда-то заглядывал.

— Что ты делаешь? — крикнула Реми.

— Ищу колонку несущего винта. Вот она. Нам везет: она застряла в щели. У нас есть кое-какой якорь.

— О счастье, о радость, — нетерпеливо сказала Реми. — А теперь выбирайся оттуда.

Сэм надеялся, что улыбка, которой он ответил, была уверенной.

Приладив веревку так, чтобы она шла прямо к крюку, Сэм обеими руками ухватился за шасси и опустил ноги вдоль фюзеляжа. Талая вода сразу промочила его до пояса. Сэм застонал, стиснул от холода зубы и заболтал ногами, стараясь оценить свою позицию над дверью.

— Вхожу внутрь, — крикнул он Реми.

Он выбросил ноги вперед, откачнулся назад, повторил все это и повторял, пока не выработал размерный ритм. В нужный момент он выпустил полозья. Инерция перенесла его сквозь льющуюся воду прямо в кабину, где он врезался в противоположную дверь и свалился на пол.

И застыл, прислушиваясь к скрипам вертолета. По фюзеляжу прошла дрожь. Потом все затихло. Сэм огляделся, стараясь сориентироваться.

Он сидел по пояс в ледяной воде. Часть потока просачивалась в щели по контуру закрытой дверцы, другая лилась в кабину через разбитое лобовое стекло. В нескольких футах от него на полу лежало безжизненное тело солдата. Сэм аккуратно продвинулся вперед и наконец сумел заглянуть в зазор между сиденьями кабины. Пилот и

второй пилот были мертвы: от пуль, от удара или от того и другого, он не мог сказать.

Теперь он видел, что кабина пострадала гораздо сильней, чем ему казалось. Помимо лобового стекла, исчезли часть носового конуса и приборная панель вместе с радио; вероятно, упокоились где-то на дне озера.

Вертолет дрогнул и просел.

У Сэма желудок подкатил к горлу.

Движение прекратилось, но теперь вертолет замер под углом: Сэм через разбитое лобовое стекло видел внизу воду озера.

Времени не оставалось...

Сэм обернулся, осматривая кабину. Что-нибудь... что угодно. Нашел зеленую дорожную сумку, частично чем-то заполненную. Не стал рассматривать содержимое — напротив, принялся хватать в кабине все, что не было привинчено, мало задумываясь о том, что это такое. Если вещь могла пригодиться и помещалась в сумку, он это брал. Обыскав мертвого солдата, Сэм нашел зажигалку, но больше ничего полезного, и занялся пилотами. Нашел полуавтоматический пистолет и наколенный планшет с бумагами. Краем глаза заметил полуоткрытый люк в глубине кабины. Добрался до него и сунул внутрь руку. Пальцы нащупали ткань. Он вытащил предмет — сумку на пояс, с карманами. Запихнул в большую сумку.

— Пора уходить, — сказал он себе и крикнул в дверь: — Реми, ты меня слышишь?

Ответ звучал приглушенно, но внятно:

— Я здесь!

— Крюк еще...

Вертолет снова дернулся и клюнул носом. Теперь Сэм наполовину стоял на спинке пилотского сиденья.

— Крюк еще держится? — снова крикнул он.

— Да! Сэм, быстрей выбирайся оттуда!

-Иду!

Сэм застегнул сумку и надел матерчатые ручки на шею, так что сумка свисала ему на грудь. Закрыл глаза, беззвучно посчитал: один... два... три... — и нырнул в открытую дверцу.

Сэм никогда не узнает, он ли, оттолкнувшись от сиденья, стал тому причиной, но, выскакивая из водяной завесы, он услышал и почувствовал, что вертолет сорвался в пропасть. Подавляя острое желание оглянуться, Сэм сосредоточился на стремительно несущейся к нему скале. Запрокинув голову, он закрыл лицо руками.

Впечатление такое, будто он грудью налетел на боксерскую грушу. Сэм понял, что сумка послужила ему амортизатором. Он чувствовал, что вращается, и несколько раз ударился о стену, прежде чем начать мягко раскачиваться.

Наверху над краем трещины появилось лицо Реми. Паника на нем сменилась облегченной улыбкой.

— Уход, достойный голливудского блокбастера.

— Уход, порожденный отчаянием и страхом, — поправил Сэм.

Он посмотрел вниз на озеро. Фюзеляж Z-9 уходил под воду; задней половины не было. Сэм посмотрел налево и увидел, что хвост еще торчит из щели. На месте отломанного фюзеляжа виднелся только рваный алюминий.

Реми крикнула:

— Поднимайся, Сэм. Замерзнешь насмерть!

Он устало кивнул.

— Дай мне минуту — или две, — и я поднимусь.

33

Северный Непал

Утомленный, дрожащий от избытка адреналина, Сэм тяжело поднимался по веревке. Наконец Реми смогла протянуть руку и помочь ему преодолеть остаток пути. Он перекатился на спину и уставился в небо. Реми обняла его и попыталась скрыть слезы.

— Больше никогда так не делай. — Она глубоко вздохнула и спросила: — А что в сумке?

— Куча сам не знаю чего. Хватал все, что выглядело полезным.

— Коты в мешке, — заявила Реми с улыбкой. Она осторожно сняла сумку с шеи Сэма. Открыла ее и принялась рыться. — Термос, — сообщила она и вытащила его. — Пустой.

Сэм сел и надел куртку, перчатки и шапку.

— Отлично. У меня есть для тебя задание: возьми термос и собери все остатки несгоревшего горючего.

— Отличная мысль.

Сэм кивнул и буркнул: «Офигенно хорошая».

Реми медленно пошла прочь и начала наклоняться к углублениям во льду.

— Нашла немного, — сказала она. — И тут еще.

Когда она закончила, они снова встретились у гондолы.

— Как ты? — спросил Сэм, разминавшийся бегом на месте. Его брюки потихоньку начинали задубевать, покрываясь льдом.

Реми ответила:

— Набрала три четверти. Но горючее частично разбавлено растаявшим снегом. Надо тебя согреть.

Сэм склонился к груде обломков, взятых из «Белла», и стал их перебирать.

— Мне казалось, я видел… Вот она. — Сэм протянул проволоку, к концам которой были прикреплены кольца. — Аварийная цепная пила, — сказал он Реми.

— Слишком оптимистическое название.

Сэм осмотрел гондолу, пройдясь вдоль нее туда и обратно.

— Она наполовину застряла в трещине, но я, кажется, нашел то, что нам нужно.

Он опустился на колени у ближнего угла гондолы, где торчало несколько прутьев. Словно продевая нитку в иголку, Сэм просунул конец пилы внутрь, провел за прутом и вывел наружу, ухватившись за оба кольца, он принялся пилить. На первую секцию ушло пять минут, но теперь у него было отверстие, через которое он мог работать. Сэм продолжал отпиливать прутья от гондолы, пока не набралась целая груда.

— Нужны плоские камни, — сказал он Реми.

Нужные камни нашлись быстро; их уложили так, что получился очаг. Реми скатывала в шарики документы из наколенного планшета, превращая бумагу в растопку, а Сэм достал из сумки зажигалку. Вскоре у них горел небольшой костер.

Рука об руку они склонились к пламени. Тепло окутало их. Они почти сразу почувствовали себя лучше, вернулась надежда.

— Проще простого, — заметила Реми.

— Совершенно согласен.

— Поделись своей теорией о китайцах.

— Не думаю, что Z-9 оказался здесь случайно. Какой-то вертолет следил за нами в первый день, сегодня тоже. А стоило нам сесть, как появился этот.

Мы знаем, что Кинг контрабандой переправляет древность через границу; отсюда следует, что у него надежные связи в Китае. Кто может иметь такую свободу действий, такое влияние?

Только НОАК. И, если Джек прав: Кинг, вероятно, примерно угадал район наших поисков. С его связями достаточно было позвонить его китайскому агенту, а потом сидеть и ждать, пока мы покажемся.

Вопрос в том, что нужно было этому Z-9? Что бы они сделали, если бы Хосни не открыл огонь?

Я только рассуждаю, но здесь мы ближе всего подошли к границе; она примерно в двух милях к северу. Может, возможность была слишком хороша, чтобы ее упустить. Они берут нас в плен, переправляют через границу, и больше никто о нас не услышит.

Реми крепче сжала руку Сэма.

— Не очень веселая мысль.

— Увы, есть еще одна: надо считать, что они вернутся — и скорее раньше, чем позже.

— Я видела револьвер в сумке. Ты ведь не думаешь…

— Нет. В этот раз нам просто повезло. В следующий у нас не будет ни единого шанса. Когда прибудут подкрепления, нас не должно быть здесь.

— Как? Ты сам сказал, что нам отсюда не выбраться.

— Я неточно выразился. Им должно показаться, что нас здесь нет.

Реми попросила:

— Объясни.

Сэм вкратце изложил свой план, и Реми с улыбкой кивнула.

— Мне нравится. Троянский конь по версии Фарго.

— Троянская гондола.

— Даже лучше. И, если повезет, это не даст нам замерзнуть сегодня ночью.

* * *

С помощью веревки и самодельного крюка они на несколько футов вытащили гондолу из трещины; лед облегчал задачу. Вниз свесились оборванные снасти, которые Сэм заметил раньше. Сэм и Реми посмотрели вниз, но глубже десяти футов ничего не смогли разглядеть.

— Это бамбук? — спросила Реми, показывая.

— Да, пожалуй. Вот еще кусок — вот этот изогнутый. Если бы мы все это обрезали, то облегчили бы себе задачу, но что-то из этого может оказаться полезным.

— Крюк? — предложила Реми. — Обрезать все это — и шабаш?

Сэм наклонился и собрал в руку часть канатов.

— Какие-то сухожилия животных. Поразительное состояние.

— Такие трещины — природный холодильник, — ответила Реми. — А если все это накрывал ледник, результат еще больше впечатляет.

Сэм собрал другие висячие обрывки и потянул.

— Удивительно легкие. Но мне потребуется много часов, чтобы перерезать столько сухожилий.

— Тогда потащим все вместе.

С помощью зонда Сэм сначала измерил ширину гондолы, потом ширину трещины.

— Трещина на четыре дюйма шире, — сказал он. — Чутье подсказывает мне, что она застрянет, но, если я ошибаюсь, плакали все наши дрова.

— Раньше твое чутье никогда не подводило.

— А как же тот случай в Судане? И в Австралии? Тогда я дал большого…

— Цыц. Помоги мне.

Стоя у противоположных концов гондолы, они разом присели и ухватились за ее нижний край. Потом по сигналу Сэма напряглись, стараясь выпрямить ноги. Тщетно. Они выпустили гондолу и отступили.

— Давай сосредоточим наши силы, — сказал Сэм.

Стоя на расстоянии вытянутой руки друг от друга по центру гондолы, они попробовали снова. На этот раз гондола поднялась на два фута от земли.

— Держу, — сказал Сэм сквозь стиснутые зубы. — Попробуй нажать ногами.

Реми легла на спину, заползла под гондолу и уперлась ступнями в ее край.

— Готова!

— Поднимай!

Гондола перевернулась на бок.

— Еще раз, — сказал Сэм.

Они повторили проделанное, и вскоре гондола встала прямо. Реми заглянула внутрь. Ахнула и попятилась.

— Что там? — спросил Сэм.

— Безбилетники.

Они подошли к гондоле.

У дальнего края на плетеном дне среди вороха креплений и бамбуковых стволов лежали два частично мумифицированных скелета. Теперь Сэм и Реми видели, что останки гондолы были разделены плетеными поперечными распорками на восемь отсеков, достаточно широкими, чтобы служить еще и скамьями.

— Что думаешь? — спросила Реми. — Капитан и второй пилот?

— Возможно, но в гондоле такого размера можно разместить не менее пятнадцати человек — столько могло бы понадобиться, чтоб управляться со всей этой оснасткой и самими шарами.

— Шарами? Во множественном числе?

— Узнаем больше, когда увидим остальную оснастку, но, думаю, это был настоящий дирижабль.

— А это единственные уцелевшие?

— Остальные, возможно...

Сэм кивком показал на трещину.

— Так не пойдет.

— Порассуждаем потом. Давай-ка за дело.

Закрепив оснастку так, что она свисала с гондолы и не могла зацепиться за стены, Сэм и Реми встали по концам гондолы и дружно толкали, пока плетеное днище гондолы не заскользило по льду. Приближаясь к трещине, они набрали скорость и наконец толкнули гондолу в последний раз. Гондола проехала последние несколько футов, перевалила через край и исчезла из виду. Сэм и Реми побежали вперед.

— Всегда доверяй своему чутью, — заявила Реми с улыбкой.

Гондола прочно застряла между стенами трещины примерно на фут ниже края.

Сэм забрался в нее и, стараясь не задевать мумий, прошел вдоль всей гондолы. И объявил, что она держится прочно. Реми помогла ему выбраться назад.

— Всякому дому нужна крыша, — сказала она.

Они вместе прошлись по плато, собирая обломки алюминиевого корпуса «Белла», достаточно большие, чтобы перекрыть трещину, и начали укладывать их на гондолу, так что под конец осталась только узкая щель.

— У тебя талант, — заметил Сэм.

— Знаю. Последний штрих — маскировка.

С помощью лобового стекла «Белла», формой напоминавшего миску, они набрали в канаве около пяти галлонов воды, вылили ее на алюминиевую крышу гондолы, а сверху в несколько слоев присыпали снегом.

И отступили, любуясь своей работой.

Сэм сказал:

— Когда замерзнет, будет казаться частью ледника.

— Один вопрос: зачем вода?

— Чтобы снег прилип к алюминию. Если моя догадка верна и вечером нас навестит еще один Z-9, не нужно, чтобы винты разметали снег.

— Сэм Фарго, ты гений.

— Именно эту иллюзию мне и хотелось создать.

Сэм посмотрел на небо. Нижний край солнца уходил за рваную цепь горных вершин на западе.

— Пора ложиться. Посмотрим, что принесет ночь.

Упрятав все припасы в сумку или закопав в снег, Сэм и Реми отправились в свое убежище. В быстро сгущавшихся сумерках они просмотрели содержимое сумки.

— Что это? — спросила Реми, взяв поясную сумку, которую Сэм ухватил последней, прежде чем выпрыгнуть из Z-9.

— Это... — Он замолчал, нахмурился, потом улыбнулся. — Это, моя дорогая, аварийный парашют. Но для нас с тобой это сто пятьдесят квадратных футов одеяла.

Они вытащили парашют из сумки и вскоре лежали, плотно закутавшись в белую ткань, как в кокон. В относительном тепле и безопасности они тихо разговаривали, глядя, как сумерки сменяются полной тьмой.

И постепенно уснули.

Немного погодя Сэм открыл глаза. Чернота вокруг была непроницаемой. Лежа в его объятиях, Реми прошептала:

— Ты это слышал?

-Да.

Издалека доносился шум вертолетных винтов.

— Какова вероятность, что это спасатели? — спросила Реми.

— Буквально никакой.

— Спасибо за поддержку.

Шум винтов постепенно нарастал, пока Сэм и Реми не поняли, что вертолет уже в долине. Несколько секунд спустя яркий луч прожектора скользнул по трещине; ослепительные белые тонкие лучики проникали сквозь щели крыши в гондолу.

Потом свет исчез, переместился в другую часть долины. Он возвращался еще дважды.

Потом гул двигателя вдруг изменился.

— Возвращается, чтобы зависнуть, — прошептал Сэм.

Он схватил пистолет, который устроил у себя под ногой, и переложил его в правую руку.

Налетела волна воздуха. Ледяной ветер и клубящийся снег заполнили гондолу. Ориентируясь по теням, отбрасываемым прожектором, они

решили, что вертолет боком летит над плато то в одну, то в другую сторону, возможно, выискивая Сэма с Реми или тех, кто уцелел из их пропавших товарищей.

Сэм и Реми оставили хвост Z-9 торчать из щели как указание на судьбу машины. Всякий, кому повезло бы выжить при падении в озеро, вскоре утонул бы. Сэм и Реми молились, чтобы спасатели пришли к такому выводу.

Их упрямые гости трижды облетели плато. Потом внезапно — так же, как вспыхнул — прожектор погас, и шум винтов затих в отдалении.

34

Северный Непал

Несмотря на ужасный холод, гондола хорошо послужила им: засыпанная снегом крыша не только защищала от ветра, но и сберегала драгоценное тепло тел. Закутавшись в парашютный купол, в курках, перчатках и шапках, они спали крепким, хотя и прерывистым, сном, пока их не разбудило солнце, пробившееся сквозь алюминиевую черепицу.

Опасаясь нового визита китайцев, Сэм и Реми тем не менее знали: чтобы выжить, они должны найти выход из долины.

Они выбрались из гондолы и занялись завтраком. В обломках «Белла» они сумели добыть девять чайных пакетиков и надорванную упаковку высушенного бефстроганова. В Z-9, сам того не подозревая, Сэм подобрал пакет рисовых крекеров и три жестянки чего-то похожего на печеную золотистую фасоль. Они вскрыли одну такую банку и выпили чашку чая на двоих, воду для которого вскипятили в пустой банке.

Оба согласились с тем, что ничего вкуснее не ели.

Сэм сделал последний глоток чая и сказал:

— Вчера ночью я думал...

— И говорил во сне, — добавила Реми. — Ты хочешь что-то построить, верно?

— Наши мумифицированные друзья из гондолы добрались сюда на шарах, надутых горячим воздухом. Почему бы нам не последовать их примеру? — Реми открыла рот, собираясь заговорить, но Сэм упрямо продолжал: — Нет, я не говорю о том, чтобы восстановить их шар. Я скорее думаю о... — Сэм поискал подходящий термин, — о франкеншаре, этаком чудовище Франкенштейна.

Реми кивала.

— Часть их оснастки, часть нашей… — Глаза ее вспыхнули. — Парашют!

— Ты читаешь мои мысли. Если мы сумеем его зашить и запечатать, я, пожалуй, смогу его заполнить. Нам нужно только улететь из этой долины и добраться до лугов, которые мы видели на юге — это самое большое четыре-пять миль. Оттуда мы смогли бы пешком добраться до деревни.

— Все равно это риск.

— Риск — наша специальность, Реми. Хочешь правду? При такой температуре мы здесь больше пяти дней не протянем. Спасатели могут прийти раньше, но я никогда не любил слово «могут».

— И надо еще учитывать китайцев.

— Да, и их. Не вижу других возможностей. Рискнуть и выбраться отсюда — или погибнуть, пытаясь это сделать.

— Без вопросов: попробуем. Давай построим дирижабль.

Первым делом следовало провести инвентаризацию. Пока Реми тщательно разбирала все, что они добыли, Сэм осторожно вытащил из трещины старую оснастку, сматывая в клубок. Он нашел лишь обрывки того, что когда-то было воздушным шаром — или несколькими шарами.

— Их было по меньшей мере три, — рассуждал Сэм. — Возможно, четыре. Видишь, как сходятся эти изогнутые плетеные секции?

-Да.

— Думаю, это были гнезда, где помещались воздушные шары.

— Материал — шелк, — добавила Реми. — Очень толстый.

— Представь себе, Реми: гондола длиной в тридцать футов, подвешенная к четырем воздушным шарам в плетеных клетках… распорки из лозы бамбука, растяжки из сухожилий… Интересно, как они удерживали ее в воздухе. Как подавали теплый воздух в шары? Как они…

Реми повернулась к Сэму, сжала его лицо руками и поцеловала.

— Мечты потом, ладно?

— Ладно.

Вместе они начали разбирать спутанную массу, откладывая растяжки в одну сторону, распорки из бамбука и лозы — в другую. Покончив с этим,

они осторожно вынесли мумии из гондолы и освободили от остатков снастей.

— Я бы хотела послушать их историю, — сказала Реми.

— Очевидно, они использовали перевернувшуюся гондолу как убежище, — сообщил Сэм. — Возможно, трещина во льду открылась неожиданно, и удержались только эти двое.

— А почему они остались здесь?

Сэм пожал плечами.

— Может, к тому времени они уже очень ослабли. И построили маленькую платформу из бамбука и оснастки.

Склонившись к мумиям, Реми заметила:

— Слабые и искалеченные. У этого сломана бедренная кость, сложный перелом, судя по виду, а у этого... Видишь ямку в бедре? Оно либо сместилось, либо тоже раздроблено. Они просто забрались сюда и ждали смерти.

— У нас будет другая судьба, — ответил Сэм. — Крушение воздушного шара, может быть, но не это.

— Очень смешно.

Реми наклонилась и подняла одну бамбуковую трубку. Толстую, как бейсбольная бита, и пять футов длиной.

— Сэм, тут надпись. Выцарапана на поверхности.

— Ты уверена? — Сэм наклонился над ее плечом. Он первым узнал язык. — Итальянский.

— Ты прав. — Реми провела кончиками пальцев по углублениям букв, одновременно поворачивая бамбук другой рукой. — А вот это нет.

Она показала куда-то возле кончика трубки.

Квадратная рамка не больше полудюйма в высоту, а в ней четыре азиатских иероглифа.

— Не может быть, — прошептала Реми. — Узнаешь?

— Нет. А должен?

— Сэм, это те же четыре буквы, которые выгравированы на крышке ларца Теуранга.

Северный Непал

Сэм открыл рот, собираясь заговорить — и захлопнул. Реми сказала:

— Я знаю, о чем ты думаешь. Но я уверена, Сэм. Помню, как пила чай и разглядывала эти буквы на экране ноутбука Джека.

— Я тебе верю. Просто не понимаю, откуда… — Сэм замолчал и свел брови. — Разве что… Когда мы приземлились здесь, далеко было до последней точки?

— Хосни сказал, меньше километра.

— Возможно, это в полумиле от маршрута, который бы выбрал Дхакал для своего путешествия. Что если он умер здесь поблизости или столкнулся с неприятностями и лишился ларца с Теурангом?

Реми кивнула.

— А столетия спустя появились наши друзья-воздухоплаватели. У них здесь произошло крушение, и они нашли ларец. Когда состоялся самый первый полет воздушного шара с человеком на борту?

— По-моему… конец шестнадцатого — начало семнадцатого веков. Но я никогда не слышал о дирижаблях в того периода, да еще таких передовых. Он намного опередил свое время.

— Значит, он разбился здесь самое раннее через триста лет после того, как Дхакал оставил Мустанг.

— Правдоподобно, — согласился Сэм, — но все равно трудно поверить.

— Тогда объясни эти символы.

— Не могу. Ты сказала, что они — проклятие Теуранга, и я тебе верю. Просто мне трудно взять все это в толк.

— Добро пожаловать в клуб, Сэм.

— Как твой итальянский?

— Немного заржавел, но попозже можно попробовать. А сейчас давай сосредоточимся на том, чтобы выбраться отсюда.

Утро они посвятили проверке растяжек; те, что выглядели слишком потрепанными или прогнившими, откладывали в сторону; Сэм отрезал их своим швейцарским армейским ножом. Тот же процесс они повторили с распорками из бамбука и лозы (Реми все их проверила в поисках надписей, но ничего не нашла), затем занялись шелком. Самый большой кусок, какой они нашли, был всего несколько дюймов

шириной, так что они решили вплести годные куски в снасти, если понадобится. К обеду у них собралась внушающая уважение груда строительных материалов.

Чтобы увеличить стабильность, они решили прикрепить к внутренности купола восемь распорок от плетеных оболочек воздушных шаров. Это они делали конвейерным методом: шилом из своего ножа Сэм протыкал в оболочке двойные дыры, куда предстояло вставить распорки, а Реми потом должна была вдеть в эти дыры 12-дюймовые отрезки шнуров из сухожилий. Когда это было готово, у них получилось триста двадцать отверстий и сто шестьдесят шнуров.

Во второй половине дня Сэм начал затягивать шнуры наглухо крепежными узлами. Он успел затянуть почти четверть, когда они решили прерваться.

На другой день они поднялись вместе с солнцем и вернулись к сооружению дирижабля.

Пять часов светлого времени потратили на то чтобы зашить отверстие в нижней части парашюта/воздушного шара с помощью полосок шелка, которыми обвязали кольцо величиной с бочарский обруч; это кольцо Сэм соорудил из изогнутых частей плетеных секций.

С аппетитом съев по несколько крекеров, вернулись в гондолу и приготовились провести долгую ночь.

— Скоро мы будем готовы? — спросила Реми.

— Если повезет, корзину мы закончим завтра к полудню.

Пока они работали, Сэм непрерывно обдумывал инженерные проблемы. Гондолу они с Реми постепенно разбирали на дрова, которые использовали не только для приготовления пищи, но иногда, чтобы согреться днем и перед сном.

От гондолы осталось десять футов. Основываясь на своих расчетах, Сэм считал, что остатков корзины вместе с неким химическим составом, о котором он думал, хватит, чтобы они поднялись в воздух. Гораздо более сомнительно было, смогут ли они подняться достаточно высоко, чтобы перевалить через кряж.

Единственное, о чем не беспокоился Сэм, — о ветре. До сих пор, если ветер вообще дул — редко, — он дул с севера.

Реми высказала другую заботу, которая тревожила и Сэма:

— А как с приземлением?

— Не буду лгать. Возможно, тут нам не повезет. Невозможно предсказать, насколько удастся управлять спуском. И у нас нет буквально никакой системы управления.

— Полагаю, у тебя есть и аварийный план.

— Есть. Хочешь послушать?

Реми несколько мгновений молчала.

— Нет. Удиви меня.

Сэм верно оценил необходимое время. Корзина и вертикальные стойки были полностью готовы только к полудню. Хотя слово «корзина», пожалуй, было слишком оптимистичным для описания их сооружения, они все равно гордились им — бамбуковой платформой шириной в два фута, скрепленной и привязанной к стойкам последними сухожилиями.

Они молча поели, восхищаясь своим творением. Сооружение было грубое, бесформенное, уродливое — и они любили каждый его дюйм.

— Нужно дать ему имя, — сказала Реми.

Сэм, конечно, предложил «Реми», но она отвергла эту мысль. Он попробовал снова:

— В детстве у меня был воздушный змей, я его назвал «Высокий полет».

— Мне нравится.

Вторая половина дня прошла за выполнением плана Сэма насчет источника топлива. За исключением секции длиной три фута, в которой они собирались провести ночь, Сэм с помощью цепной пилы разобрал оставшуюся часть гондолы; он стоят внутри, пилил и протягивал отрезанные куски Реми. В пропасть уронили всего три куска.

Реми камнем разминала прутья и остаток сухожилий; первую горсть получившейся смеси Сэм высыпал в чашевидный кусок корпуса «Белла». Туда же добавили лишайники, которые соскребли со всех камней и свободных от льда пятачков гранита, какие удалось найти на плато, а после немного авиационного горючего и горсть пороха, Извлеченного Сэмом из пистолетных патронов. Через полчаса проб и ошибок Сэм представил Реми грубый брикет, завернутый в обрывок шелка.

— Окажи честь, — сказал он, протягивая Реми зажигалку.

— Ты уверен, что не взорвется?

— Нет, вовсе не уверен.

Реми бросила на него уничтожающий взгляд.

— Но для его ему нужно убрать внутрь чего-то твердого.

Реми, держась на расстоянии вытянутой руки, поднесла к брикету огонек зажигалки; тот вспыхнул с едва слышным звуком.

Широко улыбаясь, Реми вскочила и обняла Сэма. Усевшись на корточки, они смотрели, как горит брикет. Температура получилась удивительно высокая. Когда пламя наконец затрещало и погасло, Сэм взглянул на часы.

— Шесть минут. Неплохо. Теперь нужно как можно больше таких, но покрупнее — скажем, размером с филе-миньон.

— Обязательно нужно пользоваться таким сравнением?

— Прости. Как только доберемся до Катманду, сразу отправимся в ближайший стейк-хаус.

Ободренные успехом «поджога», они быстро продвигались вперед в своей работе. К ночи у них было девятнадцать брикетов.

К заходу солнца Сэм закончил изготовление жаровни, вогнав в ее основание три короткие ножки, к которым прикрепил чашу из двойного алюминия, зажав их под закраиной. И в качестве последней детали пробил в конусе отверстие.

— А это зачем? — спросила Реми.

— Вентиляция и подача горючего. Как только загорится первый брикет, поток воздуха и форма конуса создадут своего рода водоворот. Тепло будет выходить из этого отверстия и поступать в шар.

— Изобретательно.

— Это печка.

— Прошу прощения?

— Старомодная походная печка с дверцей сзади, только «раскачанная». Такими пользовались целое столетие. Наконец-то оправдалась моя страсть к туманным знаниям.

— На все сто! Давай вернемся в наш бункер и постараемся отдохнуть перед первым — и последним — полетом «Высокого Летуна».

Спали они урывками и всего два часа: уснуть не давали усталость, голод и волнение. Как только стало достаточно светло для работы, они выбрались из гондолы и доели свои последние припасы.

Сэм разобрал остатки гондолы, кроме самого последнего угла — его они вытащили из трещины с помощью веревки с узлами на крюке. А закончив пилить, получили груду дров высотой с Сэма.

Заранее выбрав на плато место, почти свободное от льда, они аккуратно перетащили туда свой воздушный шар. На платформу погрузили камни — балласт. В центре поставили жаровню, потом привязали платформу веревками из сухожилий.

— Что ж, раскочегаримся, — сказала Реми.

В качестве растопки они использовали обрывки бумаги и лишайник, на которые поставили треножник из прутьев. Когда образовалось достаточно углей, продолжили подкладывать под жаровню обрезки прутьев, и пламя медленно начало расти.

Реми провела ладонью над жаровней. И отдернула руку.

— Горячо!

— Отлично. Теперь надо немного подождать.

Час превратился в два. Шар медленно заполнялся, расправляясь вокруг них, как миниатюрный цирковой шатер, а запасы топлива уменьшались. Из-под купола солнечный свет казался эфемерным, туманным. Сэм понимал, что они сражаются со временем и теплофизикой — воздух остывал и просачивался из шара наружу.

В самом конце второго часа шар, который по-прежнему лежал перпендикулярно земле, поднялся и поплыл. На самом ли деле или то была игра воображения, но им подумалось, что настал переломный момент. Через сорок минут шар полностью расправился, и с каждой минутой его оболочка натягивалась все туже.

— Получилось, — прошептала Реми. — Правда, получилось!

Сэм молча кивнул; он не отрывал взгляда от шара.

Наконец он сказал:

— Все на борт.

Реми подскочила к груде дров, выхватила кусок бамбука с выцарапанной надписью, сунула за пазуху и вернулась. Один за другим убирала камни, пока не освободила место, чтобы встать на колени,

потом сесть. Противоположная сторона платформы теперь парила в нескольких дюймах над землей.

Заранее уложив в сумку от парашюта самое необходимое, а в большую дорожную сумку брикеты и последнюю охапку дров, Сэм схватил ту и другую и опустился на колени возле платформы.

— Готова? — спросил он.

Реми и глазом не моргнула.

— Летим!

36

Северный Непал

Пламя вырывалось из жаровни, исчезая в устье шара; платформа висела над поверхностью на уровне колен.

— Когда я скажу, отталкивайся изо всех сил, — распорядился Сэм.

Он сунул в жаровню последние два куска гондолы и ждал, переводя взгляд с жаровни на шар и на землю.

— Давай!

Они одновременно согнули ноги и с силой оттолкнулись.

Поднялись на десять футов. И так же быстро опустились.

— Готовься, повторяем, — сказал Сэм.

Их ноги коснулись льда.

— Толкай!

Они снова взмыли и снова вернулись, хотя и не так быстро.

— Застряли, — констатировал Сэм.

— Нужен ритм, — ответила Реми. — Допустим, прыгать, как мяч.

И они начали подпрыгивать на плато, с каждым разом набирая все большую высоту. Слева маячил край утеса.

— Сэм... — предупредила Реми.

— Знаю. Не смотри, продолжаем прыгать. Летим или плывем!

— Замечательно!

Они снова оттолкнулись. Порыв ветра подхватил шар и сильно толкнул их к плато, их ступни проехались по льду. Одна нога Реми соскользнула с утеса, но Реми сохранила хладнокровие и, помогая Сэму, в последнем усилии оттолкнулась другой.

Внезапно все стихло, только ветер свистел в снастях.

Они были в воздухе и поднимались.

И летели на юго-восток, к склону.

Сэм сунул руку в сумку и достал два брикета. Сунул их в жаровню. Брикеты с легким шумом вспыхнули. Над топливом поднялось пламя. Шар начал подниматься.

— Еще, — сказала Реми.

Сэм подложил третий брикет.

Ш-ш-ш! Шар поднимался.

Сосны были в нескольких сотнях ярдов от них и быстро приближались. Порыв ветра подхватил шар и закрутил. Сэм и Реми ухватились за стропы и сильнее уперлись ногами в платформу. После трех оборотов платформа перестала вращаться и замерла.

Глядя через плечо Реми, Сэм измерял расстояние до склона.

— Близко? — спросила Реми.

— Примерно двести ярдов. Девяносто секунд, плюс-минус. — Он посмотрел ей в глаза. — Впритык. Готова?

— Полностью.

Сэм сунул в жаровню четвертый брикет.

Ш-ш-ш!

Они выглянули за край платформы. Верхушки сосен казались невероятно близкими. Реми почувствовала, как что-то чиркнуло ей по ноге, и отпрянула в сторону. Сэм подался вперед и схватил ее за руку.

Он добавил еще брикет.

Ш-ш-ш!

Еще один.

Ш-ш-ш!

— Сто ярдов! — крикнул Сэм.

Очередной брикет.

Ш-ш-ш!

— Пятьдесят ярдов.

Он выхватил брикет из сумки, потряс его в сложенных лодочкой ладонях, как игральную кость, и протянул Реми.

— Подуй на счастье.

Она подула.

Сэм бросил брикет в жаровню.

Ш-ш-ш!

— Подними ноги! — крикнул Сэм.

Они почувствовали и услышали, как верхушка сосны задела низ платформы. Их рвануло в сторону.

— Зацепились! — крикнул Сэм. — Наклонись!

Они одновременно наклонились в противоположную сторону, вися над краем платформы и сжимая стропы. Сэм бил ногой, пытаясь освободиться от того, что держало их снизу.

С резким треском сломалась остановившая их ветвь. Платформа выровнялась. Сэм и Реми сели прямо и стали озираться.

— Мы свободны! — крикнула Реми. — Получилось!

Сэм перевел дух.

— Ни секунды не сомневался.

Реми пристально посмотрела на него.

— Ладно, ладно, — сказал он. — Может, одну-две.

Теперь, когда они перевалили через хребет и ветер слегка ослаб, они обнаружили, что летят на юг со скоростью, по оценке Сэма, десять миль в час. И, пролетев всего несколько сотен ярдов, начали терять высоту.

Сэм достал из сумки брикет. Бросил его через отверстие подачи топлива, и брикет загорелся. Шар пошел вверх.

Реми спросила:

— Сколько у нас осталось?

Сэм посчитал.

— Десять.

— Теперь, пожалуй, самое подходящее время, чтобы ты изложил мне свой аварийный план посадки.

— Если не получится сесть мягко, словно перышко, наш следующий шанс — сосны; найти густые заросли и лететь прямо на них.

— Ты только что описал крушение, но не наземное.

— По сути да.

— Без «по сути».

— Ладно, без. Будем крепко держаться и надеяться, что ветки сработают как тормозная сетка.

— Как на авианосцах.

— Да.

Реми обдумала это. Поджала губы и убрала со лба прядь красновато-рыжих волос.

— Мне это нравится.

— Я так и подумал.

Сэм бросил в жаровню еще один брикет.

Ш-ш-ш!

Вечернее солнце светило им в спины; они скользили на юг, изредка подбрасывая в жаровню брикеты и продолжая выискивать место для посадки. Пролетев примерно четыре мили, они видели только долины с осыпями, ледники и сосновые рощи.

— Мы теряем высоту — сказала Реми.

Сэм подбросил топлива в жаровню. Они продолжали снижаться.

— Что происходит? — спросила Реми.

— Рассеивание. Солнце уходит, температура падает. Шар теряет тепло быстрей, чем мы его подаем.

Сэм бросил в отверстие очередной брикет. Спуск слегка замедлился, но отрицать было невозможно: они вышли на нисходящую глиссаду. И одновременно увеличили скорость.

— Пора рисковать, — заявил Сэм. — До луга мы не дотянем, но вот приближается аварийный план.

Он показал за плечо Реми. Впереди и внизу росли сосны. А за ними виднелась еще одна усеянная валунами долина.

Сэм сказал:

— Или можно сжечь оставшиеся брикеты, надеясь найти место получше.

— Нам и так слишком долго везет. Я готова к жесткому приземлению. Как ты хочешь это сделать?

Сэм смотрел на приближающиеся деревья, пытаясь оценить скорость, расстояние и угол сближения. Он решил, что у них есть три минуты. Они летели со скоростью около пятнадцати миль в час. К тому времени как шар достигнет деревьев, скорость эта, вероятно, удвоится. В машине такое столкновение они пережили бы, но на этой платформе шансы были пятьдесят на пятьдесят.

— Жаль, нет пневматической подушки, — сказал Сэм.

— А щит не подойдет? — спросила Реми и постучала по бамбуковой платформе.

Сэм сразу понял, что она предлагает.

— Рискованно.

— Гораздо менее рискованно, чем то, что ты сейчас обдумывал. Я тебя знаю, Сэм. Я знаю это выражение лица. Каковы, по-твоему, наши шансы?

— Пятьдесят процентов.

— Это может дать нам несколько дополнительных очков.

Сэм снова взглянул на деревья, потом в глаза Реми. Она улыбнулась. Он улыбнулся в ответ.

— Чертовка.

— Знаю.

— Это нам больше не нужно, — заявил Сэм.

Он перерезал ремни, удерживавшие жаровню, и столкнул ее с платформы. В облаке искр она ударилась о землю, покатилась по склону и врезалась в валун.

Сэм метнулся через платформу и оказался рядом с Реми. Она уже обеими руками вцепилась в стропы. Левой рукой Сэм схватил другую

растяжку, потом откинулся, прижал лезвие швейцарского ножа к одной из стоек и принялся пилить. Стойка с треском разделилась. Платформа слегка наклонилась.

Сэм передвинулся ко второй стойке.

— Сколько до столкновения? — спросил он.

— Не знаю...

— Предположи!

— Несколько секунд!

Сэм продолжал пилить. Лезвие, зазубренное и слегка погнутое из-за попыток Сэма наточить его о камни, было тупым. Сэм стиснул зубы и работал изо всех сил.

Лопнула вторая стойка. Сэм перешел к третьей.

— Время выходит, — крикнула Реми.

Тын-н!

Теперь противоположный край платформы висел на одной стойке. Платформа трепетала, как воздушный змей на ветру. Обеими руками сжимая стропы, Реми висела, стоя на краю платформы только одной ногой. Левая рука Сэма сжимала стропу рядом с ней, точно когтистая лапа.

— Еще один! — крикнул он и начал пилить. — Ну... ну же...

Тын-н!

Конец платформы освободился и теперь висел под ними вертикально. Сэм уже собирался бросить нож, но передумал. Правой рукой он ухватился за стропу.

Реми уже спустилась по стойкам, так что оказалась за платформой. Сэм присоединился к ней. Он посмотрел за край платформы и увидел несущуюся им навстречу стену зелени.

Мир вокруг закувыркался. Приняв на себя большую часть удара, ветви тем не менее сразу распрямились и закрутили платформу. Сэм и Реми полетели сквозь хлещущие ветви. Прижав подбородки к груди, они зажмурились. Сэм разжал правую руку, выпустил стойку и попытался предплечьем прикрыть лицо Реми.

Она невольно вскрикнула:

— Пусти!

Потом они падали сквозь крону; ветви смягчали их падение.

Резкий толчок, и падение прекратилось.

Сэм открыл рот, пытаясь заговорить, но издал только хрип. Он попробовал снова:

— Реми!

— Я здесь, — послышался слабый ответ. — Под тобой.

Лежавший навзничь и наискось на паре ветвей Сэм осторожно перевернулся на живот. В десяти футах под ним на земле, на груде сосновых иголок, лежала Реми. Лицо у нее было исцарапано, словно кто-то скреб его проволочной щеткой. Глаза Реми были полны слез.

— Как ты? — спросил он.

Она заставила себя улыбнуться и кое-как подняла большие пальцы.

— А ты, бесстрашный пилот?

— Дай отлежаться, тогда скажу.

Немного погодя Сэм взялся решать задачу, как спуститься.

— Не шевелись, — велел он Реми. — Просто лежи на месте.

— Ну если ты настаиваешь.

Сэм чувствовал себя так, словно его избили бейсбольными битами, но все суставы и мышцы, казалось, действуют как надо, пусть и не быстро.

Помогая себе правой рукой, Сэм спустился с последней ветки и кулем свалился на землю возле Реми. Она положила ладонь ему на щеку и сказала:

— С тобой не соскучишься.

— Не-а.

— Сэм, шея!

Он поднял руку и потрогал место, на которое указывала Реми. Пальцы покрылись кровью. Пощупав, он обнаружил трехдюймовую вертикальную ссадину за ухом.

— Кровь уже сворачивается, — заметил он. — Посмотрим, что с тобой.

Скоро он понял, что, скорее всего, их спасла одежда. Толстая подстилка парок и высокий воротник защитили торс и горло, а вязаные шапочки послужили необходимой подушкой для черепа.

— Неплохо, учитывая все обстоятельства.

— Нас сегодня спасла твоя идея щита.

Она пренебрежительно махнула рукой.

— А где «Высокий полет»?

— Запутался в кроне.

— Бамбук еще со мной?

Сэм увидел, что конец бамбукового прута торчит у нее из-под парки.

— Да.

— Лицо у меня такое же ужасное, как у тебя? — спросила Реми.

— Ты никогда не была прекрасней.

— Лжец, но все равно спасибо. Солнце садится. Что теперь?

— Теперь нас спасут. Я разведу костер, потом найду дружелюбных жителей деревни, которые предложат нам удобные постели и горячую еду.

— И все?

— И все.

Сэм встал и потянулся. Все тело ломило, пульсирующая боль исходила словно отовсюду.

— Сейчас вернусь.

Ему потребовалось всего несколько минут, чтобы найти сумку от аварийного парашюта, которая слетела с него во время крушения. Больше времени ушло на поиски большой сумки: она свалилась с платформы, когда отпилили последнюю стойку. Из семи оставшихся брикетов он нашел три.

Сэм вернулся к Реми и увидел, что она сумела сесть, привалясь спиной к стволу дерева. Вскоре рядом с ней на маленьком земляном круге горел брикет. Сэм положил рядом с ней два оставшихся брикета.

— Вернусь очень скоро, — сказал он.

— Я никуда не уйду.

Он поцеловал ее и пошел.

— Сэм?

Он оглянулся.

— Да?

— Опасайся йети.

37

Голдфиш-Пойнт, Ла-Джолла, Калифорния

— У меня есть для вас перевод, — сказала Сельма, входя в солярий. Она прошла туда, где лежали на шезлонгах Сэм и Реми, и протянула Реми распечатку.

— Фантастика, — с бледной улыбкой ответила Реми.

Сэм спросил Сельму:

— А ты сама прочла?

— Да.

— Может, дашь краткое изложение в духе «Ридерс дайджест»? Реми от обезболивающих слишком… веселая.

Оказалось, что найти спасателей в Гималаях не трудно. Возвращаясь в прошлое, вспоминая, через что они прошли, Сэм счел это идеальной справедливостью. Они, не сознавая того, врезались в сосны менее чем в миле от деревни под названием Самагаун, самого северного поселения в этом районе Непала.

В сгущающихся сумерках Сэм брел по долине, пока его не приметила чета туристов из Австралии, проводящих отпуск в пешем походе. Они отвели его в Самагаун, и очень скоро собралась спасательная партия. Два жителя деревни, австралийская пара и Сэм со всей возможной быстротой проехали вверх по долине на допотопном грузовике «Датсун», потом вышли и остаток пути проделали пешком. Реми они нашли там, где ее оставил Сэм, в теплом свете костра.

Из соображений безопасности ее уложили на кусок фанеры, который прихватили специально для этого, и вернулись в Самагаун, где, как оказалось, из-за них уже была мобилизована вся деревня. Им отвели отдельную комнату с двумя кроватями и пузатой печью и до отвала накормили их алоо тареко (жареным картофелем) и кукхура ко ледо (жареным цыпленком с подливкой). Пришел деревенский врач, осмотрел обоих и не нашел ничего опасного для жизни.

Проснувшись на следующее утро, они узнали, что старейшины деревни уже распространили новость об их спасении по долине посредством любительского радио. Вскоре после того как Сэм сообщил старейшинам, как связаться с Джеком Карной, прибыл долее мощный внедорожник, чтобы отвезти их на юг. В Горкхе их ждали Джек и Аджай, чтобы отвезти в Катманду.

Джек к этому времени уже сообщил об их исчезновении и пробивался через непальскую госбюрократию, чтобы организовать поисковую партию, когда пришло сообщение об их спасении.

Под бдительным оком Аджая Сэм и Реми провели ночь в больнице. Рентген показал у Реми два ушиба ребер и растяжение сухожилия. От ушибов и кровоподтеков Сэму и Реми прописали болеутоляющее. Царапины на их лицах, хоть и страшные с виду, оказались поверхностными и со временем должны были исчезнуть.

Через пять дней после крушения шара они летели домой в самолете.

Сейчас Сельма выдала им отредактированную версию.

— Прежде всего, миссис Фарго, Джек подтвердил вашу догадку. Символы, вырезанные на бамбуке, идентичны символам на крышке ларца Теуранга. Он ошарашены так же, как вы. Когда будете готовы к разговору, позвоните ему.

Что касается остальной записи, вы опять правы: она на итальянском языке. Ее сделал человек по имени… — Сельма всмотрелась в распечатку, — Франческо де Лана Терци…

— Знакомое имя, — заметил Сэм.

Вернувшись домой, он сразу погрузился в историю дирижаблей.

Реми потребовала:

— Рассказывай.

— Де Терци принято считать отцом аэронавтики. Иезуит и профессор физики и математики в Брешии, в северной Италии. В 1670 году он напечатал книгу под названием «Предвестник». Для того времени она была принципиально новой, разрушала каноны. Это был первый серьезный анализ математических основ воздухоплавания. Он проторил тропу для всех, кто следовал за ним, начиная с братьев Монгольфье в 1783 году.

— А, этих, — сказала Реми.

— Первый успешный полет на воздушном шаре, — объяснил Сэм. — Де Терци был настоящим гением. Он проложил дорогу для штук вроде

швейной машины, приспособлений для чтения для слепых — первой примитивной разновидности азбуки Брайля...

— Но никаких воздушных кораблей, — сказала Сельма.

— Главной его идеей было то, что он называл «летучим кораблем» — в сущности, это было то же самое, что найденный нами дирижабль с несколькими шарами, но взамен сфер из ткани он предлагал медные, из которых выкачан воздух. В середине 17 века изобретатель Роберт Бойл придумал насос — «пневматическую машину», как он его называл — способный полностью выкачать воздух из сосуда. С помощью этого насоса он доказал, что воздух обладает весом. Де Терци предположил, что после того как из медных шаров выкачают воздух, корабль станет легче воздуха и сможет подняться. Не буду утомлять вас подробностями, но в этом проекте слишком много технических трудностей, чтоб он был осуществимым.

— Поэтому «летучий корабль» так и не построили, — сказала Сельма.

— Насколько нам известно. В конце 19 века человек по имени Артюр де Боссе, пытался добыть средства на постройку корабля, который он назвал «кораблем с трубками с пустотой», но из этого ничего не вышло. А что касается де Терци, то, согласно данным историков, он продолжал работать над своей теорией, пока в 1689 году не умер.

— Где?

Сэм улыбнулся.

— В Брешии.

— Прошлявшись по Гималаям, — добавила Реми. — Продолжай, Сельма.

— Из надписи на бамбуке следует, что де Терци и его китайский экипаж — он не пишет, сколько человек, — потерпел крушение во время испытательного полета воздушного корабля, который он создал для императора Канси. Император назвал корабль «Великий Дракон». Крушение пережили только сам де Терци и еще двое. Причем только он не был ранен.

— Две мумии, которые мы нашли, — сказала Реми.

— Я посмотрела годы правления императора Канси, — вставила Сельма. — Он правил с 1661 по 1722 год.

— Время подходит, — согласился Сэм.

— Теперь о хорошем: де Терци сообщает, что в поисках пищи он нашел, — Сельма заглянула в распечатку, — «загадочный сосуд такой конструкции, какую он никогда прежде не видел, с выгравированными

на нем буквами, схожими и в то же время не схожими с теми, какими пользуется мой благодетель...»

Сэм и Реми обменялись улыбками.

Сельма продолжала:

— В заключительной части надписи де Терци пишет, что решил оставить людей из своего экипажа и направиться на север, к базе, откуда вылетел корабль; он называет ее Шекар Гомпа.

Сэм спросил:

— Ты проверила...

— Да. Сейчас на месте Шекар Гомпы развалины, но это примерно в сорока милях на северо-восток от того места, где вы нашли корабль, в Тибете.

— Продолжай.

— Если бы де Терци сумел вернуться в Шекар Гомпу, он бы сам рассказал о своем путешествии. Если нет, его тело не нашли бы. Бамбук должен был стать его завещанием.

— А таинственный сосуд? — спросил Сэм.

— Самое интересное я оставила напоследок, — ответила Сельма. — Де Терци утверждал, что собирался прихватить с собой сосуд в качестве, цитирую, «платы за освобождение моего брата Джузеппе, коего император Канси держал в заложниках, чтобы заручиться моим возвращение с Великим Драконом».

— Он взял его с собой, — понял Сэм. — Забрал Теуранг в Тибет.

Реми сказала:

— У меня столько вопросов, что я не знаю, с чего начать. Прежде всего, что мы еще знаем о де Терци?

— Очень немного. По крайней мере я мало что нашла, — ответила Сельма. — Согласно всем источникам де Терци всю жизнь провел в Италии. Там он умер и похоронен. Как сказал Сэм, в последний год он работал над своим «летучим кораблем».

— Обе версии его жизни не могут быть справедливы, — настаивал Сэм. — Либо он никогда не покидал Брешии, и надпись на бамбуке — подделка, либо он провел какое-то время в Китае, работая на императора Канси.

— Да там, возможно, и умер, — добавила Реми.

Сэм видел озорную улыбку на лице Сельмы. Он сказал:

— Давай, выкладывай.

— Мне ничего больше не удалось найти в сети о де Терци, но в университете Брешии есть профессор, который читает курс об изобретателях эпохи Возрождения. Согласно онлайн каталогу университета де Терци занимает большое место в его курсе.

Реми упрекнула ее:

— Тебе ведь действительно нравится так измываться?

— Ничуть, — серьезно заявила Сельма. — Одно ваше слово, и завтра днем вы будете в Италии.

Одно ваше слово, и мы по Интернету договоримся на завтра о встрече.

Голдфиш-Пойнт, Ла-Джолла,

Калифорния

На следующий день — под вечер по итальянскому времени — в айчате Сэм и Реми представились и не вполне определенно объяснили профессору Карлотте Моретти, почему их интересует Франческо де Лана Терци. Моретти, брюнетка лет тридцати пяти в очках в толстой роговой оправе, улыбнулась им с экрана компьютера.

— Рада с вами познакомиться, — сказала она по-английски с легким акцентом. — Знаете, я некоторым образом фэн.

— Наш? — спросила Реми.

— Си, си. Я читала о вас в журнале «Смитсониан». Утраченный клад Наполеона, и пещера в горах, в... э-э...

— На Большом Сен-Бернаре, — подсказал Сэм.

— Да, и это тоже. Простите мне навязчивость, но я должна спросить: здоровы ли вы? Ваши лица...

— Неудачно сходили в поход, — ответил Сэм. — Теперь выздоравливаем.

— Вот и хорошо. Конечно, я очень обрадовалась, когда вы позвонили. Восхитилась и удивилась. Расскажите, чем вас заинтересовал Франческо де Терци, я постараюсь вам помочь.

— Его имя возникло, когда мы занимались одним проектом, — сказала Реми. — Мы нашли удивительно мало публикаций о нем. Нам сказали, что вы специалист.

Моретти помахала рукой.

— Ну, не знаю. Я включила Терци в свой курс и интересовалась им еще с детства.

— Нам любопытна главным образом последняя часть его жизни, скажем, последние десять лет. Прежде всего, подтверждаете ли вы, что у него был брат?

— О да, Джузеппе де Лана Терци.

— А правда ли, что Франческо никогда не покидал Брешию?

— О нет, неправда. Де Терци часто ездил в Милан, в Геную да и в другие места.

— А за пределы Италии? Может быть за море?

— Возможно, хотя не могу сказать, куда именно. По некоторым сообщениям — они, правда, представляют собой вторичное изложение историй, которые якобы рассказывал де Терци, — между 1675 и 1679 годами он совершил далекое путешествие. Хотя, насколько мне известно, ни один историк этого не подтверждает.

— А в этих пересказах говорится, где он побывал?

— Где-то на Дальнем Востоке, — ответила Моретти. — Есть вариант — в Азии.

— Зачем бы он туда ездил?

Профессор медлила.

— Вы должны понять: возможно, все это выдумки. Нет почти никаких подтверждающих документальных свидетельств.

— Мы понимаем, — ответил Сэм.

— Говорят, де Терци не смог найти инвесторов для своего проекта воздухоплавания.

— «Летучего корабля»?

— Да, его самого. Никто не хотел давать ему денег: ни власти, ни местные богачи. И он отправился на Восток в надежде найти поддержку и закончить свою работу.

— И он ее закончил?

— Нет, насколько мне известно.

— Что произошло, когда в 1679 году он вернулся? — спросил Сэм.

— Говорят, он вернулся в Италию совсем другим человеком. В путешествии с ним что-то случилось, а Джузеппе вовсе не вернулся. Франческо никогда об этом не говорил. Вскоре он снова поселился в Брешии, потом вышел из ордена иезуитов и переехал в Вену, Австрия.

— Снова в поисках вложений?

— Возможно, но в Вене ему не повезло.

— Что именно? — спросила Реми.

— Вскоре после переезда в Вену он женился, и у него родился сын. Два года спустя произошло большое сражение — осада Вены и затем битва за город. Слыхали?

— Смутно.

— Осада продолжалась два месяца, Оттоманская империя воевала со Священной Лигой: Священной Римской империей, Польско-Литовским государством и Венецианской республикой. В начале сентября 1683 года произошла заключительная битва. Погибли тысячи человек, среди них жена и маленький сын Франческо де Терци.

— Ужасно, — с печалью заявила Реми. — Такое горе…

— Си.Говорят, его сердце было разбито. Сначала брат, потом новая семья — все погибли. Вскоре после этого де Терци снова исчез.

— Куда?

Моретти пожала плечами.

— Снова загадка. В октябре 1685 года он вернулся в Брешию и через несколько месяцев умер.

— Позвольте вопрос, который может показаться странным, — сказала Реми.

— Прошу.

— Вы — или кто-нибудь другой абсолютно уверены, что в 1685 году де Терци вернулся в Брешию?

— И впрямь странный вопрос. Полагаю, ответ на него — нет. Я не знаю никаких подтверждений его погребения… или возвращения в Брешию. Эта часть истории, как и многое другое, основана на сведениях, полученных из вторых рук. Тут буквально нужна…

— Эксгумация.

— Да, эксгумация. Только это да образцы ДНК его потомков могли бы стать доказательством. А почему вы спрашиваете? У вас есть основания считать...

— Нет, на самом деле нет. Мы просто обдумываем разные варианты.

Сэм спросил:

— Относительно этих историй. Вы хоть в какую-то из них верите?

— Отчасти мне хочется верить. Ведь это удивительные приключения, верно? Но, повторяю, в официальной истории жизни де Терци ничего подобного нет.

— Несколько минут назад вы сказали, что документальных свидетельств почти нет. Значит ли это, что они вообще существуют? — спросила Реми.

— Есть несколько писем, но написанных его друзьями. Ни одного личного письма де Терци. Это то, что ваша судебная система называет косвенными уликами, си? Помимо них есть только один источник, который можно связать с этими рассказами. Не хочется упоминать о нем.

— Почему?

— Это вымысел, рассказ, написанный сестрой де Терци через несколько лет после его смерти. Прообразом главного героя, хотя в рассказе его зовут иначе, явно послужил Франческо. Большинство полагает, что сестра де Терци пыталась заработать на его славе, используя слухи.

— Можно пересказать суть ее рассказа?

— По сути фантастического рассказа. — Моретти собралась с мыслями. — Герой покидает свой дом в Италии. Он преодолевает множество опасностей, но потом его захватывает в плен чужеземный тиран. Героя заставляют построить летучий военный корабль. Корабль терпит крушение в далеком пустынном краю, выживают лишь герой и два его спутника, только чтобы впоследствии умереть от ран. Потом герой находит загадочное сокровище и предпринимает опасное путешествие назад к замку тирана. Здесь он узнает, что его товарищ-путешественник, которого тиран держал в заложниках, казнен.

Герой с сокровищем возвращается в Италию, но здесь его ждет новая трагедия: его семью унесла чума. Теперь герой верит в проклятие сокровища, поэтому решает вернуть сокровище туда, где взял его, уезжает — и исчезает бесследно.

Сэм и Реми старались сохранить бесстрастные лица.

Сэм спросил:

— Кстати, нет ли у вас экземпляра этого рассказа?

— Есть, конечно. Есть и оригинальная итальянская версия, и очень хороший перевод на английский. Как только закончим разговор, я вышлю вам электронную версию.

38

Голдфиш-Пойнт, Ла-Джолла,

Калифорния

Получив текст «Великого Дракона» на свои айпады, Сэм и Реми поблагодарили профессора Моретти за помощь. Они прочли рассказ и сделали копии для Сельмы, Пита и Венди. Сельма связалась с Джеком Карной через айчат, и Реми послала экземпляр и ему.

— Вид у вас ошалелый, — заявил Карна. — Не томите. Что вы узнали?

Сэм сказал Реми:

— Давай ты.

Реми вначале пересказала их разговор с Моретти, потом изложила для всех суть «Великого Дракона».

— Невероятно, — констатировала Сельма. — Вы оба прочли эту историю?

— Да, — ответил Сэм. — Она должна лежать в твоей почте. В вашей тоже, Джек.

— Да, вижу, вот она.

— Насколько точно этот рассказ соответствует надписи на бамбуке? — спросила Венди.

— Если убрать явно вымышленные эпизоды и заменить их предполагаемыми свидетельствами самого де Терци, получается нечто вроде изложения действительных фактов: крушение, количество выживших, открытие загадочного сокровища, дорога домой... Все здесь.

— И время подходит, — сказала Реми. — Судя по полученным из вторых рук рассказам об отъездах и приездах де Терци, он вполне мог съездить в Китай и вернуться.

— Я потрясен, — заявил Карна.

Пит, который листал рассказ на айпаде Сэма, спросил:

— А что это за карта на первой странице?

— Обратное путешествие героя с сокровищем, — ответила Реми. — Карна, у вас она есть?

— Как раз смотрю на нее. Похоже, де Терци приехал с запада и прежде всего остановился в месте, которое здесь названо замком. Можно предположить, что это Шекар Гомпа.

— Место вылета воздушного корабля, — отметил Сэм.

— И, возможно, место погребения Джузеппе, — добавила Реми.

Карна продолжил:

— Из Шекар Гомпы де Терци отправляется на восток к Великому Городу. Судя по местоположению Шекара, этим городом может быть Лхаса.

— Зачем ему отправляться туда? — спросила Венди. — Место крушения в сорока милях к югу от Шекар Гомпы. Разве он не пытался вернуть сокровище?

— Да, — ответил Сэм, — но в рассказе, когда он достигает замка, местный мудрец объясняет ему, что он должен вернуть сокровище в его «законный дом». И велит ему отыскать другого мудреца в Великом Городе на западе.

Карна подхватил мысль Сэма.

— Из Великого Города де Терци отправляется дальше на восток и наконец прибывает в… Не знаю. Здесь только крестик.

— Шангри-Ла, — предположила Реми.

Карна несколько мгновений молчал, потом сказал:

— Прошу прощения. Я скоро вернусь.

Окно айчата потемнело.

* * *

Вернулся Карна через тридцать минут.

— На карте есть грубая разбивка на квадраты и другие ориентиры, которые мне пришлось перепроверять, но, если принять расстояние от Шекар Гомпы до Лхасы за основание для расчетов, последнее путешествие де Терци закончилось в месте, которое сегодня известно как ущелье Цангпо.

— Наиболее вероятная, с вашей точки зрения, область, где может размещаться Шангри-Ла, — отметил Сэм.

— Да, верно. Сэм, Реми, возможно, сегодня вы решили шестисотлетнюю загадку.

Сэм сказал:

— Давайте не забегать вперед. Сколько нужно времени, чтобы точно указать это место на карте?

— Начну немедленно. Дайте мне день.

39

Район Аруначал-Прадеш,

Северная Индия

— Джек! — крикнула Реми. — Мне не верилось, что вы действительно появитесь!

Машина Карны остановилась, он вышел. Реми обняла его, Сэм пожал руку.

— С прибытием, Джек. Рады.

— Я тоже.

Стоя за Карной, Аджай улыбался им и кивал.

Карна сказал:

— Вы оба выглядите лучше, чем когда я в последний раз видел ваши лица. Реми, как нога? А ребра?

— Достаточно зажили, чтобы ходить, не стискивая зубы. У меня с собой эластичные бинты, хорошие походные ботинки и флакон «Ибупрофена».

— Потрясающе.

— Да она нас всех переходит, — заявил Сэм.

— Добрались без проблем? Хвостов нет? Подозрительных людей?

Реми ответила:

— Ничего подобного.

Со времени последнего разговора с Чарлзом Кингом они не видели и не слышали ни его, ни его детей, ни Чжилань Су. Такое положение одновременно радовало и тревожило.

— Как вы победили свой страх полетов, Джек? — спросил Сэм.

— Вообще-то, не победил, — ответил Карна. — С той минуты, как мы взлетели в Катманду, я был в полном ужасе, пока не вышел из самолета в Бангладеш. Но волнение из-за предстоящей экспедиции частично победило мой страх, и вуаля — я здесь.

«Здесь» означало конечный пункт пятисотмильного путешествия по суше, которое Сэм и Реми завершили всего несколько часов назад. Раскинувшийся на берегу реки Сианг спокойный городок Йингкионг с населением в 900 человек был последним сколько-нибудь значительным населенным пунктом в Северной Индии. Следующий город Ньингчи, на северо-востоке в Тибете, отделяло от него сто миль по самым непроходимым в мире джунглям.

С их разговора в айчате минуло десять дней. Именно столько потребовалось, чтобы сделать все необходимые приготовления к путешествию. Верный своему слову Карна связался с ними на другой же день: он безостановочно работал, пытаясь расшифровать карту из «Великого Дракона».

Карна объяснил, что умение де Терци ориентироваться на местности не уступало искусству Хранителей. И обозначения, и расстояния на карте де Терци были удивительно точные и расходились с реальностью менее чем на милю и на один градус. Закончив расчеты, Карна не сомневался, что определил местоположение Шангри-Ла с точностью до двух миль. И, как он подозревал с самого начала, точка с этими координатами оказалась в самом сердце ущелья реки Цангпо.

Сэм и Реми изучали эту местность с помощью спутниковой карты, но видели только высокие горы, быстрые реки и густые леса. И ничего похожего на скалу-гриб.

Карна сказал:

— Что если мы отправимся в бар, выпьем и поговорим? Лучше будет, если вы поймете, на какую пакость подписались, до того как выйдем завтра утром.

Таверна оказалась двухэтажным зданием с наклонной крышей из гофрированной жести и фанерными стенами. Внутри первый этаж был отдан столу администратора и ресторану, как будто взятому из голливудских боевиков 50-х годов о Диком Западе: деревянный пол, длинная стойка в форме буквы J и вертикальные столбы, поддерживающие потолочные балки. Карна сказал, что комнаты для ночлега — на втором этаже.

В таверне было на удивление много народу. Они нашли столик-козлы у стены под мигающим неоновым знаком «Шлитц» и заказали четыре пива. Все замерзли.

— Большую часть того, что я вам расскажу, я узнал от Аджая, но, так как он неразговорчив, вам придется положиться на мою память. Как я уже говорил, это издавна охотничьи угодья Аджая, так что мы в надежных руках. Кстати, Аджай, в каком состоянии наш транспорт?

— Все устроено, мистер Карна.

— Фантастика. Пока я буду рассказывать, поправляй меня, если я где-нибудь собьюсь, Аджай.

— Да, мистер Карна.

Карна вздохнул:

— Не могу заставить его звать меня Джеком. Пытаюсь уже много лет.

— Они с Сельмой играют по одним правилам, — заявил Сэм.

— Верно. Вот вам в двух словах недостаток Аруначал-Прадеша: в зависимости оттого, кого вы спросите, мы сейчас в Китае.

— Тпру! Повторите-ка, — потребовал Сэм.

— Китай официально претендует на большую часть этой территории как на часть южного Тибета. Конечно, для жителей и для местных властей Аруначал-Прадеш — индийский штат. Северная граница между Аруначал-Прадешем и Китаем называется «линией Макмагона», ее провели согласно договору между Китаем и Соединенным Королевством. Китайцы на это не купились, а индийцы до 1950 года не укрепляли границу. И Китай, и Индия притязают на эту территорию, но практически ничего не предпринимают.

— Что это означает в смысле военного присутствия? — спросил Сэм.

— Ничего. В регионе есть индийские войска, но китайцы остаются севернее линии Макмагона. И отношения на самом деле вполне дружелюбные.

— Да... Гораздо менее приятно ANLF — «Движение за освобождение Аруначала». Самая новая и самая крупная террористическая организация. В последнее время они часто прибегают к похищениям. Тем не менее Аджай говорит, что у нас, вероятно, не будет с ними неприятностей: в последнее время организация распадается.

Сэм сказал:

— Согласно картам, наша цель — в двадцати пяти милях от границы на территории Китая. По ландшафту могу предположить, никаких пограничных застав здесь нет.

— Вы правы. Как я упоминал еще в Мустанге, граница, в общем, открытая. Ежегодно ее переходят несколько сотен пеших туристов. На самом деле китайскому правительству как будто все равно. В этом районе нет ничего стратегически важного.

— Еще одна хорошая новость, — заметила Реми. — Теперь расскажите об изнанке.

— Помимо труднопроходимой местности?

— Да.

— Изнанка такова: мы — со всех точек зрения — вторгаемся в Китай. Если нам не повезет и нас схватят, мы, вероятно, окажемся в тюрьме.

— Мы уже однажды столкнулись с такой возможностью, — сказал Сэм. — Давайте постараемся избежать такого исхода, а?

— Ладно. Ну-с, вперед, к змеям и ядовитым насекомым...

* * *

Наскоро поужинав цыпленком тандури, Сэм и Реми отправились спать. Номера внутри соответствовали общему стилю таверны: голливудский вестерновый шик без шика. Хотя температура снаружи была приятная — шестнадцать градусов, влажность не давала дышать. Наверху под потолком медленно разгонял воздух скрипучий вентилятор. Впрочем, вскоре после захода солнца начало холодать, и в номере стало уютно.

К восьми вечера они уснули.

Наутро их разбудил негромкий стук в дверь; Аджай шепотом окликал их. Сонный Сэм в темноте выбрался из кровати и подошел к двери.

Аджай сказал:

— Кофе, мистер Фарго.

— Не чай? Я приятно удивлен. Кстати, меня зовут Сэм.

— О нет, сэр.

— Который час?

— Пять утра.

— О-хо-хо, — прошептал Сэм и поглядел на спящую Реми. Миссис Фарго не была жаворонком. — Аджай, нельзя ли принести нам еще две чашки кофе?

— Конечно. Вообще-то, я принесу графин.

Полчаса спустя все собрались в таверне на завтрак. Когда с едой было покончено, Карна сказал:

— Пора собираться. Наша «смертельная ловушка» появится с минуты на минуту.

— Вы сказали «смертельная ловушка»? — переспросила Реми.

— Вы, должно быть, знаете ее под более обычным названием — вертолет.

Сэм рассмеялся.

— После того, через что мы прошли, мы, пожалуй, предпочтем ваше описание. Вы уверены, что справитесь?

Карна держал нерфовский мячик величиной с бейсбольный. В нем были отверстия для пальцев.

— Игрушка от стресса. Переживу. Полет будет недолгим.

С собранным и упакованным имуществом они вскоре перегруппировались на северном конце Йингкионга, на земляной поляне.

— А вот и он, — сказал Аджай, указывая на юг, где над самой поверхностью Сианга летел оливково-зеленый вертолет.

— Выглядит просто древним, — заметил Карна.

Когда вертолет повис над поляной, Сэм разглядел на боковой двери поблекший круг — знак ВВС Индии. Кто-то тщетно пытался закрасить оранжево-бело-зеленую эмблему. Группа отступила, укрываясь от ветра, поднятого лопастями, и ждала, пока осядет пыль.

— Аджай, что это за штука? — спросил Карна.

— Легкий многоцелевой вертолет «Четак», сэр. Очень надежный. Когда я служил в армии, я много раз летал на таком.

— Сколько ему лет.

— Тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года выпуска.

— Проклятие!

— Если бы я вам сказал, мистер Карна, вы бы не пошли.

— Ты чертовски прав. Ну, ладно, давайте покончим с этим.

Джек лихорадочно тискал свой мячик; группа уложила вещи в вертолет и все заняли места. Аджай проверил у всех пятиточечные привязные системы, закрыл дверь и кивнул пилоту.

Они поднялись, нос наклонился, и машина полетела.

Отчасти чтобы облегчить навигацию, отчасти чтобы увеличить шансы на спасение, если «Четак» разобьется, пилот шел вдоль извивающегося русла реки Сианг. Аджай объяснил, что редкие поселения к северу от Йингкионга располагаются на берегах реки. Если повезет, кто-нибудь заметит, как упал «Четак», и вызовет спасателей.

— Обалдеть, — перекричал Карна рев двигателя.

— Тискайте свой мячик, Джек, — посоветовала Реми. — Аджай, вы знаете этого пилота?

— О да, миссис Фарго, очень хорошо. Мы вместе служили в армии. Гупта теперь занимается грузоперевозками — доставляет припасы в самые дальние районы Аруначал-Прадеша.

«Четак» летел на север в нескольких сотнях футов над коричневыми водами Сианга, и вскоре оказался среди острых, как нож, хребтов и отвесных ущелий, сплошь заросших такими густыми джунглями, что Сэм и Реми видели только толстый зеленый ковер. В большинстве мест Сианг был широким, с медленным течением, но несколько раз, когда «Четак» пролетал через ущелья, воды реки пенились, а волны разбивались о камень.

— Эти воды внизу шестого класса сложности, — сказал Сэм, глядя в окно.

— Это пустяки, — ответил Карна. — Там, куда мы направляемся, в ущелье Цангпо, реку называют Эверестом рек. Некоторые районы Цангпо не поддаются классификации.

Реми спросила:

— А кто-нибудь пробовал здесь пройти?

— О да, много раз. В основном каякеры, экстремалы. Верно, Аджай?

Аджай кивнул.

— Многие погибли. Тела так и не нашли.

— Их не выносит ниже по течению? — спросил Сэм.

— Тела обычно либо остаются в потоке и их измельчает о дно, либо их размалывает, когда тащит по ущельям. После этого мало что можно найти.

На сорок первой минуте полета Гупта повернулся на сиденье и сказал:

— Сажусь в деревне Тьютинг. Приготовиться к посадке.

Сэм и Реми с удивлением обнаружили в деревне Тьютинг земляную взлетно-посадочную полосу, частично заросшую джунглями. Вертолет коснулся земли, и все вылезли.

В восточной стороне, выше по склону долины, сквозь деревья виднелись немногочисленные крыши. Деревня Тьютинг, предположили Сэм и Реми.

— Отсюда идем пешком, — объявил Карна.

Он, Сэм и Реми принялись выгружать снаряжение.

— Прошу прощения, только один момент, — сказал Аджай. Он стоял в десяти футах рядом с пилотом. — У Гупты есть предложение, и он хочет, чтобы вы его обдумали. Он спросил, далеко ли мы хотим углубиться в китайскую территорию, и я ответил. За дополнительную плату он отвезет нас почти к цели.

— А китайцы его волнуют? — спросил Сэм.

— Очень мало. Он говорит, что у них в этой местности нет радаров и что долины отсюда до нашей цели только становятся глубже и совсем безлюдны. Он считает, что может долететь не замеченным.

— Что ж, это гораздо лучше, чем шестидневный марш туда и обратно, — заметил Карна. — Сколько он хочет?

Аджай поговорил с Гуптой на хинди, потом сообщил:

— Двести тысяч рупий — примерно четыре тысячи долларов США.

Сэм сказал:

— У нас нет при себе столько наличных.

— Гупта предвидел это. Он говорит, что с радостью примет кредитную карту.

Они согласились на условия Гупты, и очень скоро пилот передавал по радио информацию Сэма на свою базу в Итанагаре.

— Чистый сюрреализм, — отметил Сэм. — Стоим здесь, в глухой глуши, а индийский пилот снимает средства с нашей карточки.

— Как я уже говорила в Непале, с тобой не соскучишься, — ответила Реми. — Но я знаю, что моя лодыжка одобрит такую перемену.

Аджай сказал:

— Гупта говорит, все в порядке. Можем взлететь, как только вы будете готовы.

* * *

Поднявшись в воздух и вновь направляясь на север вдоль Сианга, они вскоре миновали последнее индийское поселение перед границей. Деревня Генгрен исчезла позади, и Гупта объявил:

— Пересекаем линию Макмагона.

— Вот и все, — сказал Сэм. — Мы вторглись в Китай.

Пересечение вышло решительно скучное, но скоро местность начала меняться. Как и предсказывал Гупта, на смену скругленным очертаниям высоких вершин и хребтов явились голые, иззубренные скалы; склоны долин стали круче, лес гуще. Разительней всего переменилась река Сианг. Здесь, на юге района ущелья Цангпо, река бурлила, волны бились о камни и скальные стены, взметая в воздух тучи брызг и облака тумана. Гупта вел «Четак» как можно ближе к реке, держась ниже линии хребтов. Сэм и Реми чувствовали себя так, словно сплавлялись по самой бурной и порожистой реке в мире.

— Пятнадцать минут, — объявил Гупта.

Сэм и Реми обменялись улыбкой предвкушения. Они зашли так далеко, преодолели столько преград, и теперь до цели оставалось всего несколько минут… как они надеялись.

Карна напрягся. Стиснув зубы, впиваясь пальцами в мячик, он не отрываясь смотрел в окно, прижавшись лбом к стеклу.

— С вами все хорошо, Джек? — спросил Сэм.

— Мне никогда не было лучше, приятель. Мы почти на месте!

— Приближаемся к внешнему краю области, соответствующей нужным координатам, — объявил Гупта.

Аджай задал пилоту точку отсчета координат в центре круга диаметром две мили. В районе, куда они летели, господствовали скопления

пиков-обелисков с плоскими вершинами, все пики различались по высоте — от нескольких сотен футов до тысячи и трех тысяч футов. Внизу, в ущелье, между этими обелисками змеилась река Цангпо — кипящая белая полоска, окаймленная крутыми утесами.

— Не заметил никаких каякеров, — заметил Сэм. — Вообще никого не видно.

Карна поднял голову от карты, которую изучал, и ответил:

— Я бы удивился, если бы вы кого-нибудь увидели. Вы же видели рельеф. Только самые решительные — или сумасшедшие — забираются сюда.

— Не могу решить, оскорбление это или комплимент, — шепнула Реми Сэму.

— Если вернемся с победой и живыми, будем считать комплиментом.

Карна крикнул Аджаю:

— Спроси Гупту, может ли он дать нам получше рассмотреть эти вершины? Если мои расчеты верны, мы прямо над точкой отсчета.

Аджай передал просьбу. Гупта сбросил скорость «Четака» до тридцати узлов и начал по очереди облетать обелиски, меняя высоту так, чтобы пассажиры могли разглядеть их вблизи. Реми у своего окна быстро фотографировала.

— Вон она! — закричал Джек, показывая.

В ста ярдах за окном находился обелиск среднего размера, высотой примерно тысяча футов и шириной пятьсот ярдов. Отвесные гранитные склоны были густо увиты лианами, прикрыты листвой и большими полосами мха.

— Видите? — спросил Карна, проводя указательным пальцем по стеклу. — Форму? Начните снизу и идите вверх… Видите, где он начинает расширяться, а потом, на сто футов ниже плато, неожиданно становится плоским? Скажите, что видите!

Сэму и Реми потребовалось несколько секунд, чтобы охватить всю картину, но мало-помалу на их лицах начали расплываться улыбки.

— Гигантский гриб, — сказала Реми.

40

Ущелье реки Цангпо, Китай

После нескольких облетов, прерванных из-за резких порывов ветра, Гупте удалось боком подвести вертолет к обелиску, и Карна рассмотрел небольшую поляну в джунглях у края плато. Гупта завис над поляной и сел. Как только винты прекратили вращение, группа выбралась из вертолета и похватала снаряжение.

— Тебе это ничего не напоминает? — спросил Сэм у Реми.

— Не то слово.

Плато поразительно походило на райские долины, которые они заметили во время полета на вертолете над Северным Непалом.

Под ногами у них расстилался ковер из мха цветом от темно-зеленого до желто-светло-зеленого. Тут и там землю усеивали гранитные валуны, поросшие лишайником. Прямо перед ними высилась стена из густых джунглей, сплошная, если не считать нескольких напоминающих туннели троп, исчезавших в зарослях, грубых овалов, которые словно смотрели на Сэма и Реми немигающими черными глазами. Воздух наполняло гудение насекомых; невидимые в листве, кричали птицы. На ближайшем дереве вниз головой свесилась обезьяна, несколько секунд она разглядывала их, потом убежала.

Джек и Аджай прошли туда, где стояли Сэм и Реми. Карна отметил:

— К счастью, наш район поисков ограничен. Если разделимся на две группы, сможем охватить изрядную площадь.

— Согласен, — сказал Сэм.

— И последнее, — отметил Карна. Он склонился к своему рюкзаку, порылся в нем и извлек пару короткоствольных револьверов калибра.38 и отдал Сэму и Реми. — У меня, конечно, тоже есть. Что же касается Аджая...

Из кобуры, висевшей сзади на поясе, Аджай достал полуавтоматическую «Беретту» и тут же вернул ее на место.

— Мы ожидаем неприятностей? — спросила Реми.

— Мы в Китае, моя дорогая. Здесь возможно все: бандиты, группы террористов, переходящие границу, НОАК...

— Если нагрянет китайская армия, эти пугачи их только разозлят.

— Эту проблему мы будем решать, когда в том возникнет необходимость. К тому же мы, вероятно, найдем то, что ищем, и вернемся обратно за границу еще до наступления ночи.

Сэм сказал:

— Мы с Реми пойдем на восток; Джек, вы с Аджаем ступайте на запад. Встретимся здесь через два часа. Есть возражения?

Возражений не было.

Проверив, принимают ли сигнал их рации, группа разделилась. Надев налобные фонари, с мачете в руках, Сэм и Реми выбрали одну из троп и двинулись по ней.

Углубившись в джунгли на десять футов, они обнаружили, что света здесь вчетверо меньше. Сэм рубил лианы, растущие поперек тропы. Потом они остановились, чтобы осмотреться, направляя свет фонарей вверх, вниз, в стороны.

— Здесь должно быть потрясающее ежегодное количество осадков, — сказал Сэм.

— Сто десять дюймов. Примерно девять футов, — ответила Реми и улыбнулась. — Я знаю, ты любишь справочную информацию. Я все это посмотрела заранее.

— Я горжусь тобой.

В нескольких футах над их головами и по обеим сторонам лианы переплетались так густо, что самого леса не было видно.

— Мне это не кажется нормальным, — заявила Реми.

— Мне тоже.

Сэм просунул острие мачете сквозь полог листвы. Послышался звон, и его рука остановилась.

— Тут камень, — сказал он.

Реми ткнула свой мачете влево — с тем же результатом.

— Мы в искусственном туннеле.

Сэм снял с пояса рацию и нажал кнопку «Микрофон».

— Джек, вы меня слышите?

Шум помех.

— Джек, отзовитесь.

— Я здесь, Сэм. В чем дело?

— Вы на тропе?

— В самом начале.

— Попробуйте порубить растения по обочинам.

— Хорошо...

Звон!

Снова заговорил Джек:

— Каменные стены. Поразительное открытие.

— Помните свою догадку, что Шангри-Ла — это храм или монастырь? Думаю, вы его нашли.

— Думаю, вы правы. Поразительно, что могут сделать за тысячу лет джунгли, если им не мешать, правда? Что ж, это ведь не меняет наши планы? Мы обыскиваем комплекс и встречаемся через два часа.

— Хорошо. До встречи.

Теперь, зная, что они внутри возведенной человеком постройки, Сэм и Реми принялись осматриваться в поисках архитектурных «улик». Лианы и корни проникли в каждый квадратный фут сооружения. Сэм, шедший впереди, старался не слишком сильно взмахивать мачете, но все равно время от времени натыкался на камень.

Они добрались до ниши и остановились.

— Выключи фонарь, — распорядился Сэм, погасив свой.

Реми послушалась. Когда их глаза привыкли к темноте, они начали замечать проблески тусклого солнечного света в листве, покрывавшей стены и потолок.

— Окна в стенах и потолке, — сказала Реми. — Днем тут должно быть потрясающе.

Сэм и Реми, одолев несколько ступенек, вскоре достигли площадки, где лестница заворачивала обратно и поднималась на второй этаж. Здесь они обнаружили за аркой большое открытое пространство. Лоскутное одеяло корней и лиан у них над головой выгибалось, образуя сводчатый потолок. Этот Большой Зал, как они его окрестили, пересекали шесть полусгнивших бревен. Опорные балки, решили они, притом давно сгнившие, их остатки удерживает на месте только чехол из лиан. Прямо

напротив лестницы, по которой они поднялись, была другая такая же, она вела вверх, в темноту.

Включив фонари, Сэм и Реми разделились, чтобы исследовать пространство. Вдоль дальней стены Сэм обнаружил ряд каменных скамей, выступающих из нее, а прямо перед ними шесть прямоугольных прорезей в каменном полу.

— Это ванны, — заключила Реми.

— Похожие на могилы.

Реми склонилась к одной из щелей, мачете обстукала стенки изнутри. И услышала знакомый звон металла о камень.

— Здесь еще, — сказал Сэм, перейдя к противоположной стороне.

Они нашли полукольцо каменных скамей вокруг круглого бассейна, поперечник которого был больше роста Сэма. Реми вновь обстукала стенки, но не смогла дотянуться до дна. Сэм нашел кусок камня, отвалившийся от соседней скамьи, и бросил его в бассейн.

Они услышали приглушенный удар.

— Глубина около десяти футов, — решил Сэм.

Он присел на корточки и посветил фонарем в глубину шахты, но сквозь паутину лиан и корней ничего не сумел разглядеть.

— Ау! — крикнул он.

Эха не было.

— Слишком много растительности, — догадалась Реми.

Сэм нашел еще один камень и приготовился бросить.

— Что ты делаешь?

— Удовлетворяю свое любопытство. На нижнем этаже мы не видели ни следа этой шахты, а значит, она проходит за стеной. Наверняка неспроста.

— Валяй.

Сэм наклонился над шахтой, занес руку и бросил камень. Невидимый, тот глухо ударился о дно, потом опять, потом загремел о твердую поверхность.

Реми сказала:

— Верное решение. Эта шахта должна куда-то вести. Неужели ты хочешь…

Рация Сэма ожила. Между треском помех послышались слабые голоса. Обрывки быстрой речи накладывались друг на друга.

— Думаю, это Гупта или Аджай, — предположила Реми.

Сэм нажал кнопку «Звук».

— Аджай, ты меня слышишь? Аджай, отзовись!

Треск. Потом голос Джека:

— Сэм… Гупта… заметил… взлетает.

— Он улетает, — сказала Реми.

Они развернулись и ринулись вниз по ступенькам. Реми отставала из-за легкой хромоты. Они пересекли «пещеру» и побежали по туннелю.

Реми спросила:

— Что, по-твоему, он заметил?

— Я думаю, только одно способно напугать его, — ответил Сэм через плечо. — Вертолет.

— Я боялась этого.

Впереди появился светлый овал. Сэм и Реми затормозили перед ним и последние несколько шагов прошли пригнувшись. На поляне быстро вращал лопастями винтов «Четак»; в боковое окно они увидели, как Гупта яростно нажимает на кнопки и проверяет показания приборов. Он схватил портативную рацию и заговорил.

Его голос пробился в наушники Сэма:

— Простите, я попробую вернуться. Постарайтесь спрятаться. Они могут убраться.

Затем Гупта рванул вверх рычаг «шаг-газ», и «Четак» начал вертикальный подъем. Поднявшись на тридцать футов, он опустил нос и стремительно исчез из виду.

Краем глаза Сэм и Реми заметили, как из бокового туннеля вышли Карна и Аджай. Сэм, помахав рукой, привлек их внимание и знаком дал понять, что надо спрятаться. Они исчезли из виду.

И — этому предшествовали всего несколько секунд гула винтов — над дальним краем плато показался оливковозеленый вертолет. Сэм и Реми

сразу узнали носовой конус и ракетные блоки: «Харбин Z-9» Китайской народной армии.

— Привет, старый враг, — пробормотала Реми.

Они с Сэмом попятились еще на несколько футов.

Z-9 продолжал подниматься, потом развернулся, явив еще одно заветное воспоминание — раскрытую дверь и солдата, пригнувшегося к пулемету. Затем Z-9 боком скользнул над поляной и сел.

— Идем, Сэм, — сказала Реми. — Нужно спрятаться.

— Подожди.

В двери показалась фигура.

— О нет, — прошептала Реми.

Оба узнали эту гибкую, изящную фигуру.

Чжилань Су.

Она сошла на землю. В правой руке у нее был компактный пистолет-пулемет. Мгновением позже к ней присоединились еще две фигуры. Рассел и Марджори Кинг, тоже вооруженные компактными пистолетами-пулеметами.

— Гляди-ка, Чудо-Близнецы! — не сдержался Сэм.

Чжилань повернулась, что-то сказала детям и подошла к боковой двери Z-9. Та открылась; за ней оказался китаец лет сорока с лишним. Сэм достал из рюкзака бинокль и принялся разглядывать эту пару.

— Думаю, мы нашли китайский контакт Кинга, — решил Сэм. — Он определенно из НОАК. Очень высокого ранга, полковник или генерал.

— Внутри есть еще солдаты?

— Нет, только пулеметчик у двери. Он, Чжилань и близнецы — больше тут никто не нужен. Но не знаю, почему они до сих пор не заглушили двигатель.

— Как, господи помилуй, они нас нашли?

— Понятия не имею. Поздно беспокоиться из-за этого.

Офицер НОАК и Чжилань пожали друг другу руки, и он закрыл дверь. Мотор Z-9 загудел громче, и вертолет поднялся. Развернулся хвостом к плато и улетел.

— Наши шансы растут, — сказал Сэм.

— Что Чжилань делает?

Сэм направил бинокль на Чжилань в самое время, чтобы увидеть, как она достала из бокового кармана куртки мобильный телефон. Набрала несколько цифр. Затем вместе с близнецами посмотрела вслед улетающему вертолету.

Z-9 взорвался, превратившись в оранжево-красный гриб. Куски горящего корпуса полетели к земле и исчезли из виду.

На несколько секунд Сэм и Реми лишились дара речи. Наконец Реми выговорила:

— Какая безжалостность...

— Кинг обрубает концы, — констатировал Сэм. — Он, очевидно, уже ликвидировал незаконную торговлю окаменелостями — раскопки, транспортную систему — а теперь и контакт в правительстве.

— Остались только мы, — сказал Реми. — Мы можем пристрелить их отсюда?

— И не надейся. Наши короткоствольные пистолеты хороши только в пределах двадцати футов.

На поляне Чжилань убрала мобильник и взяла рацию.

По рации Сэма они услышали:

— Он с тобой?

— Со мной.

Голос Аджая.

— Веди к нам.

Сэм и Реми повернули головы вправо. Из бокового туннеля вышел Джек Карна, за ним Аджай. Аджай прижимал ствол пистолета к затылку Карны. Другой рукой он держал его за воротник куртки.

Эти двое — Аджай подталкивал Карну — дошли до середины поляны и остановились. Они были в сорока футах от Сэма и Реми, справа от них.

— Почему, Аджай? — спросил Карна.

— Простите, мистер Карна. Мне искренне жаль.

— Но почему? — повторил Карна. — Мы друзья. Мы знакомы уже...

— Они пришли ко мне в Катманду. Столько денег я не заработаю и за десять жизней. Я смогу послать своих детей в университет, куплю нам с

женой новый дом. Простите. Но она дала мне слово. Никто из вас не пострадает.

Карна ответил:

— Она солгала. — И, уже громче, обратился к Чжилань: — Ваше отродье я уже встречал несколько месяцев назад в Ло-Монтанге. Но не помню, чтобы нас знакомили.

Чжилань заявила:

— Меня зовут…

— Леди Дракон, знаю. Понимаете, вы опоздали. Это не то место. Теуранга здесь нет.

— Врешь. Аджай, что скажешь?

— Мы только начали поиски, мэм. Мистер Карна и Фарго вроде бы не сомневались, что Шангри-Ла здесь.

Чжилань сказала:

— Кстати о Фарго… выходите, оба! Ваш вертолет улетел. Выходите, помогите мне найти Золотого Человека, и я вызову наш транспорт. Высажу вас невредимыми в Йингкионге. Даю слово.

— Вы забыли, леди Дракон, — Сэм и Реми вас знают, — пояснил Карна. — Ваше обещание ничего не стоит.

— Пожалуй, ты прав, — ответила Чжилань. — Мистер и миссис Фарго, выходите сейчас же, или я убью вашего друга.

Реми прошептала:

— Сэм, мы должны ему помочь.

— Именно этого она и хочет, — ответил он.

— Но нельзя просто позволить ей…

— Я знаю, Реми.

Карна крикнул:

— Леди Дракон, они вас не слышат. Все, что у меня за спиной, — храм, такой огромный, что на поиски понадобятся месяцы. Сейчас они, вероятно, даже не знают, что вы здесь.

— Они должны были услышать меня по радио.

— Не внутри. Там нет приема.

Чжилань задумалась.

— Аджай, это правда?

— На счет радио, в общем да. Что касается храма, да, он огромный. Они могут не знать о вашем появлении.

— Тогда надо пойти и найти их, — сказала Чжилань.

— К тому же, — добавил Карна, — если они наблюдают за нами, то знают, чего я хочу. Всю жизнь я искал Теуранг. И скорее умру и позволю им уничтожить его, чем отдам вам.

Чжилань повернулась к Расселу, стоявшему за ее правым плечом, и что-то сказала. Одним гибким плавным движением Рассел поднес автомат к плечу.

Повинуясь порыву, о котором немедленно пожалел, Сэм крикнул:

— Джек, пригнись!

Рассел дал очередь. Из шеи Карны слева ударил фонтан крови; Карна упал. Рассел снова выстрелил, и три пули вошли в грудь Аджаю. Тот опрокинулся и замер.

Чжилань крикнула:

— Они здесь! В туннеле! Идите за ними!

Рассел и Марджори с автоматами наизготовку бросились через поляну. Чжилань у них за спиной пошла к телу Карны.

Сэм схватил Реми за плечи.

— Беги! Прячься.

— А ты?

— Я за тобой!

Реми мигом развернулась и кинулась в глубину туннеля. Сэм поднял свой.38 и выстрелил в Рассела и Марджори. Он не питал иллюзий, будто сумеет в них попасть, но своей цели добился. Рассел и Марджори разделились, и оба нырнули за ближайшие валуны.

Сэм повернулся и побежал за Реми.

Он был на середине туннеля, когда услышал шаги у входа.

— Быстрые, сволочи, — пробормотал он, не останавливаясь.

Впереди Реми достигла конца туннеля. И метнулась влево, в пещеру.

Пули отскочили от стены слева от Сэма. Сэм прыгнул вправо, оттолкнулся от стены, чуть повернулся, увидел два луча налобных фонарей, пляшущие в туннеле, и выстрелил по ним. Через пять шагов он оказался в пещере. Реми скорчилась у ближайшей стены.

— Пошли...

С поляны донесся звук выстрела, пауза, потом второй выстрел.

Сэм взял Реми за руку, и они вприпрыжку помчались по пандусу. Позади в ступени ударяли пули. Фарго добрались до площадки и стали подниматься по следующему пролету. Реми поскользнулась, ничком грохнулась на землю и застонала.

— Ребра? — спросил Сэм.

— Да... Помоги встать...

Сэм поднял ее; они преодолели остаток лестницы и остановились в арке, ведущей в Большой Зал. Сквозь стиснутые зубы Реми спросила:

— Устроим засаду?

— Они лучше вооружены и не побегут по лестнице. Посиди секунду, отдышись. Я проверю следующую лестницу.

Он едва успел поставить левую ногу на ступеньку, когда Реми у него за спиной закричала:

— Сэм!

Он обернулся и увидел, что Реми, пригнувшись, бежит под арку в Большой Зал. Справа от него на лестничной площадке показались две фигуры и побежали вверх по ступеням.

— Ошибка, Сэм! — прошептал он.

Он дважды выстрелил, но толку от его короткоствольного пистолета не было. Обе пули прошли мимо цели и ударили в стену за Расселом и Марджори. Они пригнулись и отступили, скрывшись из глаз.

Из арки послышался голос Реми:

— Беги, Сэм! Со мной все будет в порядке.

— Нет!

— Да беги же ты!

Сэм на глаз измерил расстояние и угол до арки в Большой Зал и чутьем понял, что до нее не доберется. Рассел и Марджори срежут его на полпути.

— Черт побери! — хрипло выдохнул Сэм.

На ступеньки снова, как чертики из табакерки, выскочили Рассел и Марджори. Из стволов их автоматов вылетели оранжевые вспышки.

Сэм ринулся вверх по ступенькам.

Скорчившись в одной из ванн, погасив налобный фонарь, Реми едва успела понять, что увидеть ее невозможно, как прогремели выстрелы.

Тишина.

Потом шепот Рассела:

— Она здесь. Бери ее, я его.

— Живой или мертвой? — тихо спросила Марджори.

— Мертвой. Мама говорит, это самое подходящее место. Теуранг здесь. Когда Фарго не станет, в нашем распоряжении будет все время на свете. Иди!

Реми, не долго думая, выбралась из ванны и прокралась к шахте. Сделала глубокий вдох, выдохнула и прыгнула.

* * *

Этажом выше Сэм оказался в лабиринте маленьких пересекающихся помещений и коридоров. Здесь корни и лианы росли гораздо гуще, заполняя пространство словно гигантской паутиной. Лучики солнца, заглядывая сюда, погружали лабиринт в зеленоватые сумерки.

Мачете Сэм оставил у входа в туннель, и ему оставалось только пригибаясь пробираться в глубину лабиринта.

Где-то за собой он услышал шаги.

И застыл.

Еще три шага. На этот раз ближе. Сэм повернул голову, стараясь определить направление.

— Фарго! — крикнул Рассел. — Отцу нужен только Теуранг. Он решил не убивать вас. Слышите, Фарго?

Сэм молчал. Он шагнул влево, под тесно сплетенные корни, в какую-то дверь.

— Он хочет того же, что и вы, — кричал Рассел. — Увидеть Золотого Человека в музее, где ему место. Вы и ваша жена станете соткрывателями. Представляете, как это почетно!

«Мы здесь не ради почета», — про себя сказал Сэм. — Идиот».

Справа по коридору треснула ветка и последовало еле слышное:

— Черт!

Сэм присел, переложил.38 в левую руку и выглянул. К нему кто-то бежал, их разделяло двадцать футов. Сэм выстрелил. Рассел споткнулся и едва не упал, но сохранил равновесие и нырнул вправо, за дверь.

Сэм пересек коридор, переступил через корень и вошел в соседнее помещение. И остановился, щелкнув барабаном пистолета.

Осталась одна пуля.

Реми жестко приземлилась на дно ямы и постаралась перекувырнуться, чтобы погасить удар, но налетела на что-то твердое. Жгучее белое пламя охватило ее грудную клетку.

Она подавила крик и заставила себя сохранять неподвижность. Вокруг царила полная темнота. Реми предположила, что она под землей.

Сверху из шахты послышался голос Марджори:

— Реми? Вылезай. Я знаю, ты ранена. Выходи, я помогу тебе.

Вот уж дудки, сестренка, подумала Реми.

Она обхватила ладонями фонарь, включила его и быстро осмотрелась. За ее спиной была стена, прямо впереди — широкий ведущий вниз туннель. По обе стороны туннеля тянулись арки. Реми выключила фонарь.

На четвереньках она поползла вперед. Решила наконец, что расстояние между ней и Марджори достаточно велико, она зажгла фонарь. Прижав руку к ребрам, Реми встала. Наобум выбрала арку и прошла в нее. Слева была другая арка.

Из туннеля донесся глухой удар, потом выдох. Она выглянула из-за угла вовремя, чтобы увидеть, как к ней разворачивается фонарь. Реми подняла пистолет, прицелилась и трижды быстро выстрелила. Автомат Марджори выплюнул оранжевый гриб.

Реми попятилась, повернулась и метнулась в другую арку.

Сэм знал, что Рассел у него за спиной, на другой стороне коридора.

Одна пуля, подумал Сэм. У Рассела их гораздо больше и, вероятно, пара запасных магазинов. Нужно подпустить его близко, примерно на десять футов, чтобы не промахнуться.

Стараясь представить себе коридор, Сэм глубже заполз в комнату, потом шагнул в арку налево. Повернул направо, подошел к следующей арке и рискнул выглянуть в коридор.

В арке напротив он услышал щелчок. Рассел!

Держа пистолет у пояса, Сэм попятился от двери. Поравнявшись со следующей аркой, он повернулся, чтобы войти в нее.

В коридоре стоял Рассел. Сэм поднял пистолет, прицелился. Рассел сделал шаг и исчез. Сэм сделал два больших шага вперед и, держа пистолет перед собой, бочком выбрался в коридор.

И оказался нос к носу с Расселом.

Сэм знал, что Рассел моложе и сильнее; к тому же мальчишка Кинга был стремителен, как молния. Прежде чем Сэм смог нажать на курок, Рассел махнул прикладом вверх, и ложа устремилась к подбородку Сэма. Сэм отскочил. Удар получился скользящим. Глаза Сэму застлала красная пелена. Он инстинктивно бросился вперед и облапил Рассела, прижав его руки к туловищу. Они спотыкаясь попятились. Рассел оперся на пятку и крутанулся на ней, увлекая за собой Сэма. Сэм вновь обрел опору, согнул ногу и коленом ударил Рассела в промежность. Рассел охнул. Сэм ударил его снова, потом еще. Ноги под Расселом подгибались, но он умудрился не упасть.

Не выпуская друг друга, они ввалились в соседнее помещение, врезались в стену и оказались в новом помещении. Рассел запрокинул голову, задрал подбородок. Удар головой, подумал Сэм и попробовал увернуться, но было опоздал. Рассел ударил Сэма головой в бровь. В глазах снова покраснело, потом с боков начала наползать чернота. Сэм с трудом выдохнул, глубоко вдохнул, стиснул зубы и продолжал держаться. Перед глазами слегка прояснилось. Он отвел назад голову, но разница в росте исключала удар по лицу. Вместо этого Сэм нацелился в ключицу. На этот раз Рассел вскрикнул от боли. Сэм снова ударил головой, и снова. Автомат Рассела упал на землю.

Они снова развернулись. Рассел пытался использовать превосходство в силе, чтобы либо потеснить Сэма, либо ударить его о стену.

Неожиданно Сэм почувствовал, что Рассел теряет равновесие: он пятился быстрее, чем мог, опережая собственные ноги. Сэму помогло дзюдо. Он воспользовался тем, что Рассел терял равновесие. Вложив все силы в ноги, Сэм ринулся вперед. Ноги цеплялись за корни, но Сэм, словно бульдозер, толкал Рассела назад, набирая скорость. Они

проскочили сквозь арку и снова оказались в коридоре. Сэм продолжал толкать.

И вдруг они зашатались, Рассел окончательно потерял равновесие. Их поглотила листва. Сэм слышал и чувствовал, как вокруг них с треском ломаются лианы. За плечом Рассела он видел дневной свет. Сэм выпустил Рассела из смертельного объятия и ударил головой, попав в грудину. Рассел исчез за пологом леса. Сэм, стараясь справиться с собственной инерцией, вылетел через отверстие в пространство.

Ему навстречу рванулись небо, гранитные стены и бурная речка далеко внизу…

Он сумел остановиться. Но от удара задохнулся. Сэм несколько раз глотнул воздуха. Он видел только черный стальной цилиндр.

Пистолет, подумал он. Он по-прежнему сжимал свой пистолет.

Он лежал на животе на кривом, замшелом дереве. Осмотрелся и постарался понять, что видит. Они вывалились из храмового окна. Дерево, наполовину вросшее корнями во внешнюю стену храма, пустило корни на крошечном клочке земли у самого края плато. За краем зияла тысячефутовая пропасть, ущелье Цангпо.

Сэм услышал под собой стон. Он вытянул шею, посмотрел вниз и увидел Рассела. Тот лежал навзничь рядом с деревом. Глаза Рассела были открыты и смотрели прямо на Сэма.

Рассел сел, лицо его перекосилось от боли. Правой рукой он провел вдоль ноги к икре. К сапогу была прикреплена кобура. Рассел схватился за рукоять револьвера.

— Не надо, Рассел, — попытался остановить его Сэм.

— Пошел к черту.

Сэм вытянул руку и приставил свой пистолет к груди Рассела.

— Не надо, — снова предупредил он.

Рассел расстегнул кобуру и вытащил револьвер.

— Последняя возможность, — сказал Сэм.

Рука Рассела начала подниматься.

Сэм выстрелил ему в грудь. Рассел охнул и упал навзничь, его мертвые глаза уставились в небо.

Ориентируясь по дико пляшущему лучу своего фонаря, Реми метнулась в арку. Вокруг о камень стучали пули. Реми резко развернулась, слепо выпустила назад, туда, откуда пришла, две пули, снова повернулась и бросилась бежать.

Она опять спотыкаясь вывалилась в коридор. Яма была выше по склону и слева. Реми повернула направо и продолжала бежать, прихрамывая. Фонарь осветил впереди черный круг в полу. Еще одна шахта. Было больно, ушибленная лодыжка начала отказывать; Реми попыталась обогнуть дыру, но поскользнулась и провалилась в отверстие.

Падение, к счастью, было коротким, возможно, в половину глубины первой шахты. Реми тяжело приземлилась на мягкое место. На этот раз боль была такой сильной, что сдержаться было невозможно, и она вскрикнула. Она перевернулась в поисках пистолета. Он исчез. Ей нужно было что-нибудь… что угодно. Марджори приближалась.

Фонарь Реми высветил что-то деревянное. Прежде чем сознание подсказало ей, что это такое, подсознание начало обработку визуальной информации: темная древесина, толстый слой темного лака, никаких видимых швов…

Реми протянула руку, ухватила ларец за край и подтянула к себе. И в ярком свете фонаря увидела четыре символа в прямоугольной рамке, четыре буквы письменности лова.

— Вот ты где!

Из отверстия над ней спрыгнула Марджори и ловко, как кошка, приземлилась у ног Реми. Автомат она перед прыжком сдвинула на спину, но теперь потянулась за ним и ухватила за приклад. И развернула к Реми.

— Не сегодня! — крикнула Реми.

Она обеими руками схватила ларец с Теурангом, подняла над головой и ударила им Марджори в лоб.

Лицо Марджори в луче фонаря Реми обмякло. Глаза закатились, по лбу потекла кровь. Марджори упала навзничь и затихла.

Реми ошеломленно отступала, пока не прижалась спиной к камню. Она закрыла глаза.

Какое-то время спустя в ее ошеломленное сознание проник звук.

— Реми? Реми?

Сэм.

— Я здесь! — крикнула Реми. — Внизу!

Через тридцать секунд наверху в шахте появилось лицо Сэма.

— Ты в порядке?

— Нужен небольшой ремонт, но я жива.

— Это то, что я думаю?

Реми похлопала по ларцу с Теурангом.

— Я на него просто наткнулась. Повезло.

— Марджори мертва?

— Не думаю, но я ударила сильно. Может, она уже никогда не станет прежней.

— Оно и к лучшему. К подъему готова?

Сэм, теперь вооруженный автоматом Рассела, вернулся к главному туннелю. Не зная точно, где Чжилань, он просто взял свой рюкзак и нашел путь ко второй яме и к Реми.

Тридцать минут спустя оба были в Большом Зале. Вдвоем вытащили тело Марджори из шахты. Сэм передал Реми автомат, потом подхватил Марджори и взвалил себе на плечо.

— Следи за Леди Драконом, — сказал он Реми. — Если увидишь ее, стреляй первая и забудь о вопросах.

Когда они приближались к выходу из туннеля, Реми остановилась.

— Слышишь?

— Да… Кто-то насвистывает. — На лице Сэма появилась улыбка. — Это «Правь, Британия»!

Сэм и Реми осторожно вышли из туннеля.

В двадцати футах от них, прислонившись спиной к камню, сидел Джек Карна. Заметив их, он перестал свистеть. И бодро помахал рукой.

— Привет всем, Реми и Сэм! Ох, погодите, вышел стишок. Какой я умный!

Сэм и Реми, ошеломленные, направились к нему. Подойдя, они увидели, что из-под шарфа на шее Карны торчат края бинта. На коленях у Джека лежала «Беретта» Аджая.

В нескольких футах от него на спине лежала Чжилань Су, под головой у нее была свернутая парка Аджая. Обе ее ляжки посередине были обвязаны окровавленными бинтами. Чжилань была в сознании. Она смотрела на них, но молчала.

Реми сказала:

— Джек, неплохо бы объясниться.

— Конечно. Как оказалось, Рассел стреляет быстро, но неточно. Думаю, он пытался прострелить меня и одновременно достать Аджая. Его проклятая пуля пробила мышцу… Как ее — между плечом и шеей?

— Трапециевидная, — подсказал Сэм.

— Вот-вот, ее. На два дюйма правее, и поминай как звали.

— Больно? — спросила Реми.

— Конечно, и очень. А что это вы несете, милая Реми?

— Мы тут кое-что нашли.

Реми поставила ларец рядом с Карной. Он улыбнулся и похлопал его по крышке.

— А что с ней? — спросил Сэм.

— А, с Леди Драконом? На самом деле все очень просто. Она считала меня мертвым и потеряла бдительность. А когда подошла, я схватил пистолет Аджая и выстрелил ей в правую ногу. А потом в левую. Думаю, теперь она надолго встанет на якорь.

— Еще бы.

Сэм повернулся к Чжилань. Присел и положил рядом с ней Марджори. Чжилань протянула руку и коснулась лица дочери. Сэм и Реми, пораженные, увидели, как ее глаза наполнились слезами.

— Она жива, — отметил Сэм.

— А Рассел?

— Нет.

— Ты его убил? Убил моего сына?

— Только потому, что он не оставил мне выбора, — заявил Сэм.

— В таком случае я убью тебя, Сэм Фарго.

— Попробуй. Но сначала подумай: мы могли бы оставить Марджори там умирать. Мы этого не сделали. Джек мог бы убить тебя. Не стал. Ты

здесь из-за своего мужа. Он послал тебя и твоих детей делать за него грязную работу, и теперь один из них мертв.

Мы улетим с этой горы и возьмем тебя с собой. А как только доберемся до телефона, позвоним в ФБР и расскажем все, что знаем. Тебе выбирать, кем ты хочешь быть свидетелем или обвиняемой рядом с мужем? В любом случае ты попадешь в тюрьму, но в зависимости от того, как ты разыграешь свою карту у Марджори может быть шанс.

Реми спросила:

— Сколько ей лет?

— Двадцать два.

— У нее впереди долгая жизнь. И во многом от тебя зависит, как она ее проживет: свободной от власти отца или в тюрьме.

Ненависть из взгляда Чжилань вдруг исчезла. Лицо ее смягчилось, словно она сбросила тяжелый груз. Она спросила:

— Что я должна буду сделать?

— Рассказать ФБР все, что знаешь о незаконной деятельности Чарли Кинга — обо всех тех мерзостях, которые он приказывал тебе делать для него.

Реми сказала:

— Уверена, что такая умная женщина позаботилась о страховке. Думаю, у тебя где-то припрятано очень толстое досье на Кинга.

— Ну так что? — спросил Сэм.

Чжилань помешкала, потом кивнула.

— Отлично. Джек, мы где-то выронили свои рации.

— Моя при мне.

— Попытайся связаться с Гуптой. Пора отсюда убираться.

Эпилог

Катманду, Непал

Несколько недель спустя

Спасение Сэма и Реми из горного храма Шангри-Ла прошло без осложнений. Как и обещал, Гупта летал поблизости и слушал радио в ожидании вызова. Он вернулся и забрал их. Через четыре часа после

того, как они покинули китайское воздушное пространство, Гупта посадил «Четак» в аэропорту Итанагара.

Поскольку, кроме погибших членов экипажа Z-9, только они были свидетелями происшествия в горах, китайское правительство ничего не узнало о вторжении. Насколько всем было известно, Гупта и его пассажиры просто совершали туристический полет.

После беглого осмотра в больнице Итанагара Реми и Сэма отпустили. Марджори оставили на ночь для наблюдения. Как и ее отец, она оказалась твердолобой, и удар Реми вызвал у нее лишь легкое сотрясение мозга.

Карна отказывался от медицинского осмотра, пока не пересек границу Непала, но Гупта промыл входное и выходное пулевые отверстия и перевязал рану.

После долгого разговора с Рубом Хейвудом Сэм организовал тайную и безопасную переправку Чжилань Су и Марджори в Вашингтон, округ Колумбия, где их ждали особые агенты ФБР. На допросе Чжилань Су не стала утаивать ничего о деятельности Чарлза Кинга. По словам Руба, ФБР и Министерство юстиции создали специальную группу для раскрытия многочисленных незаконных операций Кинга. Шло к тому, что остаток жизни Кинг проведет за решеткой.

Непальское правительство и научная общественность Непала тщательно охраняли ларец, пока главный антрополог Рамос Шадар с помощниками изучал его содержимое. Было решено хранить в тайне обнаружение Золотого Человека и местоположение горного храма Шангри-Ла, пока нельзя будет открыть эту тайну всему свету.

И вот это время пришло.

— Поздравляю! — сказала Реми, поднимая бокал с шампанским.

Остальные собравшиеся: Сэм, Джек Карна, Адала Каалрами, Сушант Дхарел и Рамос Шадар — подхватили тост и зазвенели бокалами.

— Настало время раскрыть ларец, — с улыбкой заявил Шадар. — Я уверен, все с нетерпением ждали этой минуты.

— За Теуранг, — негромко произнесла Реми.

Они поднялись по лестнице в выложенный мрамором выставочный зал университета Катманду. Официальное открытие и пресс-конференция должны были состояться только на другой день, но Сэму, Реми и остальным была оказана честь увидеть все заранее.

— Кто из вас первым поднимет крышку и увидит Золотого Человека? — спросил Шадар, который уже хорошо знал, что внутри. Его забавляла реакция остальных. — Кто имеет право на это?

— Что тут думать, — ответил Сэм. — Это право принадлежит Джеку.

— Мистер Карна, — обратился Шадар, показывая на ларец. — Прошу!

Карна со слезами благодарности на глазах кивнул и подошел к накрытому бархатом ларцу. Медленно, с большим почтением, он взялся за шнур и потянул.

Перед ними стоял ларец Теуранга. Крышка лежала рядом. Все, кроме Шадара, смотрели, полные благоговения.

Внутри, свернувшись в позе зародыша, лежал почти полный окаменелый скелет, полностью вызолоченный. Потрясающее зрелище благодаря висящим над головой лампам. Все несколько секунд молчали.

Наконец Джек Карна спросил:

— Почему он такой маленький?

— Похож на маленького мальчика, — тихо сказала Реми. — Не старше трех лет.

— Не выше трех футов ростом, — предположил Сэм.

Шадар улыбнулся.

— Точнее три фута два дюйма. Вес по оценке примерно пятьдесят фунтов. Мозг размером с бейсбольный мяч.

— Должно быть, подделка, — впервые заговорила Адала Каалрами.

Шадар покачал головой.

— Можете не верить, но перед вами человек тридцати лет. Возраст мы определили приблизительно по зубам и структуре костей.

— Карлик? — предположил Сэм.

— Нет, — ответил Шадар. — Это отдельный вид человека, существовавший восемьдесят пять — пятнадцать тысяч лет назад. Когда мои предки нашли этот скелет в горной пещере, они покрыли кости золотом и сочли скелет священным.

— И поклонялись ему больше тысячи лет, — добавил Сэм.

Глаза Шадара хитро блеснули.

— Не ему, — медленно сказал он, — а ей.

Наступило долгое молчание; суть сказанного доходила до всех не сразу.

— Конечно! — воскликнула Реми. — Дарующая жизнь. Мать человечества. Теуранг — женщина. Неудивительно, что ее обожествляли.

Сэм покачал головой, но глаза его блеснули.

— И почему это, — спросил он, — последнее слово всегда остается за женщиной?

Примечания

1

Булли (*англ.*) — хулиган, задира, забияка. — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Defence Advanced Research Projects Agency — Агентство исследовательских оборонных работ.

3

Recreational Equipment, Inc.

4

Уилсон Пикетт (1941–2006) — афроамериканский ритм-энд-блюзовый исполнитель. В 1965 г. добился крупного сольного успеха с танцевальным хитом «In the Midnight Hour», ставшим его визитной карточкой на годы вперед.

5

Управление стратегических служб.

6

Dead end, то есть буквально «мертвый конец».
